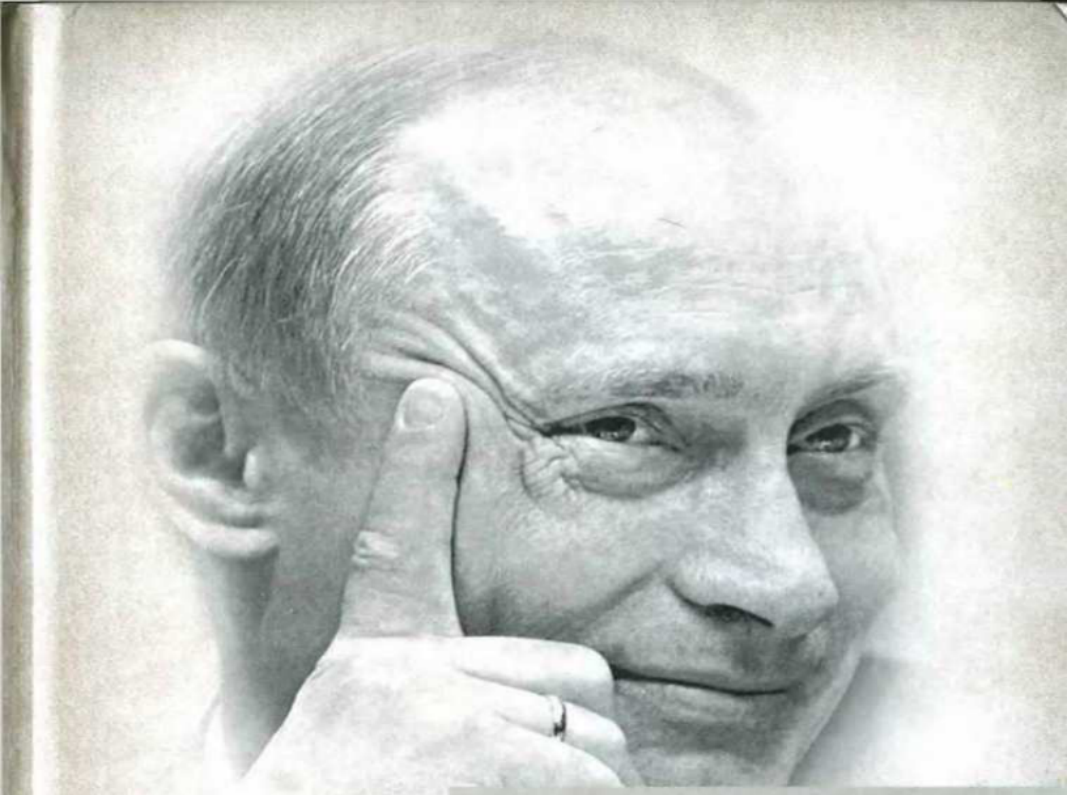

Нелли Гореславская

Неизвестный Путин

Тайны личной жизни

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вокруг личной жизни Владимира Путина ходит немало слухов. В последние годы его пребывания на политическом Олимпе у скандального вопроса «Who is mister Putin?» появился пикантный оттенок. Во многом этому способствовала закрытость личности В. Путина, созданный образ «разведчика у масти». Личная и семейная жизнь президента РФ практически всегда была фигурой умолчания для СМИ. В этой книге представлена достоверная информация о семье Путиных, об истории отношений Владимира и Людмилы. Подробно рассказано о детях и родителях супругов. Показаны человеческие, житейские стороны личности Президента и Первой леди.

Книга будет интересна всем, кто интересуется, как живут люди, облеченные властью. Как строят отношения те. кому суждено добиться такого головокружительного успеха? Как суметь этот успех удерживать такое продолжительное время? На эти вопросы ответит новая книга Н. Гореславской.

- Неизвестный Путин. Тайны личной жизни
  - SIC TRANSIT GLORIA MUNDI?
  - ДЕТСТВО
    - СЕМЬЯ ПУТИНЫХ
    - РОДИТЕЛИ
    - РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ
    - ШКОЛА. ДВОРОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ
    - СПОРТ. ЧУДЕСНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ВОЛОДИ ПУТИНА
    - ОН СТАЛ БЫ СКИНХЕДОМ?..
    - ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ
  - ЮНОСТЬ. УНИВЕРСИТЕТ. ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ
    - «ИНИЦИАТИВНИКОВ НЕ БЕРЕМ…»
    - ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ
    - «ФАКУЛЬТЕТ ТОБОЙ ГОРДИТСЯ…»
    - «МОИ ДРУЗЬЯ — МОЕ БОГАТСТВО»
    - ЛИБЕРАЛ-ПАТРИОТ
  - ЛЮДМИЛА
    - ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА…
    - ЗНАКОМСТВО
    - НЕПРОСТАЯ ИСТОРИЯ…
    - … СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ
    - ПОДРУГА… ПОДКОЛОДНАЯ?
    - МОЛОДАЯ СЕМЬЯ

- ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА РАЗВЕДЧИКА
- СЛУЖБА
  - ЛИРИКИ НЕ БЫЛО
  - КАК ГОТОВЯТ ДЖЕЙМСОВ БОНДОВ
  - РАССМАТРИВАЛОСЬ ВСЕ…
- ЗАГРАНИЦА
  - ДОЧКУ БУДУТ ЗВАТЬ… МАШЕЙ
  - ЗАГРАНИЧНАЯ КОМАНДИРОВКА
  - «ВПОЛНЕ РУТИННАЯ РАБОТА»
  - НО МАША БЫЛА СЧАСТЛИВА…
  - А ЯЗЫК НАДО УЧИТЬ
  - МУЖ СЛУЖИЛ, ЖЕНА ЗАНИМАЛАСЬ ДЕТЬМИ…
  - КРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ
  - «МОСКВА МОЛЧИТ…»
  - «ПРОСТО БРОСИЛИ ВСЕ И УШЛИ»
  - «Я ВИДЕЛА, ЧТО ТВОРИЛОСЬ С СОСЕДЯМИ…»
- ПИТЕР
  - НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ
  - В КОМАНДЕ СОБЧАКА
  - ИНОГДА НУЖНО И ДВЕРЬЮ ХЛОПНУТЬ
  - «ДЕМОКРАТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ»
  - АВАРИЯ
  - ПОЖАР. КОНЕЦ ПИТЕРСКОЙ ЖИЗНИ
- ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА
  - ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ
  - ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНЫМИ ТЕМПАМИ
  - ВХОЖДЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ
  - «МНЕ НЕ СТРАШНО ЗА НЕГО…»
- ДОЧЕРИ
  - ИХ НИКТО НЕ ЗНАЕТ В ЛИЦО
  - ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ
  - «МОИМ ДЕТЯМ ПОВЕЗЛО С РОДИТЕЛЯМИ…»
  - ЖИЗНЬ ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»
- «WHO IS MISTER PUTIN?» (Инопресса о Путиных)
  - ПРОГНОЗЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
  - С ПУТИНЫМ ГЛАЗА В ГЛАЗА — НО НЕ ЗАГЛЯДЫВАЯ В ДУШУ
  - ИТОГИ ПЕТЕРБУРГСКОГО САММИТА: ПУТИН ПОЛУЧИЛ, ЧТО ХОТЕЛ?
  - ЛЮДМИЛА ПУТИНА ГЛАЗАМИ ЗАПАДНЫХ СМИ
- НА ВЕРШИНЕ ОЛИМПА
  - «ЕДИНСТВЕННЫЙ ЕВРОПЕЕЦ» ВО ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА
  - КОМУ СДАЕМСЯ, ГОСПОДА?

- БЕЗ МЕЧТЫ
- СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Неизвестный Путин. Тайны личной жизни
Нелли Гореславская

SIC TRANSIT GLORIA MUNDI?

Пять с лишним лет назад, когда я писала свою первую книгу о Владимире Путине и его супруге, я удивлялась народной любви к нему, пытаясь найти и понять ее истоки.

«…Владимира Владимировича любят. Его популярность огромна, потрясениям и колебаниям она почти не поддается, несмотря ни на безумный рост коммунальных тарифов и постоянно дорожающую жизнь, ни на печальные события типа Беслана или «Норд-Оста», ни на громкие отставки и перестановки должностных лиц, молниеносной быстротой их проведения напоминающие спецоперации…

Любовь к Путину все более приобретает характер поклонения идолу. Как сообщали «Ведомости», государственные чиновники и бизнесмены покупают такие же, как у президента, костюмы и галстуки, так же, как он, носят часы на правой руке (естественно, часы той же марки), заводят черных лабрадоров. И, надо полагать, всех их называют Кони.

Особенно любят Владимира Владимировича женщины. Помните, как пару-тройку лет назад две юные девицы, «Поющие вместе», даже песню сочинили на эту тему. Дети своего времени, они бойко распевали, что хотели бы иметь такого избранника, как Путин… «Такого, как Путин, — полного сил, Такого, как Путин, — чтобы не пил…»

…В чем причина такой невероятной народной любви к нему? На вид вроде бы не красавец, внешность не броская. Да, достигнуты определенные успехи в управлении государством, однако кардинальных перемен в жизни страны и народа, как уже сказано, не заметно. К тому же и появился Путин на политическом небосклоне как преемник и ставленник нелюбимого Ельцина. Многие склонны полагать, что всему виной «золотой дождь», льющийся на страну из-за высоких цен на нефть, а также умелый пиар».

Но ведь до народа-то от этого дождя долетают, в лучшем случае, капли. Урожаем пользуются те, у кого хранятся наши золотые и валютные запасы. Что касается пиара, то — да, он имеет место. Но разве у Ельцина его не было? Еще какой. Только благодаря пиару и сумел он переизбраться на второй срок с двумя процентами личного рейтинга. Хотя тогда, возможно, сыграли свою роль и «коробки из-под ксерокса», и «правильный» подсчет голосов. Но ничто не помогло Ельцину сохранить народную любовь и уважение.

«Так в чем же секрет популярности Путина?» — спрашивала

я.

Секрет, мне казалось, в том, что народ увидел в нем своего парня, плоть от плоти — с такой же, как у многих, биографией: простая рабочая семья, спортсекция, институт, служба (причем служил он в КГБ, который, как мы раньше были уверены, стоял на страже целостности и безопасности государства). В том, что он говорит с народом на одном языке. Втом, что он впервые в постсоветской России заговорил не о встраивании в западную цивилизацию, а о патриотизме. Что он сожалеет о распа-де СССР и считает этот распад крупнейшей геополитической катастрофой XX века.

И это оказалось близко, созвучно, востребовано 90 % граждан России, отсюда и его триумфальный успех и огромная популярность.

Однако все его качества, казалось бы, остались у него и сегодня. Откуда же многотысячные митинги перед выборами (да и после них, хотя уже не с таким накалом и не столь массовые), главные лозунги которых: «Путин, уходи!» и «Россия без Путина!»? Поневоле вспоминается древнее выражение: «Sic transit Gloria mundi» (Так проходит мирская слава). Между прочим, в первоисточнике — книге немецкого философа-мистика Фомы Кем-пийского (XV в.) «О подражании Христу» — мысль звучала чуть иначе: «О, как скоро проходит мирская слава» (O quam cito transit gloria mundi). Что еще точнее выражает сложившуюся ситуацию. Увы, все изменчиво и тленно в этом мире, и любовь народная в первую очередь. Как тут не вспомнить уже русскую народную мудрость: «От любви до ненависти — один шаг»?

Но как ни ненавидели Горбачева и Ельцина, против них лично такой митинговой волны не было. Правда, при Горбачеве проходили митинги против КПСС, против ставшей вдруг ненавистной советской власти, но личность Горбачева почти не упоминалась. В 1993 году началось восстание против ельцинского курса уничтожения страны, но на Ельцине лично опять же не сосредотачивались, не в том была цель собравшихся на баррикадах у Белого дома. Однако Ельцин, как все помнят, тогда просто расстрелял Верховный Совет и его сторонников из танков, что «либерально-демократический» Запад, не говоря уж об отечественных любителях демократии вместе с нашими правозащитниками, единодушно одобрил. (Конечно, Ельцин же стрелял «демократическими» снарядами — не то, что диктаторы Саддам Хусейн, Каддафи и Мубарак.

Жаль, что убитые в Белом доме люди этого не понимали и умирали совсем не от счастья.) Но, похоже, нынешние наши протестанты подобной участи совсем не страшатся, несмотря на

постоянно повторяемые ими мантры о «кровавой гэбне».

И все-таки: что же не так оказалось с Путиным? Почему такое яростное неприятие его появилось у части общества? Вроде бы, другим человеком он за годы, проведенные им у власти, не стал. Во всяком случае, биография осталась точно та же. Вспомним ее основные вехи. Потом попробуем разобраться с другими вопросами.

ДЕТСТВО

СЕМЬЯ ПУТИНЫХ

Разведчиком Владимир Путин хотел стать с детства… Детство, семья, в которой вырос человек, среда, которая его окружала, как известно, определяют многое в характере, очень сильно влияя на формирование личности.

Каким же оно было, детство нашего президента? Да типичным. Таким, как у многих в то время.

Владимир Владимирович Путин, как известно, родился в Ленинграде 7 октября 1952 года в простой рабочей семье. Однако родословная у Путиных интересная. Дед нынешнего президента, Спиридон Иванович Путин, родом был из Тверской губернии. В юношеском возрасте его отправили в Петербург учиться поварскому искусству. Почему именно поварскому, история умалчивает, но он в самом деле стал классным поваром, работал в знаменитых петербургских ресторанах, получал по сто рублей золотом в месяц. Большие деньги по тем временам — стало быть, было за что платить. Однажды кормил даже Распутина, и тот захотел лично поблагодарить повара — подарил ему золотой рубль. Впрочем, глядя на его фотографию того времени, красавца с роскошными усами и пытливым взглядом примешь скорее за офицера в штатском платье, чем за повара…

Однако, когда началась Первая мировая война и в Питере жить стало трудно и голодно, вся семья уехала в Тверскую область на родину родителей. Конечно, прекрасный профессионал своего дела, Спиридон Иванович не пропал и при новой власти. Через некоторое время его пригласили работать не куда-нибудь, а в Ленинские Горки, где тогда жили Крупская и сестра Ленина Мария Ильинична. Потом он трудился поваром на одной из дач Сталина и в конце жизни — в доме отдыха Московского горкома партии в Ильинском. Был он, как вспоминают, не только талантом в своей профессии, но и человеком кристальной честности и большого трудолюбия. Маленький Володя Путин не раз гостил у деда в Ильинском.

Под стать мужу была и бабушка, Ольга Ивановна, родившая и воспитавшая шестерых детей. Из четверых сыновей двое погибли в Великую Отечественную, один, именно отец президента, стал инвалидом, и только младший, Александр Спиридонович, прошел всю войну относительно благополучно и выжил, закончив ее в звании лейтенанта. Потом он преподавал в Рязанском автомобильном училище. Одна из дочерей, Анна, во время войны оказалась на оккупированной территории, вместе с маленьким сыном попала в концлагерь на территории Прибалтики. Она на

собственном опыте испытала «воспитательный» характер этих лагерей, в чем пыталась убедить международную общественность президент Латвийской Республики в годы первого президентского срока Путина госпожа Вике-Фрейберге. Спасло Анну Спиридоновну с сыном только то, что какая-то немецкая семья взяла их на свою ферму в качестве рабов-батра-ков. После войны Анна Спиридоновна жила в Петергофе, работала проводником в поездах дальнего следования и часто бывала в гостях у родственников в Ленинграде. Так что маленький Володя Путин наверняка слышал рассказы тети о том страшном времени и мог бы без труда опровергнуть заявления латышской фрау. Впрочем, в высокой политике личные чувства приходится придерживать, но это не означает, что их нет или они забыты.

Вторая дочь Спиридона Ивановича Людмила во время войны, к счастью, прошла лишь через трудовой фронт. После войны она, выйдя замуж, жила и работала в Жуковском.

РОДИТЕЛИ

Что же касается отца Владимира Владимировича, то ему повезло гораздо меньше, чем младшему брату. Когда началась война, Владимир Спиридонович, который к тому времени уже был коммунистом, ушел на фронт добровольцем.

Он попал в так называемый истребительный батальон НКВД. Эти батальоны занимались диверсиями в тылу немецких войск. Иначе говоря, Владимир Спиридонович попал в один из спешно созданных партизанских отрядов, главной задачей которых было хоть как-то сдержать наступление фашистов, рвущихся к Ленинграду. Подобные отряды создавались не только под Ленинградом. В такой группе под Москвой, очевидно, воевала и Зоя Космодемьянская. Шли в них убежденные, патриотически настроенные коммунисты и комсомольцы (а Владимир Спиридонович был именно таким). Плохо экипированные и обученные (некогда было долго учиться), слабо вооруженные, они забрасывались в тыл врага, старясь нанести как можно больший ущерб рвущимся вперед фашистам, нарушить снабжение их армий продовольствием и вооружением, собрать необходимые командованию разведданные.

В группе, куда попал Владимир Спиридонович, было 28 человек. Их выбросили под Кингисеппом, и они успели взорвать состав с боеприпасами. Но потом кончились продукты. Красноармейцы вышли на местных жителей, эстонцев, которые вначале, демонстрируя доброжелательность, принесли им еды, а потом спокойно сдали их немцам. Эстонцы, как известно, в своем большинстве предпочитали помогать фашистам, а не советским войскам. Шансов выжить у наших бойцов почти не было. Немцы обложили их со всех сторон… Остатки отряда стали продвигаться к линии фронта, чтобы вернуться к своим. По дороге потеряли еще нескольких человек и решили рассеяться. Владимир Спиридонович с головой спрятался в болоте и дышал через тростниковую трубочку, пока собаки, с которыми их искали, не проскочили мимо. С помощью такого необычного способа он сумел спастись. Один из немногих — из 28 человек к своим вышли лишь четверо. Скорее всего, так было почти везде— из подобных ему неопытных диверсантов-развед-чиков спастись и выжить удавалось мало кому.

После этого, пройдя необходимую в таких случаях проверку в Особом отделе, боец Путин снова был направлен в действующую армию и снова попал на самый, пожалуй, тяжелый участок Ленинградского фронта. Он воевал на знаменитом Невском

пятачке— крошечном плацдарме, который наши войска удерживали на левом берегу Невы, надеясь отсюда начать прорыв блокады осажденного города. Нечего и говорить, что фашисты ежедневно обрушивали на плацдарм десятки и сотни бомб. С1941 по 1943 год на этом крошечном пятачке земли размером километр на полтора было убито более 260 тысяч человек. Потери здесь составляли десятки, а иногда и сотни человек в сутки. После войны, когда создавали музей Невского пятачка, туда решили доставить кубометр земли, которую с такой кровью и такими жертвами удерживали наши бойцы. В нем оказалось около десяти килограммов осколков снарядов, мин, бомб и гранат, 38 пуль. Причем землю не выбирали. Словом, Владимир Пу-тин-старший снова попал в команду смертников. И снова чудом выжил.

Ему и еще одному бойцу дали задание провести разведку у немецких позиций, а если будет возможность, то взять «языка». Они подползли к блиндажу и только приготовились ждать, как оттуда неожиданно вышел немец… Немец, заметив их, пришел в себя раньше, мгновенно достал гранату и метнул ее в разведчиков. Он, наверное, был уверен, что убил русских. Однако Владимир Спиридонович выжил, правда, ему осколками перебило ноги. Через замерзшую Неву его перетащил в Ленинградский госпиталь… его сосед по дому. У немцев там был пристрелян каждый сантиметр, но они каким-то чудом уцелели. А сосед сдал товарища в госпиталь, попрощался с ним и снова вернулся на передовую. Все же есть Бог на свете — он тоже выжил в той страшной мясорубке и потом, уже после войны, встречался с Владимиром Спиридоновичем.

А тот долго лечился в госпитале. В конце концов на ноги его все же поставили, но они, израненные, болели у него всю жизнь. Он получил инвалидность и был признан полностью негодным к строевой службе, однако из Ленинграда не уехал. Владимир Спиридонович остался в блокадном городе, где находилась и его жена, и пошел работать на вагоностроительный завод имени Егорова, который во время войны, естественно, стал оборонным предприятием. На заводе выпускали снаряды и мины, ремонтировали танки, поврежденные в боях. Мало того, рабочие бригады нередко выезжали к линии фронта и ремонтировали танки прямо на передовой, часто под огнем противника.

Впрочем, в самом Ленинграде, который постоянно бомбили, было не намного безопаснее. О голоде, который царил в осажденном городе, говорить не будем — эта трагическая страница нашей истории известна слишком хорошо. Однако ленинградцы, в том числе и Путины, продолжали не только

выживать в блокаде, но и работать.

Правда, у Марии Ивановны, матери Владимира Владимировича, сил на работу уже не было. Она была так слаба, что муж на руках выносил ее во двор на солнышко. Мария Ивановна, в девичестве Шеломова, родом была из соседней деревни в той же Тверской области. Родители нынешнего президента познакомились и поженились, когда им не было еще и двадцати лет. В 1932 году переехали в Ленинград, где тогда служил родной брат Марии Ивановны, морской офицер Иван Иванович Шеломов. Жили Путины на первых порах в пригороде, в Петергофе. Оба работали на заводе, но Владимира Спиридоновича почти сразу забрали в армию, срочную службу тогда, до войны, проходил он на подводном флоте. После того, как вернулся, у них с Марией Ивановной с интервалом в год, также еще до войны, родились два мальчика. Один из них через несколько месяцев умер. Второй умер уже во время войны от дифтерита.

Когда началась война, Мария Ивановна в эвакуацию не поехала, осталась в Петергофе. Возможно, как и многие ленинградцы, не осознала сразу всей тяжести и трагичности момента, возможно, хотела оставаться поблизости от мужа, который воевал неподалеку. Когда положение стало совсем тяжким, ее с ребенком забрал из Петергофа к себе в Ленинград Иван Иванович, который служил там в штабе флота. Он ее подкармливал от своего пайка, ребенка устроили в детский дом, какие организовывались тогда для детей в блокадном городе, пытаясь уберечь их от голодной смерти. К сожалению, не помогло. Едва не умерла от голода и Мария Ивановна, которая провела в Ленинграде всю блокаду.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Вот так, сполна хватив лиха, после войны, уже в возрасте (в 1952 году Владимиру Спиридоновичу исполнил-ся 41 год, столько же было и Марии Ивановне) Путины решились снова родить ребенка. Конечно, очень боялись, что скажутся последствия блокады — а примеры таких случаев были перед глазами, но, к счастью, ребенок родился здоровым.

Жили Путины, как и многие, в коммуналке. Эту комнату Владимиру Спиридоновичу выделил завод еще во время войны как фронтовику и передовому рабочему. Комната была довольно большой, но кухня, естественно, в квартире являлась общей, вода только холодная, мыться ходили в баню. Таких коммуналок было в Ленинграде много даже в 70—80-е годы. Немало их и сейчас. Но, несмотря на скромный быт, жили дружно, в семье у Путиных, как вспоминают очевидцы, царила атмосфера любви и заботы. Наверно, иначе и быть не могло после таких пережитых вместе испытаний. К тому же Володя после потери двоих старших сыновей стал у них единственным, поздним ребенком. Именно поэтому Мария Ивановна и решилась на столь поздние роды — очень тосковала по умершим детям. И, конечно же, над Володей тряслась и за него дрожала. В детский сад его не отдали, Мария Ивановна перешла на ночную работу — то работала по ночам в булочной, разгружая лотки с хлебом, то была ночным сторожем в комиссионном магазине, то еще кем-то. Можно представить, как она переживала за ребенка, потеряв до того двоих сыновей. Классная руководительница Володи Вера Дмитриевна Гуревич, например, рассказывает случай, как в пятом классе, когда они с ребятами решили отметить его окончание двухдневным походом, ей пришлось идти к Путиным специально для того, чтобы убедить Марию Ивановну отпустить Володю идти с классом, настолько та боялась, что с сыном что-нибудь случится — простудится и заболеет, отстанет и потеряется…

А вот отец был строгим. К сыну относился сдержанно, внешне никаких особых родительских чувств не проявлял и не показывал. Его даже Володины приятели побаивались. Он казался подросткам суровым человеком. Замечаний никогда не делал, их и не требовалось — одного его взгляда было достаточно, чтобы сын понял, как должен себя вести. Впрочем, по словам учительницы Володи В. Д. Гуревич, которая подружилась с родителями Путина и поддерживала с ними отношения всю жизнь, несмотря на суровую внешность и властный характер, на самом деле Владимир Спиридонович был человеком добрым и

справедливым.

Он всегда сам расписывался в дневнике сына, но на родительские собрания ходил редко. Правда, отец работал с утра до ночи, вставал в пять часов и уходил на завод, так что маленький Володя его практически не видел. Работал Владимир Спиридонович слесарем, потом стал мастером. Работу свою, при всей ее тяжести, Владимир Спиридонович любил, званием рабочего человека гордился. И его на заводе уважали, выбрали секретарем партийной организации цеха. О г завода же он еще во время войны, как уже сказано, получил и комнату в доме в Басковом переулке, где и родился Володя. Отдельную двухкомнатную квартиру инвалид войны и ветеран труда Владимир Спиридонович Путин получил только в 1977 году, когда им с Марией Ивановной было уже по 66 лет.

Словом, семья была самая простая, и нравы в ней царили вполне патриархальные. Мария Ивановна была человеком верующим, ходила в церковь, правда, мужу об этом не говорила, как-никак он был секретарем партийной организации. Тайком от мужа она и сына окрестила. Вряд ли для Владимира Спиридоновича ее поступки являлись тайной, но он был человеком мудрым и антирелигиозных скандалов ей не устраивал. Да, наверно, и невозможно выступать против веры в Бога, если ты прошел войну и не раз находился на волоске от смерти. Как говорят, это сильно влияет на религиозные чувства, недаром же в войну храмы были полны народа, и власть тому отнюдь не препятствовала… Не спорили попусту на тему веры и супруги Путины.

Мария Ивановна была прекрасной хозяйкой, она все время наводила чистоту и уют в доме, пекла пироги, без дела ее застать было невозможно. Если она не шила, то стирала, гладила, готовила или убирала. Очень следила, чтобы муж и сын выглядели чисто и аккуратно, могла заставить Володю несколько раз в день поменять рубашку, причем запачканная одежда тут же стиралась, сушилась и гладилась. Она очень любила постельное белье и шила его всегда сама на ручной швейной машинке, накупив разноцветного ситца, который был дешев и доступен, готовое никогда не покупала. В этом она намного опередила современную моду, так как в то время постельное белье у всех было исключительно белое. Белья этого, как вспоминает та же В.Д.Гуревич, у нее имелось великое множество — ведь к ним часто приезжали родственники, на дачу постоянно приезжали Володины друзья. Еще Мария Ивановна очень любила цветы, особенно гладиолусы, с которыми возилась весь дачный сезон.

Дачу Путины купили, беспокоясь о здоровье сына, чтобы

можно было с Володей уезжать на целое лето из города. А до того летом ездили к родственникам в Тверскую область, на родину родителей, так что со своим интересным дедом Володя успел хорошо познакомиться. Но собственная дача, конечно, была удобнее, поэтому Путины сначала купили маленький домик в Кингисеппском районе Ленинградской области, потом его продали, так как ездить было слишком далеко, и купили другой поближе, подТосно.

На даче на Владимире Спиридоновиче лежал огород. Он вообще был мастером на все руки и все делал с душой. Так же он трудился и на заводе — не за страх, а за совесть. Он был убежденным коммунистом, очень принципиальным, не стеснялся критиковать не только недостатки в цеху, но и заводское начальство. И еще очень любил читать, не расставаясь с книгой даже в транспорте. Уже работая, окончил вечернюю школу, потом поступил в техникум.

Как с некоторым смущением отмечают все биографы президента, жили Путины небогато, но от бедности своей не страдали, поскольку так тогда жили все. Было все необходимое — крыша над головой, не изысканная, но здоровая пища, постоянная работа, которую никто не боялся потерять, бесплатная медицина, бесплатное образование. О богатстве не думали, стремление к нему вообще считалось постыдным, поскольку главными в обществе провозглашались духовные ценности. Причем не только провозглашались, очень многие совершенно искренне считали неприличным слишком заботиться и думать о деньгах и барахле. Словом, на фоне окружающих жили Путины вполне неплохо. Владимир Спиридонович как очень добросовестный и квалифицированный рабочий, а потом и мастер, получал вполне достойную по тому времени зарплату, Мария Ивановна тоже всегда работала и сколько-то зарабатывала, а семья была у них небольшая — один ребенок. Так что никаких комплексов у маленького Володи и быть не могло.

Совсем напротив, ему было чем гордиться: например, имелся у Путиных телефон — большая редкость по тем временам, ставили его только по производственной необходимости, обычно же телефон был в коммуналке один на всех и висел в коридоре. Был телевизор — тоже вещь, не каждой семье тогда доступная. Была, как уже сказано, и скромная дачка, куда любили приезжать, когда он немного повзрослел, Володины друзья. Иначе говоря, хорошая была семья, и сын в ней, конечно, являлся главным смыслом жизни родителей, особенно для матери, и только крепкие крестьянские корни, видимо, не позволяли им бездумного баловства ребенка. Правда, руку на сына отец не

поднимал никогда — считал, что воспитывать надо умом и терпением, а не ремнем. Хотя, надо признать, рос Володя не паинькой и маменькиным сынком. Совсем напротив. Был он очень шустрым и подвижным, всему на свете предпочитая дворовые игры и забавы.

ШКОЛА. ДВОРОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

В школу Володя пошел почти с восьми лет, так как родился в октябре. Находилась она буквально через дом от здания, в котором была квартира Путиных, и по той же, четной стороне Баскова переулка. Так что родители, отправляя ребенка на занятия, могли за него не переживать, что тот запутается в переулках или будет вынужден переходить улицу. А сын предпочитал бегать на занятия даже не одеваясь, чтобы не тратить зря время на одевания-раздевания. И все равно почти всегда умудрялся опаздывать. Потом, став постарше, на большой перемене частенько успевал прибежать домой, приготовить глазунью, которую очень любил, съесть, запить молоком — и снова в школу. В общем, удобно было.

Однако школа его вначале не слишком привлекала, и хоть соображал Володя быстро и память имел прекрасную, до шестого класса учился как бог на душу положит. Был он, как уже говорилось, очень живой, подвижный, а в школе ведь дисциплина требуется. Сидеть надо тихо, не вертеться, не шалить, руку поднимать, если что-то сказать хочешь… Как всех мальчишек, больше его тянуло во двор, к друзьям-товарищам, дворовым забавам и проделкам. Туда он и устремлялся, прибегая из школы и наспех перекусив. Там были все его друзья, там на соседних улицах жили все его одноклассники. Игры были обычными — играли в футбол, в прятки, фехтовали на палках, носились по крышам сараев, где жильцы хранили дрова, ведь центрального отопления еще не было, несмотря на то, что это был центр города. Частыми были и мальчишеские драки, в которых Володя принимал самое активное участие. Видимо, тогда и почувствовал он вкус риска. И вкус этот ему понравился, заставляя искать острых ощущений снова и снова. Во всяком случае, друзья тех лет вспоминают не один случай, когда Володя осознанно шел на риск. Тут были и «упражнения на балконе» пятого этажа школы, и прыжки в воду со сваи в котлован во время летних школьных поездок, потом — гонки на машине, правда, не спортивные. Не раз наблюдали такое «рисковое» поведение Путина и мы, нередко считая это обычным политическим пиаром. А у него, оказывается, это особенность характера. Или натуры. Нравится, когда адреналин в крови играет.

Но именно в детстве, в питерском дворе, где, как вспоминают его товарищи, был хулиган на хулигане, он прошел свои первые «университеты». Там усвоил первые правила жизни и дворовой чести. В те годы, как, впрочем, и во все времена, уличная

территория была поделена между мальчишескими бандами, где безраздельно властвовало право сильного. И если не хочешь стать «шестеркой», которой все помыкают, борись. «Прав ты или нет, ты должен быть сильным и сразу же отвечать на оскорбление! Если хочешь победить, ты должен идти до конца», — так однажды сказал Путин, рассказывая о своем детстве.

И он следовал этому правилу: маленький и худенький, но цепкий и жилистый, он всегда, не задумываясь, атаковал первым: кусался, царапался, дергал за волосы — словом, делал все, чтобы обидчик не смог легко отделаться. И никогда никому не позволял себя хоть как-то унизить, даже если обидчик был вдвое сильнее. Так же он вел себя, если это касалось товарищей, — так же легко ввязывался в драку и дрался отчаянно, до последнего.

Интересно, задумывался ли Владимир Владимирович над тем, что в большой политике, как это ни покажется странным, действуют те же правила, что и в дворовых драках? Тут так же ценится и действует сила, а если силы не хватает, то выручает смелость, воля, дерзость, а иногда и почти откровенный блеф. И ни в коем случае нельзя показывать слабость, если противник (который может называться и партнером, но смысла это не меняет) ее почувствует, тебе (или твоему государству) придется плохо… Возьмите Северную Корею. Что было бы с ней, крошечной, но заносчивой представительницей пресловутой «оси зла», если бы не постоянные угрозы ее руководства в случае чего применить ядерное оружие? Которого у нее, может быть, еще и не было.

И что стало с огромной и не такой еще слабой Россией, когда она (вернее, ее руководители) начала «прогибаться» перед всеми сильными мира сего? Ее стали пинать, оскорблять и учить жизни не только сильные, но и все кому не лень — то Латвия, то Грузия, то Молдавия, не говоря уж о Европейском Союзе. Почему-то «цивилизованной» Европе не приходило в голову воспитывать «варварский» коммунистический СССР. Даже о правах человека в те времена они предпочитали помалкивать. Во всяком случае, во время встреч на высшем уровне. Так же, как сейчас никто в той же цивилизованной Европе не осмеливается заговорить о нарушении демократии со стороны США, что бы они ни вытворяли в мире.

Правда, с некоторого времени появилось ощущение, что Путин это понял. Неспроста была произнесена «мюнхенская речь», а уж его поведение на петербургском саммите в 2006 году, когда он, вполне освоившись на арене мировой политики, уже уверенно играл роль влиятельного лидера современного мира, легко затмевая и Буша, и Саркози, и друга Берлускони, и прочих политиков первого ряда, не раз вызывало аплодисменты

журналистов.

СПОРТ. ЧУДЕСНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ВОЛОДИ ПУТИНА

Однако возвратимся в те далекие пятидесятые годы, когда Володя Путин был еще ребенком. Неудивительно, что долгое время хулиганистого мальчишку даже не принимали в пионеры. Приняли уже классе в шестом, тогда как обычно всех принимали еще в третьем. Зато после того, как приняли, тут же выбрали председателем совета отряда. А это была в то советское время главная должность в классной иерархии. Причем выбрали сами ребята, хотя Володя к тому совсем не стремился, как и вообще к общественной работе. Нет, от сбора металлолома и макулатуры, от уборки школьной территории и прочих общественно-полезных дел он никогда не отлынивал. Раз надо, значит, надо, раз все идут, то и он тоже. Но вот выступать на собраниях, на концертах школьной самодеятельности не любил. И все же ребята решили тогда выбрать именно его. Правда, к тому времени Путин под давлением общественности чудесным образом превратился из хулигана в вежливого и культурного мальчика. Переломный момент наступил, говорят, после того, как жильцы дома пригрозили отправить его на перевоспитание в интернат для трудных подростков. Пугали, видимо, серьезно. Во всяком случае, после этого Путин присмирел. Шалил, конечно, но уже по мелочи. Так, по крайней мере, вспоминают о том времени однокашники Владимира Владимировича, его друзья детства. Тогда на собрание жильцов вместе с Володей ходил и отец, который за него и поручился. Потом, наверно, серьезно поговорил с сыном. Наверно, для Владимира Спиридоновича, который привык быть и чувствовать себя уважаемым человеком, это тоже было немалым испытанием. И, видимо, он сумел донести свои чувства до сына.

И все же думается, что на «чудесное превращение» повлияли не только запугивания общественности и внушения отца, но и занятия спортом.

Довольно быстро Володя понял, что одного дерзкого характера для того, чтобы постоять за себя, не хватает. И если Бог не наградил тебя богатырской силой и атлетическим сложением, значит, надо наращивать бицепсы самому.

Вначале он решил записаться в секцию бокса. Но долго там не продержался: очень быстро Володе сломали нос. Боль была страшная — невозможно дотронуться до кончика носа. Однако к врачу не пошел, хотя ему говорили, что надо делать операцию.

Ничего, срослось. Но охота заниматься боксом после этого пропала.

Тогда он решил заняться самбо. Борьба в то время вообще была популярной. Вместе с одноклассником и лучшим другом Витей Борисенко они записались в секцию, которой руководил Анатолий Семенович Рахлин, прекрасный тренер, и начали в ней заниматься. Правда, Борисенко через год секцию оставил, поняв, что борьба не для него. А вот Путин увлекся всерьез. Прибегая домой из школы, он теперь, часто даже не перекусывая, мчался не во двор, а в спортивный зал. У него не было спортивной формы, потом уже Мария Ивановна сама сшила сыну спортивную куртку, добираться до зала надо было с несколькими пересадками, но все это были мелочи. Главное — было желание. Потом самбо сменило дзюдо. Решение, что группа теперь будет заниматься дзюдо, принимал тренер, и мальчишкам не пришло в голову его оспаривать — авторитет тренера был высок и непререкаем. И вся группа тогда сменила вид борьбы.

Спорт, кстати, остался с Путиным на всю жизнь, многое внеся в формирование характера. «Дзюдо— это ведь не просто спорт, это философия, — считает Владимир Владимирович. — Это уважение к старшим, к противнику, там нет слабых. В дзюдо все, начиная от ритуала и заканчивая какими-то мелочами, несет в себе воспитательный момент. Вот вышли на ковер, поклонились друг другу… А могли и по-другому — вместо «поклонились» сразу противнику в лоб дать».

…Родители поначалу занятия спортом восприняли с опаской. И так мальчишка растет хулиганистым, а тут еще в секцию пошел, где учат драться. Мария Ивановна боялась к тому же, как бы он шею на этих занятиях не сломал. Однако занятия в секции подействовали на Володю благотворно. Он стал отдавать самбо все свое свободное время, забыв прежние забавы и дворовых друзей-това-рищей. Частенько захватывал в дорогу дневник: отчитывался за учебу перед тренером. Закон был суров: получил двойку — отправляйся домой, пока не исправишься. То есть спорт заставил серьезнее относиться и к учебе.

А успокаивать родителей пришлось тренеру, который побывал у Путиных дома, объяснил, что ничему плохому в секции ребят не учат. Они немного успокоились, отец даже стал иногда приходить на соревнования. Анатолий Семенович Рахлин, первый тренер Володи Путина, вообще сыграл в его жизни большую роль. Преданный своему делу, он сумел сделать секцию настолько привлекательной для мальчишек, что она заслонила для них все прежние увлечения, не всегда безобидные, помогла вытащить их с улицы. Иначе не известно, как бы сложилась дальше судьба

Володи… По словам Анатолия Рахлина, когда Путин выходил на ковер, то превращался в барса, бьющегося до последней секунды. На всех поединках работал с полной отдачей. Побеждал, конечно, не всегда. «На одних соревнованиях Володя, будучи уже мастером спорта по самбо, уступил сопернику, причем по ходу поединка явно выигрывая, — вспоминал Рахлин. — Начал вставать после приема и упал. Схватку проиграл чисто. Когда через полторы недели на других соревнованиях судьба снова свела Путина с этим парнем — тоже, кстати, мастером спорта — Володя вышел с таким бешеным напором, что выиграл за считаные секунды. Сделал всего два броска, причем каждый из них можно было оценить как победу…»

Когда Анатолий Семенович перешел работать (тоже в качестве тренера) на Ленинградский металлический завод, все ребята перешли вместе с ним. Это была уже дружная, сплоченная команда, которая вместе с тренером прошла через многие испытания: им не раз приходилось менять залы, тренироваться на улице, в дождь и грязь, ночевать на вокзалах во время поездок на соревнования… И все это не только не развалило секцию, а напротив — сплотило ребят. Очевидно, влияло на мальчишек и то, что атмосфера в секции была дружеской и доброй, старшие ребята опекали младших, а более сильные и ловкие не позволяли себе посмеиваться над новичками. Для всех учеников тренер был идеалом. Все они в итоге стали мастерами спорта, многие — и по самбо, и по дзюдо, и Путин в их числе.

ОН СТАЛ БЫ СКИНХЕДОМ?..

Читаешь рассказы о детстве Путина, воспоминания его друзей и одноклассников, и невольно думаешь: а как сложилась бы его судьба, кем бы стал такой мальчишка, родись он в наше время? Русский подросток из рабочей семьи со скромным достатком, живущий в коммуналке и выросший во дворе, впитавший его ценности и правила, мальчишка с независимым характером, ценящий дружбу и любящий друзей, умеющий постоять за себя… Как правило, именно такие ребята и становятся скинхедами, борьба с которыми во время написания первой книги о Путине была провозглашена чуть ли не государственной задачей. Причем именно в Питере, родине нашего президента — городе, который на наших глазах из бывшей «культурной столицы» превратился сначала в «бандитский Петербург», а потом и в «родину русского фашизма». Другое дело, превратился на деле или стараниями СМИ и правозащитников, изо всех сил насаждающих в нашем народе так называемую «толерантность».

Как пишет «Комсомольская правда», «разительные перемены произошли мгновенно, как будто кто-то ловко переклеил ярлыки на залежалом товаре и он опять стал пользоваться бешеным спросом. В последнее время Петербург не сходит со страниц газет, кажется, что в городе на Неве местные фашисты режут все живое, главное, чтобы оно было с другим цветом кожи. Милиция, судя по тем же газетам, не дремлет, фашистов ловит, но в целом складывается впечатление, что в город пора вводить танки» (Дмитрий Стешин. Откуда берутся фашисты в русских городах // Комсомольская правда. 4–6 июля, 2006).

И далее. «Только в Питере, — считает корреспондент «Комсомолки», — можно было ловить всем наличным милицейским составом убийц таджикской девочки Хуршеды Султоновой. Милиция прочесывала улицы, институты и ПТУ в поисках скинхедов. Органы стояли на ушах — дело находилось под губернаторским контролем! Зато удалось выявить целых пять тысяч «фашистов» коренной национальности, в два раза больше, чем во всей Европе! Не спавшие неделями опера и участковые, «коловшие» по 25–30 «фашистов» за сутки, думали, что теперь-то от них отстанут. Не тут-то было. Теперь любое преступление рассматривалось только под одним углом зрения, применительно к статье 282 УК. Главное, чтобы потерпевшие были не русской национальности. Хотя, поданным беспристрастной статистики, потенциальные жертвы скинхедов — выходцы с Кавказа и из

Средней Азии бьют и грабят горожан чаще, чем питерцы их самих. То есть, по совершенно не секретным данным ГУВД, 60–70 % преступлений в городе совершают граждане, приехавшие из некогда братских южных республик. Вот только обиженные и даже убитые питерцы никому не интересны. Например, как-то само собой под сукно легло дело об убийстве олимпийского чемпиона Дмитрия Нелюбина. Парня убили в новогоднюю ночь 2005 года на глазах у жены и ребенка. Зарезали кавказцы на почве тех самых, как пишут в протоколах, внезапно возникших неприязненных отношений на межнациональной почве».

То, что ситуация на самом деле выглядит именно так, причем отнюдь не только в Питере, который приводится в пример лишь потому, что имеет прямое отношение к судьбе героя книги, давно понятно всем, кроме властей, правозащитников и ангажированных СМИ. Лишь в последнее время власти и чуткие к переменам общественного сознания СМИ, словно очнувшись от долгого сна и протерев глаза, увидели и стали говорить иное. Но почему из русских людей столько лет делали фашистов (а некоторые либеральные политические деятели и теперь продолжают всерьез говорить «о русской угрозе»), кому это нужно, зачем? Иногда те же приевшиеся и вызывающие уже тоску слова о толерантности и ксенофобии, которой, оказывается, заражено все наше общество, говорил и сам Владимир Путин. Интересно, задумывался ли он, выходец из славного города Питера, из того самого общественного слоя, который и является, судя по всему, питательной средой для этой самой ксенофобии, откуда она берется? Почему тогда, когда рос он, ксенофобии не было, даже слова такого не слышали, а теперь, пожалуйста, — диагноз поставлен. Поскольку фобия — это ведь диагноз, причем психиатрический. Но кто взял на себя функции психиатра, выносящего приговор целой стране? Невольно задаешься вопросом: компетентен ли сам этот таинственный специалист? Или он все прекрасно понимает, но преследует другие цели?

И снова приходится отдать должное Путину: хоть и поздно, но его реакция на события после убийства болельщика «Спартака» Егора Свиридова была именно такой, какой от него ждало большинство нашего общества. Причем отличной от реакции Медведева с его либеральной истерикой по поводу Манежки, где заменившие в последнее время скинхедов футбольные фанаты весьма буйно и совсем не толерантно выражали свое мнение о поведении распоясавшихся молодчиков из кавказских и закавказских республик и прикормленных этими диаспорами правоохранителей. То есть Путин, возложив цветы на могилу убитого русского парня и встретившись с его друзьями, по сути,

солидаризовался в этом вопросе с русским большинством. Можно спорить, насколько искренним было его поведение, но в политическом чутье и понимании «настроения масс» ему не откажешь. Хотя, конечно, он, как всегда, не спешил реагировать, и время подумать у него было.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ

Но обратимся снова к счастливому детству нашего президента, когда не было ни ксенофобии, ни толерантности, и уж тем более русского фашизма. Даже слов таких тогда не знали и представить себе подобное словосочетание не могли.

Итак, главной школой в жизни Володи Путина была именно та школа в Басковом переулке, куда он пришел первый раз в первый класс с цветком в горшке и где проучился восемь лет. Почему не с букетом, а с горшком? Учителя просили родителей помочь создать уют в классных комнатах, принести комнатные растения. Конечно, Мария Ивановна тут же откликнулась на такую просьбу.

Школа № 193 находилась рядом с домом Путиных, и потому в ней вместе с Володей учились все его друзья-приятели по уличным забавам. Кроме того, там у него были хорошие учителя, понимавшие свою работу в первую очередь именно как воспитание. Такой была первая учительница и классная руководительница Тамара Павловна Чижова, так же относилась к работе и Вера Дмитриевна Гуревич, которая вела класс Путина с пятого по восьмой класс.

У Веры Дмитриевны вообще сложились дружеские отношения с родителями Путина, как она неоднократно рассказывала в своих книжках о школьных годах Владимира Путина. Она часто бывала у них в доме, занималась с Володей индивидуально немецким языком, который преподавала. Она постоянно организовывала для своих ребят экскурсии, ходила с ними в походы. После того, первого, после окончания пятого класса, походы стали у них традицией. Причем не только летние, но и зимние. Правда, через некоторое время стали ходить уже не целым классом, а группой заядлых любителей туризма, поскольку таскать тяжеленные рюкзаки и жить в палатках в любую погоду нравилось не всем. Но Володя Путин, за которого так переживала мама, в эту группу вошел. И так «прирос» к ней и туризму, что умудрялся находить друзей даже в то время, когда товарищи отправлялись в очередной поход без него, поскольку у него были соревнования или спортивные сборы. Он все равно вечером или на следующий день обязательно присоединялся к ним. «Как же ты нас нашел?» — удивлялись ребята. «По запаху», — неизменно отвечал Володя.

Так как Путин жил ближе всех к школе, то и собирались ребята перед такими походами и экскурсиями чаще всего у него дома, попутно перекусывая всем, что только находили на кухне и

что Мария Ивановна сготовила для семьи. Собирались ребята у Путиных и в других случаях, когда появлялось в расписании какое-либо «окно». И никогда, по словам В.Д. Гуревич, родители ему за это не выговаривали. Владимир Спиридонович, обнаружив в очередной раз, что обед и все приготовленное для семьи съедено стаей прожорливых, словно птенцы, ребятишек, лишь руками разводил со словами: «Сегодня мы снова подверглись нашествию».

Так же радушно встречали родители одноклассников и друзей сына и на своей скромной дачке, всегда выставляя на стол все, что было в доме. Борисенко, лучший друг Володи в школьные годы, рассказывает, что он приезжал к родителям Путина и тогда, когда тот был в отъезде, на спортивных сборах. И каждый раз его встречали как родного, приглашая приходить и приезжать еще.

Удивительная, конечно, семья. Не часто такое гостеприимство и в те времена встречалось, не говоря уж о нынешних. Впрочем, Владимир Спиридонович, несмотря на внешнюю суровость, говорят, был очень компанейским человеком, и друзей у него было много. Эта черта, видимо, и к сыну перешла. Но, наверно, радовались родители и тому, что ребята к их Володе так хорошо относятся.

После окончания восьмилетки Путин решил продолжить образование в 281-й школе, созданной на базе технологического института. Поступить туда было непросто, брали далеко не всех. Там надо было хорошо знать химию, которую Володя не слишком любил. Он был ярко выраженный гуманитарий, больше всех предметов любил литературу и историю. Видимо, его прельстил статус экспериментальной школы. Кроме того, там был очень хороший преподаватель литературы, о котором Володе рассказал кто-то из друзей. Это все и решило. Как вспоминает Вера Дмитриевна Гуревич в своей книге «Воспоминания о будущем президенте», его одноклассники почти в полном составе пошли учиться в 197-ю школу, на улице Петра Лаврова. Только Володя и Слава Яковлев выбрали школу со специализированным химическим уклоном.

«Я тогда удивилась, — пишет Вера Дмитриевна. — А он говорит: «Поучимся, посмотрим…». Он никогда не был нараспашку. В той школе он тоже учился прилично. У него классная руководительница была Минна Моисеевна Юдицкая. Тоже немецкий язык вела. И я, как ни странно, гораздо чаще, чем раньше, стала бывать в их доме — помогала ему с немецким. Мне хотелось, чтобы он хорошо говорил. И он мне тоже помогал. Я работала, помимо школы, еще в архитектурно-строительном техникуме, на вечернем. И как-то муж уехал в командировку. А у

меня маленькие дочки. И я сказала: «Володя, выручай, я вернусь поздно, девчонки могут испугаться, если проснутся». Он пришел посмотреть за ними и даже заночевал. Я считаю, что он добрый человек. Но измены, подлости человечьей не простит никогда и никому. Мне так кажется. В той школе, как я поняла, Володе не очень нравилось. Пожалуй, кроме уроков литературы. Вел их учитель Кочергин. Делал он это действительно своеобразно и интересно. Давал необычные темы для сочинений…»

О том преподавателе литературы с благодарностью вспоминают и другие ученики, только пишут, что звали его Михаил Илларионович Деменков и что он учил ребят нестандартно мыслить, видеть и любить прекрасное.

Вместе с Путиным в 281-ю школу поступил, как уже говорилось, только один из бывших однокашников — Вячеслав Яковлев. Правда, там они встретили еще одного старого приятеля, Владимира Рензина, с которым вместе учились до четвертого класса, пока тот не перешел в английскую спецшколу.

Новая альма-матер приняла новых членов не слишком ласково — они были из другого района, тогда как один из девятых классов был полностью сформирован из местных мальчишек. Однажды кто-то из них мимоходом дал Путину подзатыльник. Тот тут же врезал обидчику в ответ. Договорились драться после уроков. Когда они втроем — Путин, Яковлев и Рензин — пришли на условленное место, там уже стояло человек двадцать. Тем не менее, Путин выдержал психологическую атаку, не убежал, а его обидчик от схватки уклонился. После этого Володю зауважали и стали здороваться с ним за руку.

У его друзей— бывших одноклассников в новой школе были похожие проблемы. Он ходил помогать «разбираться» и им.

ЮНОСТЬ. УНИВЕРСИТЕТ. ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

Примерно в то же время он выбрал и свою будущую профессию. И опять все было не просто. Как у всякого мальчишки в то время, мечты о будущем у Володи были окрашены в героические и романтические тона. Вначале ему очень хотелось быть летчиком. В Ленинграде есть Академия гражданской авиации, и он всерьез собирался в нее поступать. Читал соответствующую литературу, какой-то журнал даже выписывал. Потом, насмотревшись фильмов про героев-разведчиков, решил, что будет только разведчиком, хотя это казалось недостижимым, как полет на Марс. Правда, вскоре захотелось стать моряком. Но потом опять разведчиком. А уж когда на экранах появился знаменитый фильм «Щит и меч», решение было принято окончательно и бесповоротно. «Больше всего меня поражало, — говорил много позже Владимир Владимирович, — как малыми силами, буквально силами одного человека, можно достичь того, чего не могли сделать целые армии. Один разведчик решал судьбы тысяч людей. Так, во всяком случае, я это понимал.

И уже никакая Академия гражданской авиации меня больше не интересовала. Я свой выбор сделал». То есть он решил поступать на юридический факультет Ленинградского университета.

Правда, с родителями Володе тогда пришлось побороться. Его тренер рассказал им, что их сын как спорт-зз

смен может поступить в институт практически без экзаменов. Если он выберет, например, втуз при том же Ленинградском металлическом. Да и других вузов, попроще, чем университет, которые бы с удовольствием приняли спортивного парня, было немало. Родители, конечно, обрадовались и стали уговаривать сына так и сделать. Уговаривал и тренер, Анатолий Семенович Рахлин, который вообще не мог понять, почему же парень сопротивляется.

«Стопроцентное поступление! В ту же Академию гражданской авиации, — говорил он родителям. — А если он провалится в университет, то пойдет в армию».

Ситуация оказалась сложной. Все же Владимир Спиридонович был очень властным человеком. Но тут, как говорится, нашла коса на камень — характеры у них друг друга стоили, сын просто намертво стоял на своем. Сказал, что решил окончательно…

Год продолжалось это противостояние. Однако сын не отступил. Напротив, препятствия и трудности только усиливали

его желание поступить на юридический.

Но почему именно на юридический?

Дело в том, что еще где-то в начале 9-го класса Володя Путин сходил в приемную Управления КГБ, чтобы узнать, как становятся разведчиками. К нему вышел офицер. Как ни странно, внимательно выслушал паренька, который, несколько смущаясь, заявил, что хочет здесь работать — в Комитете государственной безопасности.

«Отрадно, но есть несколько моментов». — «Каких?» — «Во-первых, мы инициативников не берем. Во-вторых, к нам можно попасть только после армии или какого-нибудь гражданского вуза».

А когда Володя поинтересовался, после какого вуза, ответил, что берут после любого. Однако въедливый парнишка все же уточнил, что предпочтительнее юридический. С этого момента Володя Путин решил, что его судьба определена, и начал готовиться на юрфак Ленинградского университета. И никакие родительские или еще чьи-то уговоры не могли на него повлиять. Что касается армии, которой его пугали родители и тренеры, то она его нисколько не страшила, ведь офицер из приемной КГБ сказал, что после армии к ним берут. Значит, этот вариант тоже годился. Конечно, это несколько удлиняло выбранный путь, но не уводило в сторону от курса.

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Однако в армию Путину идти не пришлось. В университет он поступил с первой попытки. Во что многие не верят, ведь Ленинградский университет — один из лучших, элитарных вузов страны. Дескать, не так уж хорошо он в школе учился, а тут такой престижный факультет, конкурс чуть ли не сорок человек на место… Что ж, очевидно, обратили внимание на то, что родом он был из рабочей семьи. И «не топили». Тогда происхождение имело значение, а рабоче-крестьянское особо приветствовалось. Видимо, думали в то время о том, как бы не пропустить, не оставить за бортом Ломоносовых. Наверно, сыграло свою роль и то, что был спортсменом-разрядником, такие ребята университету всегда нужны. Но, надо сказать, он и готовился упорно, сидел над учебниками днями и ночами, зная, что ни «блата», ни связей у него нет.

Но такая же ситуация была у большинства из нас, ребят из поколения Путина. Мы приезжали из глубинки, из российских городов и весей (благо общежития тогда были открыты именно для нас, а не для богатых торговцев с юга), и без всяких репетиторов поступали в лучшие вузы страны. Иногда это получалось не с первого раза, но если было желание поступить именно на ту специальность и в тот вуз, то человек своего, как правило, добивался. Поэтому счастливая судьба Владимира Путина, паренька из простой рабочей семьи, ставшего студентом одного из элитных вузов, отнюдь не являлась исключением.

Итак, в университет Путин благополучно поступил и по-прежнему продолжал заниматься спортом, добиваясь в нем неплохих успехов — в 1973 г Путин стал мастером спорта по самбо, в 1975 г. — по дзюдо. В 1976 году стал чемпионом города.

Причем продолжал оставаться в том же спортивном обществе «Труд», в какое поступил изначально, в котором добился всех этих успехов. Однако тренеры не оставляли его в покое и в университете, стараясь убедить его перейти в студенческое спортивное общество «Буревестник», поскольку якобы именно они помогли ему поступить. Но Владимир Владимирович, как мы уже знаем, был человеком с характером.

Когда преподаватель физкультуры стал убеждать его особенно настойчиво, он… пошел к декану. Пришел и прямо заявил: «Меня заставляют переходить в «Буревестник». А я считаю, что не должен этого делать». Декан, профессор Алексеев, был немало удивлен — с подобными вопросами к нему еще не приходили. «А почему за-ставляют-то?» — поинтересовался.

«Потому что говорят якобы помогли мне, как спортсмену, поступить, и поэтому я теперь обязан выступать за «Буревестник».

«Да? Не может быть! У нас все поступают на равных условиях, по знаниям, а не по спискам», — ответил декан. По чести говоря, декан ничего другого ответить и не мог. Однако, тем не менее, тут же достал какой-то список и проверил, но Путина в нем действительно не нашел. «Нет тебя в списке, так что можешь смело посылать все подобные предложения». Что тот и сделал.

Но на первенстве вузов Владимир Путин все же выступал за университет, так как это можно было делать без перехода из общества в общество. Правда, университетские преподаватели и тренеры еще долго своих попыток не оставляли, пытаясь переманить его в «Буревестник», но безрезультатно.

Однако в университете он уже больше времени уделял учебе, а не спорту. Учиться было интересно, на юридическом факультете работали замечательные преподаватели, влюбленные в свое дело. Они не просто излагали свой предмет, но умели связать его с окружающей действительностью, приводя в качестве примеров реальные случаи из юридической практики. Бывшие студенты до сих пор вспоминают их с благодарностью. И учеба давалась Путину легко, занимался он с увлечением.

Другое дело, что, похоже, именно в университете, благодаря тем прекрасным педагогам и обстановке на факультете, заразился он либеральными идеями и верой в частную собственность и свободный рынок как панацею от всех бед, которые случились и могут еще случиться с государством по имени Россия. А потом эту веру усилила работа в КГБ, где ему, как и его коллегам, пришлось бороться с диссидентством, хотя их взгляды он втайне уже разделял, особенно почитая Солженицына. Во всяком случае, ко времени службы в Германии, по словам его сослуживца Владимира Усольцева, взгляды Путины были уже сформированы и вполне тверды.

Ну, а в летние студенческие каникулы он, как тогда было заведено, ездил с друзьями в стройотряды. На юридическом факультете, говорят, висел даже плакат: «Факультет тобой гордится и доволен деканат, если ты без колебаний записался в стройотряд». В стройотряды не просто записывались, в них рвались. И, конечно, вовсе не из-за благосклонности деканата. Просто там можно было хорошо заработать. Да и романтика играла не последнюю роль — дальние края, вечерами песни у костра под гитару, новые впечатления и увлечения. Поэтому летом, сдав экзамены, студенты разъезжались по стране, по стройкам народного хозяйства. Работа была, как правило, нелегкой, вкалывать приходилось от темна до темна, но никто не сачковал. Все понимали: как поработаешь, так и заработаешь.

На первый заработок Путин съездил с друзьями в Гагры, однако, не имея привычки обращения с большими деньгами, ребята их не рассчитали, израсходовали все, что было, и домой возвращались долгим кружным, но зато дешевым путем — на теплоходе, на палубе, до Одессы, а дальше — поездом в общем вагоне на третьей полке до Питера. На оставшиеся деньги, скинувшись, у кого что осталось, купили тушенки на пропитание. Но зато на палубе, забравшись в спасательные шлюпки, любовались яркими южными звездами. Романтика…

На второй заработок он купил себе первое приличное пальто. И, конечно, всегда были подарки родителям. Борисенко до сих пор помнит тот огромный торт, который Путин купил в подарок матери, вернувшись в первый раз из стройотряда и получив такую зарплату, какой он до того и в руках не держал. Мария Ивановна была растрогана до слез. Вообще к родителям Путин относился с большой любовью и даже нежностью, никогда не забывал им позвонить, если где-то задерживался. Он и потом, уже достигнув больших чинов, звонил им едва ли не каждый день и постоянно приезжал даже из Москвы…

Когда Володя учился в университете, произошло в его семье еще одно нерядовое событие — мать на лотерейный билет, который ей дали на работе на сдачу в столовой, выиграла «Запорожец». Тогда эти билеты давали в нагрузку везде, где только можно, так же он достался и Марии Ивановне. Недели через три, когда в газете поя-вилась таблица с номерами выигравших билетов, по учреждению, где она тогда работала, тут же разнесся слух, что кто-то из сотрудников выиграл автомобиль. А Мария Ивановна, как на грех, никак не могла вспомнить, куда

же она засунула свой билет. Долго искали его всей семьей, пока она не сняла с комода салфетку для стирки. Из-под нее на пол и вылетел, кружась, лотерейный билет. Владимир Спиридонович тут же пошел проверять его в ближайшую сберкассу. И узнал радостную новость — автомобиль выпал именно на их билет.

Долго думали, что делать с таким подарком судьбы. Жили ведь все же достаточно скромно, а на деньги, полученные за машину, можно было бы неплохо поправить благосостояние семьи. Автомобиль тогда, в начале семидесятых, считался роскошью, а не средством передвижения. В личном пользовании их было совсем немного. Тем более не было их у студентов. Но любили родители своего единственного сына и потому в конце концов решили подарить машину ему. Правда, поставили условие: возить их на дачу и с дачи и помогать перевозить оттуда плоды трудов— всякие варенья-соленья. Естественно, он согласился и никогда от этих обязанностей не отлынивал. Так что стал студент Владимир Путин автолюбителем. Гонял лихо, хотя и боялся постоянно, как бы не разбить дорогой подарок…

Другое событие было печальным— когда Путин учился на втором курсе, сильно заболела Мария Ивановна. О болезни своей она долго никому не говорила, занимаясь самолечением. В результате так запустила свой недуг, что, когда терпеть боль силы уже не стало, пришлось срочно делать операцию. Жизнь ей спасли, но после операции она стала инвалидом первой группы. Но больше всего ее беспокоила не болезнь, а то, что работать она больше не сможет и мужу будет тяжело одному содержать семью. Муж отвечал ей такой же любовью и заботой, стараясь делать для нее все, что было в его силах.

Очень тяжело переживал болезнь матери и сын. Как вспоминал все тот же близкий друг Путина Виктор Борисенко, таким, как тогда, подавленным и разбитым, он никогда своего друга не видел, настолько его подкосила тревога за здоровье матери. К счастью, Мария Ивановна оправилась и прожила еще довольно долго, дождалась и свадьбы любимого сына, и внучек увидела. Умерла она в 1997 году, уже в возрасте 86 лет. Владимир Спиридонович пережил ее ненадолго.

Случилось во время учебы в университете и еще одно трагическое событие в жизни Владимира Путина — он потерял близкого друга…

«МОИ ДРУЗЬЯ — МОЕ БОГАТСТВО»

Семья и атмосфера в ней, конечно, накладывают очень сильный отпечаток на характер человека, на его взгляды и отношение к жизни. Но не меньше влияют и среда, окружение, друзья-товарищи.

Как говорит сам Владимир Путин, «…недостаток общения с друзьями сильно меня подавляет эмоционально. Потому что у меня очень хорошие друзья. И на самом деле, это часть нашей жизни, это мы, это часть нас самих. Я это остро почувствовал, когда за границу уехал. Первые годы страшно скучал по друзьям. Просто без них — пустота и одиночество. Хотя и нагрузка была на работе, и семья, и дом. Я понял, что мы… самовыражаемся в друзьях…

У меня много знакомых, а близких людей наперечет. Они никуда не делись. Они меня никогда не предавали. И я их тоже. Это, на мой взгляд, то немногое, чем стоит дорожить. Даже не знаю, ради чего можно было бы предать друзей.

Карьера? Сама по себе она не очень меня привлекает. Только как возможность реализовать себя, сделать что-то интересное. А как же можно самореализоваться, если ты себя предаешь? Я на это так смотрю, просто. Если же смотреть на карьеру как на способ прорываться к власти, чтобы командовать или зарабатывать деньги, и ради этого ты готов лишиться всего — ну, это другое дело. А если у тебя есть жизненные приоритеты, ориентиры и ценности, то ты понимаешь, что нет смысла жертвовать собой и теми, кто является частью тебя. Просто нет смысла: потерь больше, чем выигрышей. Так получается».

Друзей у Владимира Путина всегда было много — и во дворе, и в школе, и в секции. Ребята любили приходить к Путиным домой. Как вспоминает школьный друг Путина Виктор Борисенко, «… семья у Володи была очень приветливая. Никогда нас не гнали из дома. Помню, у них в комнате на столе стоял массивный черный телефон… Мало у кого из ребят в классе были дома подобные аппараты. Поэтому мы все бегали к Володе звонить. Зачем платить две копейки? (Звонок из телефона-автомата тогда и позднее, вплоть до начала перестройки, стоил две копейки. — ***Авт.)*** Его родители нас за это не ругали. Они только предупреждали, чтобы мы не хулиганили по телефону: не звонили куда-нибудь в организацию или на квартиру».

Так же радушно встречали одноклассников и друзей сына и на даче под Тосно, выставляя на стол все, что было в доме. Правда, тут ребята уже не только развлекались, но и старались

помочь, чем могли: копали огород, помогали убирать урожай. У самого же Володи на даче были две основные обязанности — дров наколоть да воды принести, ну и конечно, делать то, что не под силу было пожилым родителям.

Самым близким школьным товарищем Путина был Виктор Борисенко, с которым они сидели на одной парте с пятого по восьмой класс. Они и жили по соседству, так что почти все свободное время тоже проводили вместе. Семьи тоже были похожи и по статусу, и по достатку, только у Виктора в семье было трое детей, поэтому после уроков чаще шли к Володе — у них было свободнее. Потом шли гулять, чаще всего по Невскому — жили-то ведь рядом с главным проспектом. Иногда ходили в кино, благо билеты стоили совсем дешево. Однажды поехали в Петропавловскую крепость полазить по пушкам, вернулись поздно, за что и получили по нагоняю от родителей… Вместе с Виктором они поступили в спортивную секцию, которой руководил Анатолий Семенович Рахлин. Правда, Виктор ее через год оставил, поняв, что борьба не для него. Но дружбе это не помешало. Виктор также стал первым человеком, с которым Володя уже на последних курсах университета отпраздновал поступление в КГБ.

По рассказам Борисенко, Путин в классе был не самым сильным парнем, но мог вступить в драку с любым, особенно если требовалось постоять за себя или за товарища. Например, тогда, когда они почти всем классом, кроме Путина и еще двоих ребят, перешли в другую школу. Встретили там новичков неласково, кое-кого поколотили сразу, кое-кого били время от времени. Дошла очередь и до Виктора. Тот рассказал об этом своему другу.

— Ну, что ж, — ответил тот сразу же, — пойдем, я тоже в этом поучаствую.

Пошли, стали ждать «противников». Ждали долго, но в тот раз никого не дождались. Однако факт говорит сам за себя — товарищем он был верным. И, главное, по словам Виктора, никогда в таких случаях ни на секунду не задумывался о последствиях. Бился до последнего и за себя, и за товарища.

В конце восьмого класса, по словам Виктора, Путин стал особенно серьезно относиться к учебе. А вот общественной работой, в отличие от друга, которому она очень нравилась, заниматься не любил. Кроме учебы, его в те годы интересовал только спорт, которым он занимался и в секции, и дома. На уроках физкультуры ему равных не было, очень красиво он выполнял все упражнения. И очень любил, как уже говорилось, острые ощущения. Где-то классе в восьмом на спор с одноклассниками решил повисеть на решетке балкона пятого

этажа. Затем, перебирая руками, добрался до карниза здания, так же, на руках, долез до балкона соседнего класса и уже через тот класс вернулся обратно. Между прочим, здание школы было старинной постройки, с высокими потолками, так что нетрудно представить, чем мог бы закончиться тот спор в случае неудачи. Но рисковать Владимир Путин любил.

Виктор Борисенко отмечает еще одну черту характера отца и сына Путиных: «Владимир Спиридонович был очень серьезным, сосредоточенным и очень «правильным» в хорошем смысле этого слова человеком. Он не был замкнутым, просто не любил без толку болтать. Эта черта, мне кажется, повторяется и в младшем Путине… Кстати, с отцом они вообще очень схожи характерами. Железные характеры у обоих. Могут собраться в кулак в мгновение ока…

Когда я поступил в институт, а это произошло на месяц раньше, то заходил к нему и шутливо хвастал, мол, вот я — студент, а ты кто такой. А он упорно сидел над учебниками и ворчал на меня: «Ничего, скоро и я буду студентом».

Я нисколько в том не сомневался. Если бы Путин не поступил на юрфак с первого раза, то сделал бы это со второго. Если бы не прошел со второго, то поступил бы с двадцать пятого. Он очень целеустремленный человек. И если поставил перед собой какую-нибудь цель, то он ее непременно добивался…»

Виктор Борисенко стал первым человеком, с которым Володя отпраздновал поступление в КГБ. Зашел к Виктору и, ничего не объясняя, повез в ресторан. Посидели, выпили. Был Путин в очень приподнятом, даже торжественном настроении, словно что-то очень важное произошло в его жизни. Но тайны тогда другу не открыл. А тот в душу не лез, между ними это было не принято. Только много позже понял, какое событие они тогда отмечали…

С Василием Шестаковым, ныне заслуженным тренером России и директором Комплексной школы высшего спортивного мастерства в Санкт-Петербурге, Владимир Путин познакомился году в 1968—1969-м. Тогда в Ленинграде была создана сборная команда юношей спортивного общества «Труд» по самбо, в которую они оба попали. Подружились на сборах, которые длились обычно по 15–20 дней и на которых они часто жили в одной комнате, а потом вместе занимались под руководством Анатолия Семеновича Рахлина, который в то время был тренером сборной.

«Почему люди начинают дружить, порой трудно сформулировать, — рассказывал Василий Борисович. — Дело в том, что мне всегда нравились люди, которые в жизни хотели чего-то добиться. Нравились личности яркие, запоминающиеся,

сильные, волевые — те, кто видит перед собой конкретные цели, ставит задачи и решает их. Вот Путин и был как раз из этой категории. Он мог четко сформулировать, чего он хотел. У него не было спонтанных решений. У него был осмысленный подход к жизни: он намечал какие-то цели и старался последовательно их выполнять. Я думаю, что такое поведение шло в первую очередь от семьи, воспитания в ней…»

Кроме того, по словам Шестакова, было ему с Путиным интересно — тот много знал, был начитанным, был интересным рассказчиком. И, самое главное, — был надежным товарищем. Но в лидеры никогда не лез и заводилой не был.

Как считает Шестаков, он и сейчас не изменился в этом главном. И где бы ни работал, в его отношениях с друзьями ничего не меняется, место его работы никакого оттенка на взаимоотношения не накладывает…

«Даже сейчас, когда сидим у него дома за столом, впечатление такое, что абсолютно ничего не изменилось с тех допрезидентских лет. Более того, если бы я, допустим, не знал о его новом статусе, он бы мне ни за что об этом не сказал…»

Несколько позже, на первом курсе университета, а может быть еще во время поступления, у Путина появился новый друг — Володя Черемушкин. Как вспоминают знавшие его, удивительно светлый человек. Он приехал в Ленинград с Украины, из города Белая Церковь. Поначалу Черемушкин жил в общежитии университета, а затем устроился дворником, чтобы получить служебное жилье и приработок к стипендии. Работу он нашел поблизости от места, где жил его новый друг Володя Путин. Работал очень старательно: вставал спозаранку, колол лед, подметал тротуары, еще что-то делал, потом шел на занятия, после них снова работал, наконец вечером садился за учебники и занимался до глубокой ночи. И никогда не жаловался на усталость, напротив, всегда был приветлив и улыбчив. У Путина все это вызывало безграничное уважение. Они с Черемушкиным старались все время быть вместе, однокурсники даже прозвали их «шерочка с машерочкой». Рассказывают, что даже внешне они были похожи. Полюбили нового приятеля и родители Володи. Мария Ивановна, конечно, всегда, когда тот заходил в гости, старалась его накормить и напоить чаем, снабдила его подушкой, дала комплект белья, кое-какую посуду, чтобы Черемушкин с удобством устроился на новом месте. И все, вроде бы, шло хорошо. Родители Володи Черемушкина обменяли жилье на Ленинград, жить ему стало намного легче.

И вдруг на третьем курсе произошла трагедия… Дело в том, что Черемушкин вслед за другом тоже решил заняться самбо.

Весной 1973 года на первенстве вузов Ленинграда он получил травму, несовместимую с жизнью. Неправильно провел прием и воткнулся головой в ковер. Произошел разрыв шейных позвонков. Обидная, нелепая смерть… По словам однокурсников, Путин очень тяжело переживал гибель друга, он был просто убит горем. Всю траурную церемонию, которая проходила в актовом зале университета, он с каменным лицом простоял рядом с гробом. Казалось, он не видел никого и ничего вокруг. И только на кладбище, где остались только самые близкие люди, разрыдался над могилой так, что его никак не могли успокоить.

Виктору Борисенко, который тоже пришел на церемонию, тогда показалось, что он не узнает своего друга — настолько холодным и отстраненным был у него вид. Он даже не взглянул на своих старых друзей. Возможно, он, погруженный в свои переживания, их и не увидел. А Виктор Борисенко узнал о том, что было на кладбище, только через двадцать пять лет от своего одноклассника и лишь тогда понял и простил друга…

А Путин тогда, по словам Анатолия Семеновича Рахлина, который тоже был свидетелем этой трагедии, даже собирался вынести вопрос о гибели друга на кафедру физической подготовки университета. Он хотел, чтобы виновные понесли наказание. Но Анатолий Семенович сумел убедить его, что в такой ситуации очень трудно найти виновного и тем более фактически и юридически доказать его вину. «Володя, никто не виноват. Ну, никто не виноват!» — сказал он ему. В конце концов Путин и сам это понял.

Борисенко, Шестаков, Черемушкин были личными друзьями Владимира Путина в разные периоды его жизни. Сергей Ролдугин, солист Симфонического оркестра Мариинского театра, помимо того, стал другом всей семьи Путиных и крестным отцом их старшей дочки Маши. Познакомил его с Путиным брат, который вместе с ним учился в университете. Случилось это еще году в 1977-м. Встретились и уже не расставались.

Ролдугин, профессиональный музыкант, в немалой степени посодействовал тому, чтобы приохотить друга к серьезной музыке.

Он таскал друга с собой в филармонию, объяснял, как правильно слушать симфоническую музыку. И тот, с его великолепной памятью, все прекрасно запомнил и усвоил. И тоже пристрастился. Потом, уже в Дрездене, это увлечение Путина серьезной музыкой отметит его сослуживец Усольцев. А когда в семье Путиных появились дочки, Ролдугин поспособствовал, чтобы Катя и Маша тоже стали заниматься музыкой.

Сергею Ролдугину Путин сразу же сказал, что работает в КГБ.

От других своих друзей и знакомых он это довольно долго скрывал, говоря, что работает в военной прокуратуре. Правда, «военную тайну» — чем занимается — не открыл и Ролдугину.

«Я у Володи никогда не спрашивал ничего про работу. Мне, конечно, интересно было: а как там? Но точно помню: как-то раз решил все-таки его со всех сторон окружить и выяснить про какую-нибудь спецоперацию. Но ничего у меня не вышло.

А потом я его спросил: «Я — виолончелист, я играю на виолончели. Я никогда не смогу быть хирургом. Но я — хороший виолончелист. А у тебя что за профессия? Я знаю, ты — разведчик. Не знаю, что это значит. Ты кто? Что ты можешь?»

И он мне сказал: «Я — специалист по общению с людьми». На этом мы разговор закончили…

У него очень сильный характер. Допустим, я намного лучше играл в футбол. Но ему проигрывал, потому что он цепкий был, как бульдог. Он меня просто уже доставал. Я три раза отберу мяч, и три раза он у меня обратно его вырвет. Страшно настырный характер, который проявлялся буквально во всем…»

Это, конечно, далеко не все рассказы о друзьях Путина. Конечно же, их, друзей, было у него намного больше. Как говорит Людмила Путина, ей вообще казалось, что у мужа пол-Питера знакомых, поскольку у них всегда был полный дом народу. Особенно в выходные дни. Да и в будни. Всегда кто-то заходил. Без друзей, без общения с ними, по ее мнению, он вряд ли выдержал бы такую нагрузку, с которой ему приходится работать. Друзья из Питера приезжали и в Москву, во всяком случае до избрания Путина президентом, и всегда останавливались у них в доме.

Да, сколько бы ни штудировать книг, написанных о Путине, версий его биографий, многочисленных воспоминаний о нем людей, которые так или иначе сталкивались с ним на протяжении жизни, везде находятся, буквально «красной нитью» проходящие, описания его любви к друзьям, преданности и верности им в самых различных ситуациях. «С ним можно идти в разведку», — таково единодушное мнение его товарищей и близких знакомых.

Что ж, прекрасное качество, которое делает честь любому человеку, в том числе и президенту страны. Но не зря говорят, что наши недостатки — продолжение наших достоинств. В результате, как практическое воплощение этого прекрасного качества — любви, верности и преданности друзьям — получилось, что вся команда президента состоит из людей, связанных с ними узами дружбы либо, по крайней мере, так или уначе с ним знакомых. И происходящих, как правило^ славного города Петербурга.

Безусловно, в окружении людей знакомых, а тем более близких и преданных, работать комфортно. Но вот все ли из них обладают данными, необходимыми для государственной службы, требующей высочайшего профессионализма, преданных не только личности, но стране, обладающих неподкупной честностью и государственной глубиной мышления? По результатам их деятельности этого не скажешь. И не случайно словосочетание «питерские силовики» стало в конце концов в стране таким непопулярным.

Разумеется, большая заслуга в том принадлежит нашей либеральной прессе, для которой все силовые структуры страны, причем только и именно нашей страны, — очевидный и несомненный враг. Но дыма без огня, как мы знаем, не бывает. У нас в самом деле в армии по-прежнему творится беспредел, время от времени выплескивающийся на страницы печати и экраны

телевизоров очередным кошмаром, причем нередко — со смертельным исходом. И наших гражданских министров обороны, первый из которых был личным другом Путина, а второй — хорошим знакомым, войсковые офицеры категорически не воспринимают, и имеют к тому немалые основания. В милиции, в настоящее время переименованной стараниями преемника Путина в полицию, по-прежнему царит и властвует коррупция и, мягко говоря, неуважение к гражданам, спецслужбы часто бывают бессильны перед террористами…

Однако гораздо больше, чем силовиков, не любят у нас министров-либералов, входящих в так называемый финансово-экономический блок правительства. Фамилии Кудрина, Грефа, а теперь еще и Фурсенко, Сердюкова и Голиковой, как и проводимая ими политика, вызывают такое неприятие у народа, что непосвященным людям становится просто удивительно, почему они столь долгое время находятся у власти.

Тоже в силу знакомства и дружеских отношений с президентом?

Во всяком случае, Кудрин, как известно, принимал большое участие в устройстве судьбы Путина после поражения Собчака на выборах 1996 года…

Словом, хорошие друзья, судя по воспоминаниям, были у нашего президента в его прошлой жизни, а вот те, что сейчас рядом с ним, однозначного отношения не вызывают. Что удивительно, даже древняя мудрость: «Скажи мне, кто твой друг, и я тебе скажу, кто ты сам» — в данном случае вроде как не работает. Поскольку наши либеральные СМИ, вроде «Эха Москвы», «Коммерсанта» или НТВ, таких питерских знакомых и сослуживцев Владимира Владимировича, как тот же Кудрин, Фурсенко, Козак или тем более Чубайс, очень любят и считают высокими профессионалами, а вот Путина, опять же очень мягко говоря, не особенно. Вроде как не вписывают они его в этот избранный круг либерал-демократов.

Народ, напротив, в основном с симпатией относится к самому Владимиру Владимировичу (хотя сегодня любовь к нему сильно пошла на убыль), а вышеназванные личности вызывают у него стойкую неприязнь. Ну, не любит наш народ либералов, хотя, может, и не знает пророческих слов Достоевского о том, что «.. если кто погубит Россию, то это будут не коммунисты, не анархисты, а проклятые либералы». Просто на своей шкуре люди убедились за два последних десятилетия, что ничего хорошего от этих господ ждать не приходится. Мало того, люди убеждены и в том, что понятия «либерал» и «патриот» — несовместимы, во всяком случае в нашей стране.

Иначе, действительно, почему, несмотря на золотой дождь в виде нефтедолларов, уже столько лет проливающийся на Россию, у нас такой низкий уровень жизни? Почему все наши золотовалютные запасы хранятся на Западе и работают на их, а не на нашу экономику? Почему у нас ни на что не хватает денег — ни на новые трубы взамен проржавевших старых в ЖКХ, ни на новые дороги, ни на здравоохранение, ни на науку, ни на образование, ни на социалку? А если и хватает, то они в основном куда-то исчезают бесследно, а результатов вложений до обидного мало. Зато число миллиардеров постоянно растет, а кризисы их даже умножают.

Почему повышение покупательной способности населения у них, на Западе, ведет к росту производства, а у нас исключительно к инфляции? Почему в так называемых развитых странах не боятся применять при необходимости государственные рычаги регулирования экономики, а у нас до сих пор царит убеждение, что рыночные механизмы не выносят никакого государственного вмешательства? И Путин, судя по его недавней предвыборной статье, это убеждение по-прежнему разделяет. В результате мы, в нашей нефтедобывающей, северной, холодной стране платим за бензин столько же, сколько те, кто его у нас покупает… А ужасающая смертность? А детская беспризорность, которая, как считают некоторые исследователи, лишь не намного меньше той, что была в стране после Гражданской войны? Неужели борьба с ней тоже увеличивает инфляцию? Интересно, а имеют ли эти российские дети право на свою долю из нашего огромного Стабфонда? Или его дивидентами могут пользоваться только их благополучные сверстники из так называемых развитых стран, где он почему-то находится?

В общем, несовпадение образа патриота-президен-та и окружающей его команды друзей-знакомых-сослу-живцев налицо. Или же несовпадение это только кажущееся? Может, все дело в том, что у команды нашего столь любимого народом президента два разных крыла: одно состоит из силовиков, как говорят — государственников (правда, не очень умелых и профессиональных, к тому же часто рассматривающих государство как место для кормления), которых так не любят наши демократические СМИ, а второе из экономистов-либералов, которых наши СМИ как раз любят, а вот народ почти ненавидит. Однако и народ, и СМИ почему-то относят самого президента исключительно к силовому, государственни-ческому крылу его команды, одни его за это обожая, другие скрытно, а иногда и не скрытно ненавидя.

Но дело в том, что Путин относится к привычному на Западе, но почти не встречающемуся у нас типу либерал-патриотов. Да, он государственник, да, удержал Россию от распада, за что мы очень ему благодарны. Но и своих либеральных воззрений он никогда не скрывал. А если прочесть книгу сослуживца Владимира Путина по службе в Дрездене Владимира Усольцева, которая так и называется: «Сослуживец», то вообще все становится предельно ясно — еще в те давние советские времена Путин придерживался именно таких взглядов. Ему, оказывается, были абсолютно близки и понятны взгляды академика Сахарова, причем не только на права человека и демократию, но даже и на противоборство в военной сфере. «Не забывай, что не нам надо бояться Запада, а они имеют все основания бояться нас, и только очевидное военное превосходство Запада может образумить ничем не ограниченных властителей в Кремле», — как-то сказал он своему сослуживцу.

Надо думать, что. сегодня, после бомбежек Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии, страшной гибели Каддафи, расширения НАТО на Восток ему самому смешны эти идеалистические представления о «белом и пушистом», никому не угрожающем Западе. Увы, в молодости он думал по-другому. Не отсюда ли сдача наших баз в Камрани и Лурдесе, непротивление заходу американцев в нашу

Среднюю Азию, в Грузию, Крым? Ведь многое в то время еще зависело от позиции России. А она была вот такой — в лучших традициях нашей прекраснодушной, прозападной и яро антисоветской интеллигенции.

«Постепенно мне становится ясным, — пишет сослуживец, — что Володя набрался всех этих диссидентских премудростей еще в Ленинграде, работая в 5-й службе, ориентированной на борьбу с «идеологической диверсией». (Думается, как уже сказано, он этих премудростей набрался еще раньше, но служба в 5-м подразделении их, безусловно, укрепила. — ***Прим, авт.)*** Похоже, в этой борьбе на участке фронта, где оборону держал Володя, верх одержали «идеологические диверсанты». Многих диссидентов Володя упоминал в наших беседах с уважением. Особым почтением у него пользовался Солженицын…».

Ну да, ну да. Помним, знаем. Будем теперь учить детей истории страны на примере «Архипелага ГУЛАГ».

Но еще интереснее воспоминания Усольцева о взглядах Путина на экономику — базис системы. Вот они с Путиным обсуждают прошедшую накануне политучебу, где шла речь о словах Горбачева (перестройка в СССР уже началась) о развитии машиностроения и подъеме его на качественно новый уровень.

«И вновь Володя меня удивил, — вспоминает Усольцев. — По его мнению, ничего у нас не выйдет. Дело не в отсутствии машиностроения, а в самой сути. Отсутствие рынка и конкуренции неизбежно ведет к застою. Беда вся в том, что мы смутно себе представляем, насколько мы отстаем. А вот те наши люди, кто сталкивался с реальностями западного образа жизни, видят воочию, что происходит в свете. И Володя поясняет, что моряки за-границавания, которых в Ленинграде живет немало, давно уже списали наши страну на свалку истории…

…Володя напоминает, что мы и так в машиностроении впереди планеты всей: никто в мире не производит столько тракторов и комбайнов; таких гигантов, как Уралмаш, мир давно уже не знает. Мы — чемпионы по стали и цементу, а толку все равно нет и не будет. Весь наш кажущийся высоким уровень промышленного развития обусловлен лишь нашими сказочными природными богатствами. Будь у нас ископаемых столько же, сколько у японцев, то есть полный ноль, мы бы давно умерли с голоду. Володины слова нельзя опровергнуть, об этом задумывался я и сам нередко. Но мне виделось решение в наведении порядка, а Володя видел его в изменении системы. Нам надо перестать быть социалистической страной!»

То-то далеко мы продвинулись, уйдя от социализма, перестав делать комбайны и тракторы, а заодно машины, самолеты, станки, корабли и ракеты, перестав сеять хлеб и производить молоко и мясо. То-то помогли нам «свободный рынок» и конкуренция! Разве что помогли перейти на заграничные «сто сортов колбасы», все одинаково безвкусные и напичканные химией, да на китайский и турецкий низкокачественный ширпотреб. Зато с блестками!

Не менее интересный пассаж — отрывок из разговора Усольцева с Путиным о частной собственности.

— А знаешь ли ты, — спрашивает Путин своего коллегу, — что право возможно и жизнеспособно лишь при примате частной собственности?

— Как это?

— Очень просто. Частная собственность является естественным элементом сути человеческой личности. Каждый из нас ведь стремится иметь в собственности самые ценные для себя вещи. Самые праведные коммунисты никогда себя не забывали и не забывают свои личные потребности, и они бывают у них очень даже не слабые. И частные фирмы работают всегда лучше государственных. (Усольцев пишет, что в этом они могли наглядно убедиться прямо в Дрездене, т. к. в ГДР была разрешена работа маленьких частных фирм— автомастерских,

парикмахерских, магазинчиков, строительных фирмочек, которые пользовались огромной популярностью и считались гарантом качества. — ***Прим. авт.)***. Если пытаться создать право без учета этого естественного человеческого свойства, толку не будет, и мы это видим воочию…

А понимаешь ли ты, какую огромную роль в обществе играет право наследования?

— Я признаюсь, — пишет Усольцев, — что понимаю это право как буржуазный предрассудок. Все люди должны быть равны. Если кто-то родился в семье богача, то почему он должен иметь преимущества перед кем-то, кто родился в семье бедняков? Володя мне в ответ:

— Вот-вот. Так и возникают Иваны, не помнящие родства. Если я знаю, что результаты моего труда не достанутся моим потомкам, как же я могу стараться реализовать мой потенциал? Я и буду тянуть лямку для видимости да пьянствовать, что мы и видим вокруг. Только то общество, где закон гарантирует передачу плодов труда потомкам, может обеспечить человеческую гармонию. Ведь это же — закон природы, работать во имя своих потомков, а не во имя абстрактного общества. Когда все стараются о себе, то и общество в целом процветает.

Таков диалог, переданный Усольцевым.

Что ж, сегодня мы видим, что все взгляды молодого Владимира Путина ныне воплощены в реальность. Однако пьянство процветает намного, намного пуще прежнего, Иванов, родства не помнящих, пруд пруди, в СССР такого их количества и близко не было, богатенькие сынки творят беспредел дома и за границей, заставляя стыдиться за них не только родителей, а всю страну, тогда как умные ребята, но не родившиеся в семье нуворишей, пробиться наверх не могут. Ну а как работают частные фирмы и фирмочки в современной России, это настолько грустная песня, что ее и заводить не хочется. Думается, что и сам Путин как умный человек все это прекрасно видит и понимает. Но полностью отвергнуть свои прежние взгляды, а тем более старых друзей он не может, да и не хочет. Не тот характер.

Кстати, бывший сослуживец, говоря о характере Путина, каким он его знал, называет Путина человеком чести.

«Володя серьезнее всех нас относился к службе и к данной им присяге. Во многих дискуссиях он чаще других вспоминал, что мы — офицеры, давшие присягу на верность Родине, и звучали его слова всегда искренне, без тени нарочитости. При всем его конформизме оставался в нем поэтический налет особенной гордости за цеховую принадлежность к защитникам Отечества, какую имели когда-то царские офицеры…».

И это граждане страны тоже поняли и почувствовали. И, несмотря на либеральную экономическую политику, приверженность к принесшим государству столько бед свободному рынку и обожествлению частной собственности, все же отдают предпочтение Путину перед другими претендентами на власть. Хотя и не все. Хотя любви, тем более былого поклонения стало значительно меньше.

ЛЮДМИЛА

ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА…

Но вернемся к биографии и моментам личной жизни президента Владимира Владимировича, надеясь, что это тоже поможет ответить на вопрос, почему любовь к нему так сильно уменьшилась. Или же это закономерно? Мы же не Северная Корея и даже не Венесуэла или Куба, где любовь к национальным лидерам, похоже, является частью национальной культуры. Правда, и лидеры там — на редкость яркие харизматики, реально много сделавшие для своих стран и народов, во всяком случае, завоевавшие им независимость. Хотя пока и не добившиеся материального процветания. Увы, независимость и процветание часто находятся в обратной пропорции. Тут уж приходится выбирать: чечевичная похлебка или первородство (независимость от мирового фининтерна, другими словами).

Итак, в то время как Володя Путин рос под заботливой опекой любящих родителей, постигал азы знаний и добивался первых спортивных успехов, в Калининграде, самом западном городе нашей страны, подрастала светловолосая девочка, которой суждено было стать избранницей будущего президента.

Корни Людмилы Путиной идут из Брянской области. Здесь, в Стародубском районе, в деревне Шняки, родился ее отец — Александр Авраамович Шкребнев. Он был старшим сыном в семье и потому работать начал рано. После окончания школы сначала трудился в колхозе, затем его призвали в армию. Так оказался он в Калининграде, там же женился, и 6 января 1957 года, в сочельник, у него родилась первая дочка. Но родные места Александр Авраамович не забывал, и летом вся семья обязательно приезжала в Шняки. Тогда там жило много родственников Шкребневых. И сейчас, говорят, еще кое-кто остался. В пять лет именно здесь, на родине отца и по его желанию, девочку окрестили.

«Не годится ей нехристем ходить, — заявил он своей сестре Ульяне Пуздровой. — Ты ей тетка родная, вот и будешь крестной матерью».

Кумом пригласили дальнего родственника Андрея Шкребнева. Ближайшая церковь располагалась в селе Балыкино. Славилась она своей чудотворной иконой. Перед ней и крестили маленькую Люду.

«Взял ее за руку отец Евсей, она только вздрогнула чуть, — вспоминала тетка. — Стал он с ней ласково разговаривать, и страх у нее пропал. Притихла совсем, глазенки большими стали. Кудряшки вьются, сама — точно ангелочек, да еще и в белом

платьице. Крестик ее долго у меня хранился, только через пять лет она увезла его домой в Калининград».

Семья, в которой появилась на свет Людмила Путина, была такой же простой, как и у Владимира Владимировича. Отец работал на Калининградском ремонтно-механическом заводе, мать Люды, Екатерина Тихоновна, — кассиром в автоколонне. Людмила, в отличие от Володи, росла не единственным ребенком, у нее была младшая сестра Ольга, которую старшая заботливо опекала и воспитывала. Поэтому каждый день после занятий Люда спешила в соседнюю школу, чтобы забрать Ольгу домой, пока родители на работе. А та, между прочим, училась в одном классе с Ладой Дэне, тоже калининградкой, с которой они поддерживают отношения до сих пор. Была

Люда спокойной, ответственной, обожала кукол, как все девчонки. Ольга росла более бойкой и непоседливой, могла и подраться с мальчишками, и в переделку какую-нибудь попасть, тогда старшей сестре приходилось ее выручать. Жили Шкребневы тоже небогато, держали кур для подкрепления семейного бюджета, и Людмила, как рассказывают соседи, бегала по утрам в сарайчик за свежими яйцами.

Училась Люда хорошо, очень любила читать, предаваясь своему любимому занятию даже на уроках, за что ей частенько попадало от учителей. С удовольствием занималась и общественной работой, в старших классах ее за ответственное поведение даже выбирали комсоргом. Еще очень любила участвовать в самодеятельности. Она хорошо пела, была красивой девочкой — ярко-синие глаза, светлые волосы, темные брови, хорошая фигура — в общем, звезда школьного масштаба. Во время концерта на День Победы в актовом зале приглашенные ветераны даже вытирали слезы. Были у нее, говорят, не только вокальные, но и актерские способности, не случайно она еще в начальных классах записалась в драмкружок при районном Доме пионеров, который посещала долгие восемь лет. Людмила мечтала стать актрисой. Во всяком случае, внешние данные к тому располагали. «У Люды была потрясающая внешность. Она казалась ангелом, сошедшим с небес, — вспоминает Антонина Александровна Языкова, руководитель кружка и актриса Калининградского драматического театра. — Ее белоснежные волосы так контрастировали с черными, как смоль, бровями и ярко-синими глазами, что казалось, будто девочка накрашена».

Конечно, на такую яркую красоту, на белокурые локоны Людмилы заглядывались многие, но отец строго следил за нравственностью своих девочек, так что никакие поклонники к дому даже близко не приближались, прощались за квартал. К

сожалению, Александр Авраамович умер довольно рано от рака легких, который начался, видимо, из-за работы на вредном производстве, так что до блистательного взлета своего зятя не дожил. Провожали его всем двором, а Людмила даже не смогла приехать на его похороны — она в то время была за границей.

Но это мы забежали вперед. Тогда же, после школы, когда встал вопрос о выборе профессии, сомнений у Люды не было — она должна быть актрисой. Ей казалось, что без театра она не могла жить. Она хотела играть, перевоплощаться, быть разной. И, несмотря на уговоры родителей, Люда решает поступать в театральный институт. Ближе всего был Ленинград. Не говоря никому ни слова, она уезжает в город на Неве и подает документы на актерский факультет. Конкурсный отбор Людмила прошла успешно, но срезалась на одном из экзаменов.

Год был потерян, но было еще не поздно подать документы в Калининградский технологический университет. Однако тут на пороге ее квартиры возник ее верный рыцарь и поклонник, школьный друг Юра Аброськин и с ходу предложил: «Поступим через год и будем учиться вместе!» А на это время позвал ее поработать на заводе «Торгмаш», где они оба стали учениками токаря-револьверщика. После поступления в институт молодые люди еще встречались около года, а потом их интересы разошлись. К точным наукам душа у Людмилы не лежала, ее терпения хватило только на два курса. И она решила стать стюардессой. Тоже, между прочим, профессия, которая в то время была мечтой многих, причем считалось, что брали туда только красивых. Ну и здоровых, конечно. Природные данные оказались на высоте, и Людмила стала стюардессой Калининградского авиаотряда.

ЗНАКОМСТВО

Профессия и помогла Людмиле познакомиться с Владимиром Путиным. Однажды, весной 1980 года, накопив несколько дней отгулов, они с подругой по какой-то путевке решили поехать в Ленинград, погулять по городу, походить по театрам. Прилетели, заселились в гостиницу и отправились на экскурсию. Гид, рассказывая им о культурной жизни города, между прочим, сообщила, что сейчас в Ленинграде на первом месте по популярности идут концерты Аркадия Райкина, а на втором — мюзик-холл. Но попасть туда невозможно. Девушки тут же загорелись. Один знакомый подруги помог достать им билеты и пригласил на концерт Аркадия Райкина, предупредив, что придет с приятелем. Этим приятелем и оказался Путин. С первого взгляда впечатления он на Люду не произвел — одет скромно, невысокий, неброский. Но уже к концу вечера ей захотелось продолжить знакомство, тем более что девушки поняли: Володя — тот человек, который может достать билеты в любой театр. Так что все три дня они ходили по театрам, в том числе попали и в мюзик-холл, а при расставании он оставил ей свой телефон. Кстати, приятель был крайне удивлен — за Путиным такого не водилось, свой телефон он никому не давал. Но тут сделал исключение. И Людмила стала летать в Ленинград на свидания.

Люда долго не решалась официально познакомить Владимира Путина с родителями. «Серьезный парень, надежный, — делилась своими впечатлениями с соседками после знакомства с будущим зятем Екатерина Тихоновна. — Только вот удивительно: сидим мы за общим столом, решили выпить за встречу. А он стакан еле пригубил. Вдруг зашитый?»

Родители Людмилы, простые люди, греха, страшнее пьянства, не знали. Насмотрелись, сколько семей вокруг страдают из-за этого, и своим дочкам такой судьбы, конечно, не желали. Они долго не могли понять, чем занимается их потенциальный зять. Такая скрытность молодого человека была непонятна кассирше из автоколонны и рабочему ремонтно-механического завода. «Люда быстро повзрослела и отстранилась от нас, такое сложилось ощущение, что она всегда что-то недосказывает нам», — жаловался, по воспоминаниям очевидцев, отец. «Люда ничего особенного не рассказывала о своем избраннике, я даже не знала, где Володя работал, думала, на заводе, — делилась тогда с соседками своими впечатлениями Екатерина Тихоновна (Путин в это время служил в Первом главном управлении КГБ, во внешней разведке. — Авт.) — Сказала только через два года после их

первой встречи: «Я познакомилась с хорошим человеком, хочу стать его женой» (Семейные тайны Людмилы. МК. 09.09.2005).

О принадлежности к разведке всегда рекомендовали не распространяться. Поэтому при знакомстве с будущей супругой Владимир Путин сказал ей, что работает в милиции. Потому что сотрудников органов безопасности, особенно разведки, обычно прикрывали какими-нибудь корочками. Если становится широко известным, где ты действительно работаешь, тебя, уж конечно, не пошлют за границу. Практически у всех были удостоверения сотрудников уголовного розыска. И у Путина в том числе.

Люда узнала о том, что ее избранник— офицер Комитета госбезопасности, только спустя полтора года после знакомства, и то от своей подруги. Правда, думает, что та сделала это по поручению Владимира Владимировича, который таким образом решил выйти из сложной ситуации. Она тогда обиделась, решив, что он ей просто не доверяет. В общем, потребовалось много времени, прежде чем она поняла особенности его работы.

Тем не менее, тогда Людмила уже была уверена, что встретила того человека, который ей нужен.

Он, видимо, понял это гораздо позднее. Во всяком случае, с предложением не спешил. Отношения развивались, по воспоминаниям Людмилы, ровно и небыстро. Может, не всегда они были такими радужными и романтичными, как ей бы хотелось, но очень стабильными. Однако, по ее словам, присутствовала в них и некая странная закономерность: месяца два все шло хорошо, потом случалась какая-то неурядица, потом снова все налаживалось. Так что это не было любовью с первого взгляда — чувства развивались постепенно, привязанность усиливалась и углублялась со временем.

Они познакомились весной, а летом Людмила приехала в Ленинград поступать в университет. Тогда, в июле 1980 года, она и ощутила, что чувствует рядом с ним необыкновенную надежность и защищенность. Да и по другим качествам молодые люди, с которыми она была знакома раньше, не шли ни в какое сравнение с Путиным. Безусловно, он, к тому времени окончивший юридический факультет университета, был человеком гораздо более высокого уровня, гораздо более умным, образованным, остроумным. И, конечно же, человеком с сильным характером, что женщины сразу же чувствуют. С сильным, но непростым.

К примеру, он постоянно опаздывал на свидания. Она приходила вовремя, а он опаздывал. Полтора часа — это было в порядке вещей. Как откровенно рассказывала Людмила Александровна журналисту Олегу Блоцкому, ставшему, по сути, официальным биографом семьи Путиных, «…первые пятнадцать минут опоздания выдерживаю нормально, полчаса — тоже вроде бы ничего. Но когда уже час проходит, а его все нет, то просто плачешь от обиды. А через полтора часа уже вообще не испытываешь никаких эмоций. Причем удивительно то, что хотя подобное происходило постоянно, каждый раз это было для меня как будто впервые… От свидания к свиданию, изо дня в день все повторялось. Каждый раз я надеялась, что это опоздание уж точно будет последним. Но… я понимала, что это он делал не специально, а так складывались обстоятельства.

Никаких отношений, когда наконец-то появлялся Володя, я не выясняла. За эти полтора часа переживешь столько, что уже никаких сил не оставалось на эмоции…»

Конечно, опоздания объяснялись работой, на которой, между

прочим, Путин всегда был пунктуален. А как иначе — там была служба. А в личной жизни, видимо, расслаблялся. Но, согласитесь, ситуация все же нестандартная, когда красивая, яркая, видная девушка подолгу ждет неброского, невысокого, ничем вроде бы не выделяющегося из толпы парня. Значит, было что-то в нем, что привлекало и заставляло ждать.

А потом и вовсе случилось так, что они чуть не расстались. Произошло это в то же лето, уже после экзаменов на филологический факультет Ленинградского университета, которые она провалила. Почему на филологический? Ну, на техническом факультете, во втузе, она уже поучилась и поняла, что технические специальности ее не привлекают. Поэтому теперь решила выбрать гуманитарное направление. Хотела вначале поступать в Калининградский университет на русское отделение, но теперь у нее был Володя, который жил в Ленинграде. Конечно, она отлично понимала, что рискует, собравшись поступать в ЛГУ спустя четыре года после окончания школы, когда уже многое забыто. Но у нее был трудовой стаж, который тогда учитывался и считался плюсом, и, главное, было огромное желание учиться и жить в том же городе, где живет любимый человек. Ведь, как правило, расстояния действуют на отношения разрушительно, особенно если эти отношения только еще начинают укрепляться.

Словом, сочинение Людмила написала на четверку, так же сдала и немецкий, а вот по истории ее «завалили». Все, что было нужно по билету, она рассказала, однако на дополнительный вопрос ответить не сумела. Историю она, в самом деле, знала не так хорошо, как, например, Володя, но все равно было обидно, и тон, которым преподаватель задавал ей вопрос, показался слишком резким и жестким. Вышла с экзамена в слезах, жутко расстроенная.

В утешение себе Людмила еще на неделю осталась в Ленинграде, и, как оказалось, напрасно. Однажды после вечеринки, где она, по его мнению, вела себя слишком раскованно — много танцевала, смеялась и веселилась, Владимир ей решительно сказал, что их дальнейшие отношения невозможны. Людмила была ошеломлена, но не стала спорить — что ж, все было честно, все сказано прямо в глаза. Уехала домой и больше в Ленинград не звонила. «Я снова вышла на работу и две недели находилась в ужасном настроении: ходишь, работаешь, делаешь что-то по дому, но абсолютно не замечаешь, что происходит вокруг. Я не могла ни с кем разговаривать. Существовала только одна мысль — это надо пережить, перетерпеть, перестрадать. Не скрою, было очень тяжело. Очень!»

Но и сам Владимир Владимирович, видимо, понял, что был

не прав. Однажды, после столь мучительных для Людмилы двух недель, она, возвратившись из рейса, вдруг увидела на двери своей квартиры приколотую записочку: «Да, дружочек, это я». И номер телефона. Это Путин, приехав в Калининград в командировку (может, специально себе ее устроил), решил все же исправить ситуацию. Они встретились и… Людмила со слезами на глазах объяснилась ему в любви. Отношения были выяснены и возобновлены.

Осенью она снова поступала в Ленинградский университет, теперь уже на рабфак, после которого зачисление на выбранный факультет было уже автоматическим. Правда, все же не на любой.

Володя помог ей и комнату снять, и работу найти. Людмила устроилась в один из институтов оператором ЭВМ, где получала вполне приличную по тем временам зарплату— 140 рублей. Да плюс стипендия сорок. Так что на жизнь вполне хватало даже без помощи родителей. Если бы не дорогостоящее увлечение. Но тогда они оба, по инициативе Путина, конечно, начали заниматься горными лыжами. Кататься ездили по выходным в Кав-голово. Инструктора не было, встали на лыжи и поехали, как получится. Но Владимир Путин без спорта жизни не мыслил, приобщил к нему и Людмилу. И она, как всегда в их дальнейшей жизни, последовала за ним, как ниточка за иголочкой, стараясь не отставать и перенимая лучшее, будь то увлечение спортом или стремление к новым знаниям.

Летом они вместе ездили на море, снимали комнату, и Людмила готовила обеды, потому что Владимир Владимирович питаться в общепите отказывался напрочь. Однажды отдыхали в Сочи и, что удивительно, останавливались тогда в доме охраны Брежнева рядом с Бочаровым ручьем. Могли ли они тогда подумать, что когда-нибудь эта правительственная резиденция станет их местом отдыха уже по праву…

Они поженились только три с лишним года спустя, летом 1983 года. Что и говорить, женитьба— дело ответственное, ведь жена не рукавичка, с белой ручки не стряхнешь да за пояс не заткнешь… К тому же у него уже был печальный опыт, когда женитьба расстроилась в самый последний момент. Между прочим, звали ту девушку тоже Людмилой, и была она сестрой однокурсника Владимира Владимировича по ЛГУ. Правда, расстроилось дело по инициативе жениха, однако причину размолвки история умалчивает. Что ж, в жизни все бывает, а обжегшись на молоке, иногда начинаешь дуть и на воду.

Но наша Людмила оказалась девушкой стойкой и мужественно выдержала все испытания. А испытания, по ее словам, продолжались всю совместную жизнь. По крайней мере, у

нее всегда было ощущение, что муж за ней все время внимательно наблюдает— какое она примет решение, верное или нет, как себя поведет в той или иной ситуации…

… СО *СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ*

Словом, как с юмором вспоминает о том времени Людмила Александровна: «Три с половиной года я за ним ухаживала!»

Но все хорошо, что хорошо кончается. В этой истории конец был счастливым.

«Однажды вечером мы сидели у него дома, и он говорит: «Дружочек, ты теперь знаешь, какой я. Я в принципе не очень удобный человек». И дальше шла самохарактеристика: молчун, в чем-то достаточно резкий, иногда может обидеть, и так далее. Словом, рискованный спутник жизни. И продолжает: «За три с половиной года ты, наверное, для себя определилась?»

Я поняла, что мы, похоже, расстаемся. «Вообще-то, — говорю, — определилась». Он с сомнением в ответ: «Да?» Тут я окончательно поняла, что мы расстаемся.

«Ну, если дело обстоит таким образом, то я тебя люблю и предлагаю такого-то числа пожениться», — говорит он. Вот это было полной неожиданностью.

Я сказала, что согласна. Через три месяца мы поженились. Сыграли свадьбу в ресторане-«поплавке» — на пароходике, стоявшем у берега.

Мы очень серьезно восприняли это событие. Даже на свадебной фотографии видно, что мы оба просто суперсерьезные. Для меня замужество не было легким шагом. И для него тоже. Есть ведь люди, которые ответственно относятся к браку».

Проверяли ли ее перед свадьбой, она не знает, не почувствовала этого. Хотя предполагает, что, наверное, должны были проверять, нужно же выяснить, с кем офицер Комитета госбезопасности решил связать свою судьбу. И ничего аморального в том нет — работа такая. Ну а ей бояться было нечего, как и скрывать.

Готовясь к свадьбе, решили, что она должна проходить в два дня, сначала с родителями, друзьями и родственниками, а на второй день — с сослуживцами Володи. Слишком разные это получались компании, слишком разные люди, чтобы их перемешивать. От первого дня осталось впечатление тепла и радости, второй день был более чинным. А потом молодые на все той же «фирменной» машине — стареньком «Запорожце» — отправились в свадебное путешествие. Доехали до Киева, пробыли в нем три дня, потом Украина, Молдавия, снова Украина и, наконец, Ялта. Там, на море, и пробыли оставшееся время отпуска.

Как считает друг семьи Путиных Сергей Ролдугин, о котором

уже упоминалось, они подошли друг другу по всем статьям. «… Потом у нее, конечно, характер стал проявляться. Она же не боится говорить правду. И даже не боится сама про себя говорить: «Я иногда становлюсь такая душная». Я как-то купил кресло-качалку и никак не мог запихнуть его в машину. Она стала мне советовать: «Вот так надо повернуть, а не так…» А оно у меня никак не запихивается, да еще тяжелое. Я говорю: «Люда, абсолютно замолчи». Она чуть ли не в истерику сорвалась: «Ну почему вы, мужики, все такие тупые?»

Люда очень хозяйственная. Когда я приезжал к ним, она всегда очень быстро все делала. Настоящая женщина, которая может всю ночь не спать, веселиться, а утром квартиру прибрать и все приготовить…»

ПОДРУГА… ПОДКОЛОДНАЯ?

Самокритичность и повышенное чувство справедливости отмечает у Людмилы и ее немецкая подруга Ирена Питч, написавшая книгу «Пикантная дружба» о своих попытках подружиться с русскими женщинами, одной из которых была и Людмила Путина. Правда, попытки так попытками и остались, поскольку за сентиментально-экзальтированными причитаниями немецкой дамы ощущается такое высокомерно-презрительное отношение к России и русским, что результат и не мог быть иным.

Правда, вначале она расточает Людмиле щедрые комплименты, отмечая «…ее прелестное лицо в про-! филь, маленький, чуть вздернутый носик, небольшой, но выразительный рот. Припухлая нижняя губка придавала всему облику неповторимое своеобразие. Гордая осанка говорила о сдержанности, а внимательные зеленовато-голубые глаза цвета аквамарина — о готовности раскрыться перед собеседником. Она производила впечатление человека, который знает себе цену и без демонстративных жестов и деклараций следит за тем, чтобы с ним обращались достойно.

Людмила была любезна, но без того оттенка панибратства, который я замечала у других русских женщин. «Дама, — подумала я. — Настоящая дама».

Вот такую высокую оценку заслужила Людмила у фрау Питч при первом знакомстве. Но затем за первыми комплиментами в адрес ее внешности, умения вести себя, воспитанности детей начинаются высказывания, пропитанные ядом. Иногда ее замечания интересны, но чаще всерьез не воспринимаются. Особенно после того, как узнаешь, что в Москве, оказывается, ни поздней осенью, когда уже стоят морозы, ни ранней весной, когда еще холодно, нет горячей воды. Мало того, оказывается, кругом, особенно в метро, пахнет мочой, а в доме, где живут посольские работники, консьержка, похожая на бомжиху, собирает с гостей денежную дань. Наконец радушные хозяева каждый вечер разогревают для дорогой подруги из Гамбурга пельмени. Ирен Питч, видимо, так и не узнала, что пельмени варятся всего десять минут, и потому варить их заранее, чтобы потом разогревать, никакой необходимости нет. Но, если уж люди и страна не нравятся, то объективной оценки искать не приходится.

Справедливости ради надо отметить, что все эти кошмары бедной Ирен пришлось пережить при знакомстве с двумя предыдущими русскими подругами, при рассказе о которых она

постоянно предваряет их имена эпитетами «ужасная» и «гадкая». А речь, между прочим, идет о вполне конкретных людях, даже фотографии их в книжке представлены, разве что фамилии не названы.

Правда, с Людмилой Путиной она все же обошлась более корректно. В основном ограничивалась уколами послабее. Вроде того, что та якобы прилетала в гости к дорогой подруге непременно с грязными волосами (опять, наверно, в дикой России не было горячей воды), обожала вкусно поесть (видимо, она из тех людей, делает вывод немецкая подруга, которые предпочитают знакомиться с культурой страны не в музеях, а в ресторанах. А разве то и другое не могут сочетаться?). Однажды вообще «опозорила» немецкую «гранд-даму» тем, что, устав от хождения по магазинам, вдруг купила удобные босоножки и тут же в них переобулась, а в другой раз целый день «терроризировала» всех своим плохим настроением, которое, если верить фрау Питч, случалось каждый раз, когда Людмила не высыпалась.

«.. Конечно же, утром она чувствовала себя так, будто на ней всю ночь возили воду. Непроветренный мозг ее отказывался воспринимать что бы то ни было. Ее раздражала любая мелочь. Она могла до смерти расстроиться из-за кого-то кусочка кожи, отвалившегося от каблука, и битых полчаса ползать по дорожке парка в поисках этого потерянного сокровища, что, в конечном итоге, оборачивалось… испорченным настроением…

Я уже знала, — сообщает далее Питч, — что Людмила временами могла быть резкой и прямолинейной, в чем она и сама признавалась. Пиццу «было невозможно есть», потому что «тесто совершенно не пропеклось», карусели были «старомодными», а солнце слишком жарким. Ничто не могло вызвать у нее хоть какие-нибудь положительные эмоции, не говоря уже о том, чтобы порадовать ее».

Однако на следующий день, когда она поинтересовалась самочувствием подруги, та ответила ей, что вчера чувствовала себя прекрасно.

«Просто неслыханно! — восклицает возмущенная фрау. — Она вчера себя прекрасно чувствовала и при этом терроризировала нас всех своим дурным настроением!

Я принялась перечислять ей все, что вчера вызывало ее критику:

«Пиццу невозможно было есть, карусели…

— Знаю, знаю! — со смехом перебила меня Людмила. — Не обращай внимания, это у меня бывает. Ничего не могу с собой поделать… Володя страшно злится, когда я впадаю в такое

настроение.

…Конфликт был исчерпан. Именно этим— кроме всего остального — Людмила и нравилась мне, и вызывала мое восхищение: своей прямолинейностью и готовностью объясниться и разрешить все недоразумения».

Ну да, просто «милый пустячок», один из многих, «а в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо». Даже восхитительно. Тут ведь еще важно, как все описать — где прибавить, где убавить, где посмотреть под особым углом зрения…

Словом, полюбить этих грубых, невоспитанных русских и понять Россию Ирен Питч так и не удалось.

Можно было бы и не говорить об этой книжке и не останавливаться на многих нелепостях, которые в ней встречаются, если бы ее постоянно не цитировали и не ссылались на нее, если бы она не была выпущена таким солидным для нашего времени тиражом.

Но бог с ней, с Ирен Питч, мало ли каких людей не встречается на жизненном пути. К счастью, не все из них пишут о своих знакомых книги…

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ

Жить после свадьбы молодые стали, конечно, вместе с родителями мужа в маленькой двухкомнатной квартире на проспекте Стачек. Они были знакомы с Людмилой уже давно, со времени ее прилетов в Ленинград на свидания. Однажды Путин пригласил ее к себе домой. Он тогда только что купил новую, очень модную по тем временам стереосистему «Россия» и позвал друзей, чтобы отметить это событие. Они сидели в его комнате, пили вино, чай, слушали музыку и разговаривали. Потом в какой-то момент Людмила вышла на кухню, где была мама Володи, Мария Ивановна. Они стали разговаривать, и тут на кухню выглянул Алексей, тот приятель, благодаря которому и состоялось знакомство на концерте. «Ну, как вам Люда?» — спросил он у Марии Ивановны. «Да, она ничего, конечно, — ответила та. — Но ведь у Володи была уже Люда. Хорошая девушка…»

Конечно, слушать похвалы бывшей невесте было неприятно. Хотя, скорее всего, безгранично любящей сына Марии Ивановне любая девушка казалась недостойной его, и бывшая невеста именно потому и стала хороша, что была уже бывшей. Но Людмила по молодости этого тогда не поняла. В общем, так или иначе, некоторая напряженность в отношениях появилась. Людмиле даже казалось, что родители Володи так никогда и не смогли ее принять в полной мере. Тем не менее, политес сохраняли и сосуществовали под одной крышей мирно. И она вполне ощущала себя хозяйкой в своей семье. По словам Людмилы Александровны, «…родители относились ко мне как к женщине, которую выбрал их сын. А он для них был светом в окошке. Они делали для него все, что могли. Больше, чем они сделали для него, никто бы не смог сделать. Они всю свою жизнь вложили в него. Владимир Спиридонович и Мария Ивановна были очень хорошими родителями».

Первый год после свадьбы был очень счастливым. «Замечательно жили первый год, трепетно и романтично», — вспоминала она. Муж торопился домой после работы, а жена всегда ждала его, стоя у окна. И очень переживала, если он задерживался. Однако она никогда не злилась на него из-за работы. Считала, что это глупо, — работа есть работа. Обижало по-прежнему только то, что он, не приходя вовремя, никогда не перезванивал, чтобы ее предупредить и сообщить об опоздании. И еще она не ожидала, что они никогда не будут говорить о его работе, в ее представления о семейной жизни такое поведение не

укладывалось. Ей казалось, что женщина должна сопереживать. Но здесь был явно не тот случай. Только много позже она поняла, что о его работе вообще не может быть никаких разговоров.

«Володя мне о своей работе совершенно ничего и никогда не рассказывал. На мой дежурный вопрос: «Ну, как, чем сегодня занимались?» — он всегда так же привычно отшучивался: «До обеда ловили, после обеда отпускали». И все…»

Людмила к тому времени уже училась на филологическом факультете ЛГУ, на романском отделении, изучала испанский и французский…

ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА РАЗВЕДЧИКА

Пару лет назад в «МК» появилась статья, в которой утверждалось, что стюардесса Шкребнева стала идеальной женой разведчика Путина. По мнению издания, Владимир Путин, когда выбирал себе будущую супругу, учел любовь избранницы к частым перемещениям, потому и женился на стюардессе. Можно подумать, он уже тогда, будучи молодым офицером спецслужб, знал, что станет в будущем президентом России и будет совершать постоянные перелеты из страны в страну с официальными визитами, в которые полагается брать и супругу.

«МК», конечно, любит эпатировать читателей, однако если посмотреть на супружескую пару Путиных более здраво и объективно, то, как ни странно, с утверждением, что Людмила подходит своему мужу, тоже согласишься. Во всяком случае, она сделала все, чтобы такой стать. Хотя, конечно, дело вовсе не в ее любви к частым перемещениям. Может быть, такой уж огромной любви к путешествиям у нее и нет. Зато есть житейская женская мудрость.

Во-первых, она смогла разглядеть в скромном молодом человеке большой потенциал и сильный характер. Во-вторых, смогла такой характер терпеть и переносить, что было, надо полагать, совсем непросто. Чего стоят только три с лишним года свиданий с опозданиями. А ведь это была, очевидно, не единственная трудность. Наверно, пришлось не раз почувствовать на себе и его черный юмор, и довольно-таки патриархальные привычки в быту. Наверно, было еще многое, что могло не нравиться. Но она его любила и решила, что сможет это вынести. Зато имелось то, что крайне важно для женщины, — она ощущала его надежность и свою защищенность рядом с ним.

Кроме того, увидев его постоянную потребность в новых знаниях, она не только не стала по такому поводу раздражаться, спорить или пытаться его перевоспитывать, но сделала это и своей потребностью. Изучала языки, научилась водить машину, забеременев, пошла на курсы для молодых мам, чтобы потом правильно себя вести во время родов и гарантированно родить здорового ребенка. И, наконец, самое главное — она сумела воспитать прекрасных дочерей, дать им многостороннее и качественное образование.

Но о дочерях позднее, а сейчас о Людмиле. Почему же она перестала появляться на экранах ТВ, почему ее не видно рядом с мужем во время его поездок? И вообще не видно. Что случилось с «идеальной женой» сначала разведчика, потом президента

Путина, в то время как его начали называть нацлидером страны?

А вот этого никто в достоверности не знает. Да, в последние годы их совместные появления на публике можно пересчитать по пальцам, и некоторые комментарии супругов в адрес друг друга далеки от романтики. Людмила Путина назвала как-то своего мужа вампиром (энергетическим, разумеется). Путин как-то обронил фразу, что любому, кто выдержит три недели общения с его женой, надо ставить памятник. А тут еще взорвала общество информация о будто бы произошедшем разводе супругов Путиных и его браке с известной спортсменкой, олимпийской чемпионкой по художественной гимнастике Алиной Кабаевой. Смуту в российских, а потом и мировых СМИ, которую пришлось опровергать лично Владимиру Владимировичу, подняла газета «Московский корреспондент» еще весной 2008 года. В августе того же года на пресс-конференции в Италии Путин в своем фирменном стиле, с ядовитым юмором заявил: «Я всегда плохо относился к тем, кто с каким-то гриппозным носом и со своими эротическими фантазиями лезет в чужую жизнь».

«Первое, что я хочу сказать. В том, что вы сказали, нет ни одного слова правды, — сказал Путин журналистке «Независимой газеты», попросившей его прокомментировать эту информацию. — Второе, вы упомянули статью в одной из наших газет, в которой действительно упоминается наша чемпионка по гимнастике Алина Кабаева. И в других публикациях подобного рода упоминаются успешные и красивые девушки. И думаю, что не будет неожиданным, если я скажу, что они все мне нравятся. Так же, как и все российские женщины», — лукаво добавил он.

Путин отметил: несмотря на то, что «общество, конечно, вправе знать, как живут люди, занятые публичной деятельностью», у каждого человека существует частная жизнь, вмешиваться в которую никому не позволено.

В тот же день «Московский корреспондент» был закрыт его издателем, который заявил, что газета «убыточна». Издателем был известный бизнесмен Александр Лебедев, которого эта история расстроила сильнее всех.

Еще 16 апреля, сразу после выхода сенсационного материала, он выступил на страницах издания с «письмом акционера», в котором назвал сообщение о предстоящем радостном событии «высосанной из пальца сенсацией» и «ахинеей». Уже на следующий день «Москор» опубликовал редакционный комментарий, в котором, в частности, говорилось: «В материале нашли отражение лишь некоторые слухи, а также некоторые факты, как нам казалось, подтверждающие слухи. То есть фактической базы у публикации нет. Это мы признаем».

Все точки над «i» поставило интервью с Игорем Дудинским, одним из основателей «желтой» журналистики в нашей стране, которое он дал «Slon.ru» в июне 2011 года. Оказывается, историю с начала и до конца просто выдумали журналисты «Московского корреспондента», которым надоело «мочить» Лужкова (в бытность его московским мэром), на чье место и метил Александр Лебедев. Дудинский даже прояснил, откуда взялись «сопливые носы» в отповеди Путина: «Потому что он вызывал Лебедева, а Лебедев говорил: не могу, у меня насморк».

Ну, с нашей журналистикой, тем более ее «желтой» частью, нам все давно ясно. В отличие от Людмилы Путиной, с которой по-прежнему неясно ничего: почему она перестала появляться на публике, откуда взялись слухи об ее уходе в монастырь? Правда, пресс-секретарь Владимира Путина Дмитрий Песков пояснял как-то, что жена премьер-министра, в отличие от жены президента, не обязана принимать участие в различного рода официальных мероприятиях или заграничных поездках мужа. Протокол этого не требует. Но, возможно, причина исчезновения Людмилы Путиной из публичного **ПОЛЯ** кроется как раз в гнусной истории, выдуманной «Московским корреспондентом»? А уж если симпатии Владимира Владимировича к олимпийской чемпионке в какой-то степени имели место… Живой же он человек. Кто на его месте останется равнодушным к окружающим и жаждущим его расположения красавицам? Тем более, если уж говорить откровенно, то, вспомнив роман Владимира и Людмилы и дальнейшие отношения (причем в их собственных воспоминаниях и рассказах), придется признать, что впечатления безумной любви они никогда не оставляли. Сложные были отношения, как и их характеры. И характер Людмилы характеру ее мужа не уступает. Поэтому трудно представить, чтобы она отнеслась так же терпимо к вольному поведению мужа, как относились к своим супругам в подобных ситуациях, к примеру, Виктория Брежнева или Наина Ельцина.

Поэтому и не верится в откровения вдруг обнаружившейся подруги Путиных, а по совместительству западно-германской шпионки по кличке Ленхен, о его многочисленных изменах во время службы в Дрездене и избиениях жены. Тем более что уже упоминавшийся сослуживец Владимира Владимировича по Дрездену подробно описал в своей книжке его отношение к семье. В их тесном кругу жизнь каждого была на виду у всех, скрыть такие вещи, о каких рассказывает бывшая шпионка, было бы слишком трудно. И вряд ли тогда тон повествования остался бы прежним — проникнутым симпатией к Путину. И вряд ли бы так благоволил к нему их умудренный жизнью шеф Л.Л. Матвеев. Да

за романы на стороне его не только не повышали бы по службе, из разведки бы вышибли моментально.

А больше всего поражала Усольцева всем нам давно известная любовь Путина к дочерям.

«Пожалуй, стоит отметить как особенность Володи, — пишет он, — чем он отличался от всех нас, его исключительную привязанность к своим дочуркам… Он охотно уклонялся от всяких экскурсий и коллективных мероприятий, иногда посылая на них свою жену Люду. Сам же он принимал вахту няни, находя в этом удовольствие. Володя был щедрее всех известных мне отцов в покупке игрушек. Его не останавливали никакие цены, и были его дочурки осчастливлены роскошными игрушками, порой своими размерами большими, чем сами девочки. Игрушки в бюджете Путиных занимали ощутимую часть. Похоже, Володя с Людой были единодушны в этом расточительстве».

Между тем Маша, их старшая дочь, родилась, когда Людмила училась на четвертом курсе филфака. Путин в то время тоже учился, но в Москве, в институте им, Андропова, где готовили сотрудников секретных служб. Но тогда она этого не знала, муж ей говорил, что уехал на курсы следователей, не уточняя, что речь шла о ПГУ, Первом управлении КГБ, занимавшемся проблемами внешней разведки…

СЛУЖБА

ЛИРИКИ НЕ БЫЛО

«Мои представления о КГБ возникли на основе романтических рассказов о работе разведчиков. Меня, без всякого преувеличения, можно было считать успешным продуктом патриотического воспитания советского человека», — так рассказывал журналистам о выборе профессии сам Владимир Владимирович. И, каким бы странным это ни показалось сегодня, оснований сомневаться в его словах нет. Дело в том, что наше поколение послевоенных детей взрослело в семидесятые годы, когда Хрущев с его разоблачениями культа личности уже ушел в прошлое и если вспоминался, то чаще всего своей безграничной любовью к кукурузе, которой он пытался засеять все поля России чуть не до Северного полюса, да непонятными перебоями с хлебом. Ведь война, слава богу, к тому времени давно закончилась, и все уже привыкли, что в магазинах ассортимент хоть и небогатый, но хлеб и молоко есть всегда. Поэтому симпатий у людей ни сам Хрущев с его экспериментами, ни его воззрения не вызывали. Это был тот редкий случай, когда у власти и большинства народа мнение о личности совпадало.

Зато тогда начали все больше и больше вспоминать о Великой Отечественной войне, все торжественнее чествовать ветеранов. Появилось много фильмов И КНИГ о войне, в том числе о разведке и разведчиках. Конечно, особенно они действовали на мальчишек, тем более на романтически настроенных.

Впрочем, как Владимир Путин пришел к своей мечте и как потом добивался ее осуществления, мы уже видели. Как же он почувствовал себя, когда она осуществилась?

Реальная жизнь, разумеется, оказалась гораздо менее романтичной, чем представлялось в мечтах. Первым местом службы Владимира Путина в «Большом доме», как его называли и сами сотрудники, и ленинградцы, где находилось ленинградское Управление КГБ, был секретариат Управления КГБ, потом контрразведывательное подразделение, в котором он проработал около пяти месяцев. То, что он увидел там, его поразило. Во-первых, его поразило, что там, как ни в чем не бывало, работали старики, которые трудились на ниве государственной безопасности еще в незабвенные сталинские времена. Правда, большинство уже вот-вот должны были уйти на пенсию. И работали они по своим прежним правилам, превыше всего ставя не закон, а служебную инструкцию. Безусловно, выпускнику Ленинградского государственного университета времен позднего

Брежнева такое отношение к делу казалось, мягко говоря, неправильным.

Однако служба есть служба. Там не выступают. К счастью, вскоре Владимира Путина отправили на учебу, на шесть месяцев, на курсы переподготовки оперативного состава. Это была внешне ничем не примечательная школа в Ленинграде. Считалось, что база у выпускника юрфака университета есть, а вот чисто оперативной подготовке нужно поучиться. Путин проучился там полгода, вернулся на прежнее место службы и еще где-то около полугода отработал в контрразведывательном подразделении.

На тех курсах офицеров обучали исключительно тому, чем они должны были заниматься в дальнейшем. Лирики не было — учили конкретно и целенаправленно. Преподавателями были специалисты самого высокого класса из числа действующих оперативных работников-практиков. Однако после окончания этой школы контрразведки Владимира Путина очень быстро перевели в ПГУ — Первое главное управление КГБ, то есть непосредственно в разведку, куда он и стремился. Находилось новое место службы там же, где и прежнее, только этажом выше. К слову сказать, никаких усилий он к своему переводу не прилагал, руководство разведки само принимало решение, кого брать к себе на работу. По отношению к составу всего Ленинградского управления КГБ подразделение разведки было небольшим, поэтому кадры туда отбирались особенно тщательно. Однако перспективные сотрудники с хорошим образованием всегда были (и всегда будут, надо полагать) нужны. У Путина с образованием было все в порядке. Он очень хорошо разбирался в зарубежной и российской истории, социологии, психологии, к тому же прекрасно умел общаться с людьми.

«Володю на работу рекомендовал мне кто-то из наших офицеров, — вспоминал полковник Сергей Петров. — При собеседовании я сразу отметил аналитический склад ума Путина: разведке всегда нужны интеллектуалы с широким кругозором. Короче, Володя мне понравился. В противном случае он бы у нас не работал. Во многом ведь от меня зависело, суждено данному офицеру служить в нашем подразделении или нет. Отбор был строго индивидуальный. Путин был спокойный и очень скромный. Несмотря на большие знания и коммуникабельность, никогда не был в коллективе лидером. Но ребята относились к нему с большим уважением» (Александр Елисов. Шпионская романтика // МК. 25.04.2003).

По воспоминаниям коллег, в первую очередь молодого сотрудника отличала серьезная подготовка к любому мероприятию, глубокая проработка темы, внимание к деталям.

Разумеется, это было невозможно без дополнительных занятий. Конечно, никто его к тому не принуждал, он сам понимал, что, если хочешь расти, надо постоянно учиться. Ведь разведка — это, главным образом, анализ полученных сведений, их масштабная аналитическая обработка. Умение сделать правильные выводы из полученной информации, точно спрогнозировать развитие событий, предугадать их — главная задача разведчика.

Работа, которой занималось подразделение, называлась разведкой с территории страны и включала в себя множество направлений. К примеру, в Ленинграде находилось генконсульство. Но ведь не секрет, что все страны мира имеют резидентуры на базе своих посольств и консульств. Следовательно, нужно было отслеживать, чем занимаются сотрудники разведки других государств в нашей стране. Не стоит забывать и о различных каналах международного сотрудничества, научно-технический или культурный обмен делегациями, когда к нам приезжали люди, интересующие разведку. Кроме того, тщательно отбиралась, готовилась и засылалась агентура в те государства, которые представляли для нас интерес. Надо сказать, что ничего особенного во всем перечисленном нет— подобные вещи используются всеми разведывательными службами мира.

Отдельных кабинетов у рядовых разведчиков не было — сидели по нескольку человек в одной комнате. Даже телефон стоял не на каждом столе, из-за чего в трудовом коллективе нередко вспыхивали ссоры. И нередко в центре разборки оказывался молодой лейтенант Путин. Уж слишком много у него было друзей, и со всеми хотелось пообщаться. Однако Путин был на хорошем счету у руководства, поэтому на такие его прегрешения оно смотрело сквозь пальцы. Он быстро стал одним из избранных разведчиков, кому выдавались «документы прикрытия»— удостоверение сотрудника уголовного розыска. Но что за задания он выполнял, никто не знал — в комитете существовало золотое правило: никогда не интересоваться работой товарища.

Вскоре Путина направили на курсы немецкого языка. Кого на них посылать, определяло руководство, но, разумеется, направляли на курсы иняза только самых перспективных. Курсанты занимались три раза в неделю по два часа. На первых порах в группах было человек восемь-десять, но к концу обучения, которое длилось восемь семестров, в лучшем случае оставалась половина. Диплом не выдавали, только свидетельство. В личное дело заносилась запись об окончании курсов иняза с такой-то оценкой.

КАК ГОТОВЯТ ДЖЕЙМСОВ БОНДОВ

После нескольких лет успешной работы Путина направили на учебу в Краснознаменный институт им. Андропова. По словам того же Петрова, ему не хотелось отпускать такого сотрудника. Но он видел, что перспективному сотруднику требовался профессиональный рост, хотя к тому времени тот был уже майором с блестящими видами на будущее в том же ПГУ. Краснознаменный институт — так раньше называлась нынешняя Академия внешней разведки под Москвой. Правда, до недавнего времени для близлежащих деревень и внешнего мира она проходила как закрытый научно-исследовательский институт Минобороны. Подобные специальные учебные заведения, в которых по специальным программам в течение нескольких лет готовят профессионалов-разведчиков, имеют все развитые государства мира, и СССР не был исключением.

Конечно, институт, как и подобает такому учебному заведению, был окружен завесой чрезвычайной секретности, а слушателей в него отбирали с большой тщательностью. У них должна была быть абсолютно «чистая» биография, отсутствие родственников за рубежом, хорошие показатели в учебе и на службе, отменное здоровье и крепкая нервная система. Проверяли кандидатов втом числе и на «полиграфе», иначе говоря, на детекторе лжи. Он на самом деле являлся лишь одной из методик тестирования, показывающей психологическую устойчивость человека, быстроту реакции и многие другие, не менее важные качества личности. Было, кроме того, и обычное собеседование с преподавателями института, которые смотрели, что за человек перед ними, с какой целью он пришел или идет работать в разведку, умеет ли он правильно общаться и работать с людьми.

Ведь разведка— это, прежде всего, как правильно сказал однажды Путин своему другу Сергею Ролдугину, именно работа с людьми. Так, уже на стадии отбора преподаватели определяли, кто на каком направлении будет работать. Для работы по линии политической разведки отбирались ребята, получившие юридическое, филологическое, историческое образование или специалисты-международники. Тогда же определялось, какой иностранный язык будет изучать слушатель. Знание иностранного языка и определяло длительность обучения: для изучения сложного восточного языка факультет мог быть и трехгодичным, для других, в зависимости от степени владения, одно- и двухгодичным.

После того, как человек проходил все круги проверок и

тестирований и результаты оказывались положительными, его вызывали на комиссию, в которую входили высокопоставленные работники КГБ, а возглавлял ее заместитель председателя Комитета. Там будущему курсанту называли дату, когда он должен будет связаться по телефону с офицером из отдела кадров, который сообщит ему, что делать дальше.

Для того чтобы попасть в Краснознаменный институт, надо было приехать в Москву и пройти собеседование, по результатам которого тебя зачисляли на учебу. При зачислении главным образом учитывалось знание иностранных языков. Этот фактор определял общий срок обучения… Путин попал на одногодичный факультет — иностранный язык он знал хорошо. Когда все проверки-тестирования оставались позади, назначалась комиссия. Там называли секретную дату, когда надо было связаться с офицером отдела кадров. В назначенный день будущий курсант звонил, и ему объясняли, куда ехать. Он приезжал на определенную станцию метро, где собирались и остальные ребята. Затем все садились в автобус со шторками и трогались в неизвестном направлении.

Однако далеко, как известно, не увозили. Вскоре автобус с курсантами прибывал на территорию хорошо охраняемого загородного объекта, где им предстояло грызть гранит разведческой науки. Первые три этажа были отведены под учебные классы, жили курсанты на четвертом, по два человека в комнате. Условия жизни были, во всяком случае по тем временам, замечательные. Жили курсанты в двухместных номерах с умывальником, душ и туалет были в коридоре. В комнатах стояли финские кровати-диванчики, стол, платяной и книжный шкафы. Телевизор находился в общей комнате отдыха, где также можно было поиграть в шахматы или шашки и просто общаться. Словом, это было нормальное, мало похожее на армейское, общежитие. Путин делил кров с секретарем партийного бюро факультета. Впрочем, он и сам вскоре стал «шишкой». Учитывая, что он был уже майором и из всех новобранцев имел самый большой опыт оперативной работы, его назначили командиром учебной группы одногодичного факультета.

Еще через некоторое время курсантов отправили на спецподготовку в одну из воздушно-десантных дивизий на юго-запад Украинской ССР, где из них стали готовить, судя по рассказам одного их выпускников Краснознаменного института, настоящих суперменов.

Даже танками их обкатывали. Причем окопов не было. Курсант стоял на дороге, а прямо на него шел огромный танк, и надо было попасть прямо под него. Главное — правильно упасть,

чтоб с ходу не угодить под гусеницы.

Впрочем, обкатка танками считалась не самым экстремальным пунктом в увлекательной программе испытаний новобранцев на выносливость. Приходилось и с парашютом прыгать, а перед тем, для тренировки, с гигантской вышки. Там на них надевали особую конструкцию с лямками, имитирующую купол парашюта, и — вперед и вниз. Как вспоминал этот генерал-майор, бывший однокашник президента, ему такой прыжок казался страшнее танка. Именно на вышке он и увидел впервые Путина, так как прыгали они друг за другом. Приземлившись, стали бороться.

«Я Володю цепляю, и вдруг… подсечка. А поле такое жесткое: только что кукурузу убрали, но стебли-то остались! Путин меня перехватывает, и я начинаю падать. Но в воздухе успеваю кувыркнуться, и мы оба заваливаемся набок. Встаем. «Не понял», — говорю растерянно. «Да я вот, — отвечает он, смущаясь, — занимался». Так и познакомились. Я ведь тоже увлекался дзюдо и тоже, как Володя, был чемпионом города…» (А.Елисов. Шпионские игры.)

В общем, обучали курсантов конкретно и целенаправленно. Преподавали рукопашный бой, прививали навыки обороны от людей с ножом или пистолетом в руке. В институте существовали также очень хорошие по тем временам спортивные комплексы с бассейнами, так что слушатели имели полную возможность тренировать себя физически. Были и еще более специфические «уроки». Например, курсантов учили не просто управлять автомобилем, но при этом еще и замечать все, что происходит по сторонам. На занятиях инструктор мог внезапно спросить номер машины, которая ехала сзади. А ведь в зеркале заднего обзора цифры читаются справа налево! Но это еще цветочки. Заставляли ездить через лес по узкой извилистой дороге, а потом возвращаться задним ходом. Естественно, тренировались в стрельбе из различных видов оружия. И, конечно же, были практические занятия в городе, для приобретения узкоспецифических навыков, которые необходимы в загранкомандировках. Например, как встретиться с человеком, то есть с агентом, чтобы эта встреча никем не была зафиксирована. Инструктора подробно объясняли, как правильно построить маршрут, как сделать так, чтобы заметить наблюдение, если оно есть, как уйти от наблюдения. Что необходимо сделать, чтобы выйти из самой сложной ситуации, если уж в нее попал. Словом, судя по всему, подготовку выпускники КИ получали не худшую, чем знаменитый Джеймс Бонд.

Кроме того, специалисты высокого класса вели в институте

занятия по культуре зарубежных стран, их обычаям, национальным особенностям и истории, а еще преподавали историю международных отношений, историю дипломатии, дипломатический протокол и дипломатическую практику. (Так что к роли президента страны Путин в этом плане оказался подготовлен гораздо лучше бывших партийных боссов Горбачева и Ельцина.) Помимо семинаров и лекций, было также много встреч с интересными людьми, которые прошли большую практическую школу, многое знали и умели, не раз побывали в различных экстремальных ситуациях. Однако основным предметом в Краснознаменном институте был все же иностранный язык, поскольку грош цена всем остальным знаниям и умениям разведчика, если, попав за границу, он не сможет объясниться с аборигенами, тем более понять иностранца, когда тот сообщает ему важные сведения.

А потом преподаватели составляли на своих воспитанников характеристики. Они и были главной оценкой всего обучения: хорошее заключение означало карьерный взлет, удовлетворительное — направление во второстепенные подразделения.

РАССМАТРИВАЛОСЬ ВСЕ…

Этот рассказ о высшей школе разведчиков хорошо дополняют воспоминания Михаила Фролова, полковника в отставке, преподавателя Краснознаменного института, который проработал там тридцать лет.

«Владимир Путин поступил ко мне из Ленинградского управления КГБ в звании майора. Я решил посмотреть его в роли старшины отделения. Старшина отделения в Краснознаменном институте — это не просто какое-то дежурное назначение. От старшины отделения многое зависит. Здесь нужны и организаторские способности, в определенной степени тактичность, деловитость. Мне показалось, что у Путина все это есть. Учился он ровно, без сбоев, не было никаких казусов, как не было повода усомниться в его честности и искренности. Я помню, что он приходил ко мне на доклад в костюме-тройке, несмотря на то, что на улице 30-градусная жара, и я сидел в рубашке с короткими рукавами. Он считал необходимым являться к руководителю вот так строго, в деловом костюме. Я даже в пример его ставил другим: «Вот посмотрите на товарища Платова!»

Там же не называли по настоящим фамилиям, поэтому Путин был не Путиным, а Платовым. Как правило, первую букву фамилии оставляли. Сам я, когда учился в разведшколе, назывался Филимоновым.

В Краснознаменном институте не только обучали правилам разведки и контрразведки. Львиная доля нашей деятельности состояла в изучении слушателя, его профессиональной пригодности, его личных качеств. Нам надо было определить в конце концов, годится ли слушатель для работы в разведке.

Обучение в нашем институте — своего рода испытательный полигон. Вот я, например, преподавал искусство разведки. Что это значит? Это умение входить в контакт с людьми, умение выбирать нужных нам людей, умение ставить вопросы, которые интересуют нашу страну и наше руководство, умение, если хотите, быть психологом. Поэтому нам приходилось изучить слушателя настолько, чтобы поручиться за него, как за свою правую руку. А в конце учебы на каждого выпускника мы писали характеристики, которые и определяли его судьбу.

Мы просили всех преподавателей, начиная от кафедры контрразведки и заканчивая кафедрой физкультуры, высказать на бумаге свое мнение о слушателях. Затем это все докладывалось руководителю учебного отделения, который уже сводил все

вместе: свои собственные наблюдения с наблюдениями этих преподавателей, и писал развернутую, подробную характеристику.

…Рассматривалось все: и личные качества, и профессиональные. Мы закрывались на неделю, на две и сидели: писали, писали… В конце характеристики делали вывод о пригодности или непригодности выпускника для работы в разведке.

В качестве примера я могу сослаться на один печальный в определенной степени момент в своей деятельности. У меня был слушатель, который наши оперативные задачи решал, как семечки щелкал. Иногда создавалось впечатление, что он знает решение заранее. Его четкий аналитический ум позволял ему находить хорошие решения.

Но в то же время само по себе умение решать оперативные задачи не являлось приоритетным. Под конец его обучения я написал на него характеристику, которая препятствовала выпускнику работать в разведке. Сыграли роль его личные качества — карьеризм и неискренность по отношению к товарищам.

Для этого слушателя было как гром с ясного неба, когда он прочитал характеристику, хотя в общем-то и положительную, но закрывавшую ему путь в резидентуру.

Я сам работал в резидентурах и потому прекрасно представлял себе, что может быть, когда там окажется такой сотрудник. Он всех перессорит, создаст нервозную и вредную обстановку, которая не позволит нормально работать.

Поэтому я должен был написать об этом в характеристике.

Вот про Владимира Владимировича не могу сказать, что он карьерист. Хотя некоторые отрицательные качества я тогда в его характеристике назвал. Мне казалось, что он человек несколько замкнутый, необщительный. Это, кстати говоря, можно считать как отрицательным, так и положительным качеством. Но я помню, что указал в качестве негативных сторон в его деятельности некоторую академичность. Я не имею в виду, что был он сухарь. Нет, он был остроумный, за словом в карман не лез.

Дальнейшее использование каждого слушателя определяла очень высокая выпускная комиссия. Она вызывала выпускника пред свои светлые очи и, зачитав его характеристику, определяла, в какое подразделение КГБ он направляется.

В результате обучения Владимир Владимирович был закреплен за представительством КГБ в ГДР».

Сам он тоже понял сразу, что его готовят для работы в

Германии — иначе зачем такое усиленное обучение немецкому языку? Непонятно было только одно — в ГДР или ФРГ придется работать?

Для того чтобы поехать в ФРГ, надо было поработать в соответствующем отделе центрального аппарата. Полтора, два, три года… у всех по-разному. А второй вариант — сразу же поехать в ГДР. Для себя Владимир Владимирович решил, что лучше поедет сразу. В ГДР так в ГДР.

ЗАГРАНИЦА

ДОЧКУ БУДУТ ЗВАТЬ… МАШЕЙ

В это время он уже был женат. Чем же занималась Людмила, когда ее муж повышал свою разведческую квалификацию?

Она, как мы помним, в то время училась в университете, на испанском отделении, а еще три раза в неделю ходила на курсы машинописи. С какой стати ей вдруг вздумалось учиться машинописи? Вздумалось не ей, а ему, Владимиру Владимировичу, который решил, что такое умение всегда пригодится. А Людмила, как она говорит, просто взяла под козырек. Впрочем, она была уверена в его правоте. Также по его совету она выбрала для изучения в качестве основного испанский язык.

А еще она в то время уже была беременна Машей и уже по собственной инициативе тоже по три раза в неделю ходила на занятия с беременными женщинами, которые проводились в Институте Отта. Людмила очень ответственно относилась к своему новому состоянию, хотела, чтобы все прошло хорошо, и, естественно, боялась, как любая женщина, ждущая первого ребенка. К тому же она ведь в то время была одна, без мужа. Конечно, поблизости находились родители мужа, но…

Когда Володя уехал в Москву, Людмила сняла однокомнатную квартиру и стала жить там. Так что именно занятия помогли ей благополучно разрешиться от бремени, поскольку роды были не совсем простыми. Однако врач, Нина Абрамовна, которая вела их группу беременных женщин, настолько сумела все предусмотреть в своих рассказах, что никаких неожиданностей для Людмилы не было. Она все знала. Даже совершенно точно поняла, когда у нее наступает срок и она должна будет поехать в роддом. Весь тот день убиралась, мыла, стирала — готовила квартиру к своему возвращению, а вечером вышла на улицу, взяла такси и поехала в Институт Отта. Приехала туда в половине одиннадцатого, а через четыре часа уже родила.

Через день приехал муж, очень радостный, что все прошло хорошо, все здоровы, и сообщил молодой маме, что дочку будут звать… Машей. Вот это для нее был сюрприз! Ведь сама она хотела назвать свою малютку Наташей. Ей нравилось это имя, и лучшую подругу звали Наташей. Однако спорить, как всегда, было бесполезно. Она и не стала, вспомнив, что ее любимую тетку тоже зовут Машей. Хотя сначала даже заплакала от обиды — рожа-ла-то она, а имя выбирает он! Но вот такой у нее муж — знала, кого выбирала. Зато он не мечтал, как другие мужчины,

непременно о мальчике, считая, что кого Бог даст, то и хорошо. И во время беременности относился к ней очень бережно и нежно.

А потом через три дня он снова уехал в институт, а она осталась одна. Людмиле на первых порах даже стало легче — мужа ведь кормить надо, готовить для него, а в домашних делах принимать участия он как-то не привык. А с ребенком она справлялась сама и умело, словно всю жизнь этим занималась, — видимо, все в генах было заложено. Даже университет не оставила, крутилась, как заведенная: Маша, пеленки, кормления, занятия, прогулки, снова Маша, университет, снова пеленки… За продуктами бегала, пока малютка спала. Конечно, было тяжело, но она со всем справилась. На лето, правда, решила переехать на дачу к Володиным родителям. Но и там оказалось не легче — родители уже в преклонном возрасте, а дача-то ведь была без удобств, даже без воды. Воду приходилось все время носить и греть, а ее для жизни с малышкой требуется много. Магазин тоже находился далеко.

Но Людмила была молодой, здоровой, энергичной, все трудности ей казались по плечу…

ЗАГРАНИЧНАЯ КОМАНДИРОВКА

Летом 1985 года, после окончания Краснознаменного института, Владимир Путин был распределен на работу в Германскую Демократическую Республику. ГДР в то время являлась, как известно, форпостом противостояния двух мировых систем, в которой наши советские «органы» имели достаточно большое по числу сотрудников представительство. Оно так и называлось — «Представительство КГБ СССР при Министерстве госбезопасности ГДР». Помимо центрального аппарата Представительства в Берлине, в каждом окружном центре располагались небольшие по численности — от трех до семи человек — разведгруппы.

«В Первом главном управлении (ПГУ) КГБ, попросту — в разведке, работа в Представительстве в ГДР считалась совершенно непрестижным делом по причине значительно худшей материальной обеспеченности сотрудников по сравнению с резидентурами в капиталистических странах. Нередко командировка в разведгруппу в ГДР означала для оперработника, помимо всех прочих проблем, связанных с жизнью за границей, прямые финансовые потери. Поэтому от таких командировок отбивались многие», — пишет в своей книге о Путине Владимир Усольцев.

Возможно, так и было, но только в том случае, если разведчика переводили в ГДР из резидентуры одной из западных стран. Если же человек попадал за границу впервые, то все обстояло по-другому, так как в те годы работа в любой стране за границей считалась удачей, о которой мечтали практически все, поскольку она, во-первых, всегда существенно улучшала материальное положение семьи, а во-вторых, расширяла представления об окружающем мире, отделенном от других советских людей «железным занавесом». ГДР же в Советском Союзе к тому же любили и уважали. Как и Чехословакию, в отличие, скажем, от Венгрии или Румынии, которые воспринимались скорее как дальнее чужое захолустье, чем заграница. Тем более что советского человека, впервые попавшего за границу, в той же ГДР неизменно удивляло изобилие товаров в магазинах. В СССР такого изобилия не было. Продовольствия тогда к нам из-за границы практически не завозили, а своего на всех, видимо, не хватало, так как покупательная способность в 70—80-е годы была весьма высокой, зарабатывали люди в основном неплохо. Особенно высококвалифицированные рабочие, а на селе доярки и механизаторы. Они и за границу нередко ездили, в

турпоездки по странам соцлагеря и на отдых, в основном в Болгарию. Ездили и другие, например, студенты по так называемому обмену — группа от нас к ним, группа от них к нам. Так что «железный занавес» уже в те годы особенно плотным не был, представление об «их жизни» имелось, то, что уровень там выше, знали. Поэтому и поработать там все хотели.

Что касается Дрездена, то Путин был направлен именно туда благодаря его предшественнику и бывшему сослуживцу по Ленинградскому управлению Борису Малютину, который очень хорошо охарактеризовал его начальнику разведгруппы. А тот, оказывается, положил глаз на Владимира Владимировича уже тогда, когда только знакомился с его личным делом. Особенно его привлекло высшее юридическое образование будущего сотрудника, полученное им в престижном Ленинградском госуниверситете. Не разочаровало и личное знакомство. Он увидел спокойного, выдержанного человека, который умел расположить к себе собеседника, скромного, но не робкого, с чувством собственного достоинства.

Группа советской разведки в Дрездене состояла из нескольких человек.

«Жизнь разведгруппы сродни длительному полету в замкнутом узком пространстве космического корабля, — продолжает свой рассказ о службе в Дрездене Усольцев. — Вся жизнь — под взаимным пристальным колпаком, над которым возвышается главный колпак — шефа. Психологическая совместимость в таких малочисленных группах становится первостепенным фактором. В большинстве случаев жизнь в группе превращается в малый ад: конфликтуют сотрудники, конфликтуют жены. Степень адовости может быть различной — это зависит от подобранности состава и его взаимной приспособляемости и от мудрости шефа, который делает главную погоду в группе».

Владимиру Путину в очередной раз повезло — надо сказать, что он вообще очень удачливый по жизни человек. Он попал в хорошую группу, где между сотрудниками существовали нормальные отношения, быстро вписался в коллектив и в работу. Через пару недель уже казалось, что Путин работал на этом месте всегда. Правда, сначала ощущались трудности с языком. Если на родине ему представлялось, будто владеет им отлично, то тут, среди носителей языка, в первое время он чувствовал себя настолько неуверенно, что даже боялся поднять трубку телефона. Однако, приложив определенные усилия, очень быстро овладел немецким настолько, что даже обогнал во владении им некоторых коллег-долгожителей.

Повезло ему, впрочем, как и остальным членам разведгруппы, и с шефом, который оказался по-настоящему мудрым человеком. Шеф, с редким именем Лазарь Лазаревич, но обычной русской фамилией Матвеев, умел работать сам и направлять подчиненных в нужную сторону. «Шеф был не только скромен и незлоблив. Был он и умен от природы, — считает Усольцев. — Поэтому и неудивительно, что довольно быстро он завоевал непререкаемый авторитету немцев». Не говоря уж о своих.

И этот умный, умудренный немалым жизненным и профессиональным опытом, всеми уважаемый человек, по словам Усольцева, быстро стал выделять Путина среди других своих подчиненных. «Очень скоро после своего появления в разведгруппе Володя… стал явным фаворитом в глазах нашего шефа. И было это справедливо. Володя старательно работал, был он в работе толков и умел, и плоды его трудов медленно и верно созревали…Но не только в связи с работой завоевал расположение шефа к себе Володя… Был наш шеф расположен к нему и по чисто человеческим, внеслужебным мотивам. Володя умел быть вежливым, приветливым, предупредительным и ненавязчивым. Он был способен расположить к себе кого угодно, но особенно это ему удавалось именно в отношениях со старшими, годящимися ему по возрасту в отцы. Со стороны шефа к Володе ощущалось нечто вроде родительской любви».

Однако сам Лазарь Лазаревич в беседе с журналистом Олегом Блоцким о том периоде биографии Путина говорил несколько иное: «Путин мне, безусловно, нравился, но я его выдвигал исключительно за работу… Работал Путин целеустремленно. Здесь важно постоянно добиваться результатов, а не время от времени — Путин был целеустремленным человеком и очень хорошим работником. Потом, когда прошло определенное время, я… убедился, что моя ставка на Путина как человека с университетским образованием была верной. Абсолютно не желая обидеть других ребят, хочу отметить, что Путин выгодно отличался от них именно своими знаниями».

Знающий, целеустремленный, исполнительный, надежный — видимо, таким он казался всем своим начальникам, от которых зависело его продвижение. Эти качества, между прочим, помогут Путину в будущем также прибрести расположение и завоевать доверие сначала Собчака, потом Ельцина, а позднее даже лидеров ведущих держав мира… Но тогда он, скромный офицер внешней разведки, таких поворотов своей карьеры и предполагать не мог.

«ВПОЛНЕ РУТИННАЯ РАБОТА»

Чем же занималась в Дрездене советская разведгруппа?

Сам Путин о том периоде своей жизни, как и вообще о работе в КГБ, говорил довольно мало. Отвечая на вопрос журналистов, в чем же все-таки заключалась его работа в ГДР, Путин ответил: «Обычная разведдеятель-ность: вербовка источников информации, получение информации, обработка ее и отправка в центр. Речь шла об информации о политических партиях, тенденциях внутри этих партий, о лидерах— сегодняшних и возможно завтрашних, о продвижении людей на определенные посты в партиях и государственном аппарате. Важно было знать, кто, как и что делает, что творится в МИДе интересующей нас страны, как она выстраивает свою политику по разным вопросам в разных частях света. Или — какова будет позиция наших партнеров по переговорам по разоружению, например. Конечно, чтобы получить такую информацию, нужны источники. Поэтому параллельно шла работа по вербовке источников и добыче информации, а также по ее обработке и анализу. Вполне рутинная работа».

Однако другие люди оценивали эту работу по-другому. Ведь ГДР в то время представляла собой рубеж двух мировых систем, которые находились в постоянном жестоком противоборстве. Рядом, в Западном Берлине, были представлены разведки всех ведущих стран, поэтому возможности для разведывательной и агентурной работы по Западу там были очень большими, мало где можно было работать так хорошо и успешно, как здесь, а в профессиональном плане прибрести неоценимый опыт. Так что Восточная Германия была блестящей школой для офицеров разведки.

По словам Л.Л.Матвеева, «…Германская Демократическая Республика являлась очень удобной базой для нашей работы. Ведь не случайно разведка ГДР в то время была одной из сильнейших спецслужб мира, что признано всеми ведущими, в том числе и западными, разведками. Но немцы работали со своей территории. А мы — с их, но только используя уже наши возможности…Вся наша деятельность была направлена на Запад. Мы работали с теми, кто приезжал в Германию, и зачастую направляли агентов не только в капиталистические, но и в развивающиеся страны. Тот же Владимир Владимирович имел своих людей не только в Европе, но и в других регионах мира. Должен прямо сказать, что выходы Путина на ряд стран были очень хорошими…»

Правда, наверно, работа была более перспективной в Берлине, чем в Дрездене, и полковник Кульков, бывший начальник факультета Краснознаменного института, где учился Путин, который потом стал руководителем Берлинской разведгруппы, очень хотел взять его к себе вместе с несколькими другими выпускниками института. Однако распределение уже состоялось, и перетащить Путина в Берлин ему не удалось.

Но Владимир Путин тогда ничего этого не знал и спокойно начал работать в Дрездене. Свою «рутинную» работу он исполнял хорошо. Не случайно он за четыре года продвинулся на три ступеньки служебной лестницы, подобное мало кому удавалось. Он умел общаться не только с начальством, но и со своими агентами и резидентами. Как пишет Усольцев, которому во время отпуска Путина пришлось иметь дело с его внештатными сотрудниками, те отзывались о своем патроне с неподдельным восхищением. Он, по их словам, умел быть веселым свойским парнем, и в то же время — исключительно сосредоточенным на деле. Он толково ставил задачи, но всегда прислушивался к их советам. Важно было для них и отсутствие языкового барьера.

Но большую часть времени сотрудников разведгруппы занимала не оперативная, а бумажная работа, составление постоянных отчетов и других документов.

Путин даже располнел от малой физической нагрузки и постоянного потребления германского пива. Спорт, который он так любил, теперь пришлось забыть, в Дрездене для занятий им не было условий. Зато там, в Дрездене, семейство Путиных пополнилось еще на одного члена — во второй половине 1986 года у них родилась еще одна дочь, которую назвали Катей, в честь второй бабушки — мамы Людмилы.

НО МАША БЫЛА СЧАСТЛИВА…

Перед поездкой Людмилу проверили. Начали проверку, когда Путин еще учился в Москве и когда было еще не известно, куда именно его могут направить. Поэтому требования к членам семьи предъявлялись максимально жесткие. Надо было, например, чтобы жена по состоянию здоровья могла жить и работать в условиях жаркого и влажного климата. Иначе ведь, действительно, получается полная бессмысленность: пять лет человека готовили, учили, и вот наконец надо ехать за границу на работу, на боевой участок, а жена по состоянию здоровья не может. Так что Людмилу проверили по полной программе. Ей об этом, конечно, ничего не сказали. Только после всего уже вызвали в отдел кадров университета и сообщили, что она прошла спецпроверку.

В Дрезден Людмила с крошечной Машей приехала в октябре 1985 года. Счастливый молодой супруг и отец встречал их накрытым столом с цветами и фруктами. Особенно порадовали Людмилу бананы, которые она очень любила, а в Союзе они на прилавках появлялись редко, у нас зимой из южных фруктов торговали в основном яблоками, мандаринами и апельсинами из наших южных республик и Марокко. Понравилась ей и двухкомнатная квартира с прихожей и чуланом на третьем этаже сборнощитового дома № 101, расположенного на Радебергерштрассе, первая отдельная квартира в их семейной жизни — в Ленинграде ведь они жили вместе с родителями Владимира, рассчитывать на свою пока не приходилось.

Супруг к приезду семьи подкопил денег, сразу вручив жене приличную сумму, рассчитывая, что она приобретет себе какие-то обновки. Но она все их пустила на обустройство, тут же накупив всевозможной кухонной утвари и других необходимых в хозяйстве вещей. А одежду Людмила в то время предпочитала шить сама, по привычке советских женщин, многие из которых тогда и шили, и вязали, создавая для себя эксклюзивные модные наряды, какие в то время было невозможно приобрести в магазинах. Позже Людмила поняла, что в Германии красивые и качественные вещи все-таки лучше покупать в магазинах, а не тратить на них свое время и силы.

Дом, в котором они поселились, был большой, двенадцать подъездов. Он стоял на опушке леса. Во дворе — песочница, где играла маленькая Маша, а мама, которая уже ждала второго ребенка, сидела рядом на скамейке.

Рядом был красивый парк, где она также часто гуляла с

малышкой. Людмила здесь сразу почувствовала себя как дома, многое тут ей напоминало родной Калининград, тоже в прошлом немецкий город, особенно специфический запах брикетного угля, которым здесь, как и в Калининграде, отапливались дома.

Когда они приехали в Германию, Людмиле еще оставалось защитить диплом. Четыре месяца она его писала, потом вместе с дочкой возвратилась в Ленинград, защитилась, затем приехал в отпуск муж, и после отпуска они все вместе возвратились в ГДР. В это время она, как уже сказано, была беременна вторым ребенком, причем была уже на седьмом месяце. И ни разу еще не посещала врача — никак не могла найти для этого времени. В результате у нее оказался очень низкий гемоглобин. Конечно, врач ее отругал от души. Но ничего другого и быть не могло, слишком большая нагрузка лежала на ней тогда — и диплом, и все домашние дела, и маленький ребенок в придачу. Людмила вспоминала, какие круглые глаза делались у соседей, когда они видели, как она с маленькой Машей на одной руке и с сумкой с продуктами в другой поднималась по лестнице к себе на шестой этаж — лифта в доме не было. И так не однажды за день. Конечно, такое отношение к жене мужа не украшает, но это все же не избиения, о которых будто бы рассказывала бывшая шпионка.

К тому же он весь день был на службе, иногда ему приходилось работать и по вечерам, и в выходные. Правда, справедливости ради, надо признать, Владимир Владимирович всегда считал, что дом — это дело женщины, с которым она в любом случае должна справляться сама. Конечно, она могла его попросить помочь в чем-то, но… Жена знала его взгляды и не особенно старалась привлекать к хозяйственным делам. Она действительно все умела делать сама и привыкла со всем справляться. Может быть, и напрасно, но так уж сложилось в их семье: муж — добытчик и защитник, жена — хранительница очага.

Словом, Людмилу тогда положили в больницу, оставив Машу с папой, которому впервые в жизни пришлось оказаться в роли домохозяйки и понять, насколько она нелегка. Когда через несколько дней папа с дочкой пришли навестить маму, та увидела, что малышка, которой было в то время год и два месяца, немножко похудела, одета в какие-то старые ползунки и маечку, давно вышедшие из употребления и ставшие ей малы, но при том абсолютно довольна и счастлива. Видимо, папа позволял ей все, что мама не разрешала. Однако сам папа находился в некотором шоке от всего, что на него свалилось, а мама в ужасе думала о том, что ее ожидает после выхода из больницы. Конечно, ее

ожидания оправдались, дома в самом деле был кошмар. Но все же с главным любящий папа справился — дочка была здорова и в прекрасном настроении.

А ЯЗЫК НАДО УЧИТЬ

Приехав в Германию, Людмила очень быстро поняла — надо учить немецкий язык. Иначе жить в стране и не знать языка, на котором говорят все вокруг тебя, будет весьма неуютно. Муж был не против, он никогда не был против, если речь шла об учебе, о любых новых знаниях, на этом в их семье никогда не экономили. Впрочем, денег хватало, даже тогда, когда появилась Катя. Не роскошествовали, конечно, но и ущемлять себя не приходилось. Что касается языка, то все началось с мультиков о мишках Гамми, которые мама смотрела вместе с дочкой и не могла понять, о чем там идет речь. Кстати, телевизор и видеомагнитофон они купили в первую очередь.

Поэтому Людмила договорилась с немкой, которая преподавала студентам русский язык, и стала заниматься с ней по три часа еженедельно. Занятия проходили на дому, где обстановка была непринужденной, удобной для обеих. Они занимались языком, делали упражнения, пили чай, стараясь разговаривать только на немецком. Система оказалась результативной, и Людмила вскоре заговорила на чужом языке. Стимулировало занятия и общение с соседями-немцами. Кстати, она была чуть ли не единственной среди жен советских офицеров, которые считали необходимым изучать немецкий язык. Подавляющему большинству их хватало общения друг с другом.

Людмиле же, кроме всего прочего, изучение языка давало ощущение хоть какой-то деятельности, без которой ей, привыкшей быть все время занятой, было трудно. Работать же женам сотрудников не то что не разрешалось, но не приветствовалось. Существовала такая негласная установка — жена должна сидеть дома и создавать мужу условия для его плодотворной работы. Некоторые, правда, эту установку нарушали. Хотелось работать и Людмиле, тем более что Володя нашел ей место с испанским языком, который страшно жалко было терять, только-только окончив университет. А это, конечно же, произошло, когда вернулись в Ленинград, язык был почти забыт.

Однако, по здравом размышлении, она все же решила остаться дома. Дело было не только в том, что не хотелось мешать работе мужа и портить ему отношения с начальством, главное — дети, двое маленьких девчушек, которых надо было растить, развивать, воспитывать, с которыми нужно было заниматься. Да и домашние дела требовали и труда, и времени. Но когда Кате исполнилось полтора годика и она так же, как и

Маша, пошла в ясли, Людмила все же нашла себе работу, правда, сезонную. Дело в том, что в ГДР оказалось сложно купить ягоды — клубнику, черешню, смородину, которыми так хотелось покормить детей. Поэтому почти все русские женщины во время сезона ездили на сбор урожая в сады, их вокруг Дрездена было великое множество. Обычно жены армейских офицеров, составлявшие костяк таких бригад, ездили собирать черешню и смородину, а Людмила решила поехать в специализированное хозяйство собирать персики. В результате она оказалась одна русская среди ребят-студентов. Общаясь с ними, она усовершенствовала свой немецкий. А работник хозяйства, которого она, не зная его должности, называла про себя «хранителем сада», проникся к красивой русской женщине необыкновенной симпатией и не только рассказывал ей о том, как надо ухаживать за персиками, но и угощал ее плодами необыкновенного вкуса, выбирая лучшие на дереве. Таких она не пробовала ни до, ни после. А вечером она везла домой честно заработанную корзину прекрасных солнечных фруктов.

МУЖ СЛУЖИЛ, ЖЕНА ЗАНИМАЛАСЬ ДЕТЬМИ…

Катя родилась 31 августа 1986 года в Дрездене. Роды проходили в немецком госпитале при медицинской академии. Маша второй раз в своей жизни оставалась с папой, который был уже гораздо опытнее и даже научился правильно варить ей кашу (Людмила еще в первый раз оставила ему подробные записи, как надо кормить дочку и готовить ей еду), так что в этот раз ему было легче.

Труднее стало Маше, когда появилась Катя — она ее ревновала к родителям! Трудно себе представить, что ребенок, которому нет еще и полутора лет, способен испытывать это чувство, но было именно так. Видимо, повлияло и то, что на следующий день, после того, как Людмила с Катей возвратились из роддома, Машу отдали в ясли. Перемену своей жизни она перенесла очень тяжело. Две недели она приходила домой из яслей, ложилась ничком на пол и лежала.

Конечно, если бы у родителей было больше опыта и они могли бы себе представить, что такое может случиться, наверно, отдали бы ее в ясли не сразу, а немного погодя, когда бы она уже привыкла к существованию сестренки. Но случилось так, как случилось, и Людмиле пришлось потратить массу сил, чтобы вернуть старшей дочке душевное равновесие и уверенность в том, что родители любят ее по-прежнему. Нет, Маша не плакала, она просто не подпускала маму к Кате. Когда Людмила забирала ее в три часа из яселек и приводила домой, Маша постоянно требовала ее внимания. Стоило маме попытаться подойти к плачущей малышке, как Маша начинала бегать вокруг нее. Она никак не желала, чтобы ее мама занималась Катей, причем делала это не откровенно, словно понимая, что делать так нехорошо. Например, могла спрятаться в шкаф, чтобы мама искала ее. И мама искала, приговаривая: «Где же наша Машенька? Как же мы теперь без нашей Машеньки будем жить?» Дверца шкафа тут же распахивалась, и радостная Маша летела к маме…

Машу отдали в немецкие ясли, и она привыкала к ним около месяца. Потом в те же ясли пошла и Катя, ей было проще, ведь там уже была ее сестра, и Катя отправилась в ясли как к себе домой. Но то, что у нее есть старшая сестра, совершенно не исключало борьбу за лидерство. Они боролись за него до той поры, пока Катя не пошла в тот же немецкий садик, куда уже ходила Маша. Там почему-то младшие дети быстро понимали,

что старшие — это авторитет, их надо слушаться. А старшие начинали заботиться о младших и опекать их. Конечно, младшие и старшие дети были в разных возрастных группах, но гуляли все вместе. Вот тогда Катя и признала старшую сестру лидером.

В ясли дочек по утрам отводил папа, они находились в здании по соседству с тем, в котором он работал, так что он мог во время работы полюбоваться на своих маленьких красавиц.

Поначалу Путины жили на шестом этаже, потом, когда освободилась квартира на втором, переехали туда — все же нелегко с двумя маленькими детьми по нескольку раз в день подниматься на шестой этаж без лифта. «Пять квартир занимала наша группа, — рассказывала потом Людмила. — Только Володин шеф с женой жили в другом доме. А рядом в подъезде еще четыре квартиры, где жили военные разведчики. Все остальные — немцы, сотрудники госбезопасности ГДР.

Наша группа работала в отдельном здании, в огороженном немецком особняке. То ли трехэтажный, то ли четырехэтажный… Не помню. Но от дома до этого особняка было минут пять ходьбы. Из окон своего кабинета Володя видел маленькую Катю в яслях. Утром он заводил Машу в детский садик — это прямо под окнами нашей квартиры, а потом Катю в ясли.

Обедать он всегда приходил домой. Да и все ребята дома обедали. Иногда вечерами собирались у нас, приходили друзья по работе, бывали и немцы. Мы дружили с несколькими семьями. Бывало весело — разговоры в основном ни о чем, шутки, анекдоты. Володя хорошо рассказывает анекдоты. А в выходные мы уезжали за город. У нас была служебная машина — «Жигули». Это в ГДР считалось вполне приличным уровнем. Ну, по сравнению с местным «Трабантом», во всяком случае. У них, кстати, тоже в то время машину достать было непросто, как и у нас. Так вот, в выходные мы куда-то обязательно выезжали всей семьей. Там очень много красивых мест вокруг Дрездена — например, так называемая Саксонская Швейцария. Минут 20–30 ехать от города. Гуляли, сосиски какие-то ели с пивом. И домой».

Так, спокойно, размеренно, неспешно, текла жизнь в Германии.

Муж успешно служил, жена занималась детьми и хозяйством. По утрам мужа непременно должен был ждать горячий завтрак, так как горячий завтрак, обед и ужин являлись негласной нормой, за соблюдением которой следила жена руководителя. Наверно, в том была сермяжная правда, возможно, того требовали интересы службы… В самом деле, много ли можно требовать от человека, который голоден или у которого болит желудок? К тому же супруга Лазаря Лазаревича была образцовой женой

военного, она великолепно готовила и содержала дом в идеальном порядке, щедро делясь своими кулинарными и бытовыми секретами с молодыми женщинами. И Людмила прилежно перенимала рецепты, ездила за хорошим мясом в открытые ею места и старательно совершенствовалась в готовке. Но… муж ее был из тех, кто считает, что хвалить жену — только портить. Поэтому высшей похвалой, которую она слышала, могло быть лишь скупое «неплохо».

Зато Людмила подружилась с соседкой-немкой и вместе с ней стала ездить по немецким магазинам. В то время в ГДР было довольно много маленьких частных магазинчиков, особенно булочных, кондитерских, мясных лавочек, куда ходить было особенно приятно и интересно, так как там покупка чего-либо неизменно превращалась в целый ритуал общения продавца с покупателем. Вскоре, в достаточной мере овладев языком, она уже самостоятельно могла ходить по магазинам, и не только по магазинам, с интересом знакомясь со страной, людьми и их обычаями.

Детей из яслей и садика тем мамам, которые не работали, было принято забирать в три часа. В семь Владимир Владимирович приходил домой, неспешно ужинал за телевизором, потом занимался с дочками. Дочек он очень любил, интересовался их жизнью и всегда старался уделять им как можно больше времени. Как считает Людмила, несмотря на то, что их воспитанием и развитием занималась в основном она, отец оказал огромное влияние на формирование их характера.

КРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ

Владимир Путин был в ГДР, пожалуй, в самый интересный период ее истории: он приехал в страну, когда республика еще существовала, и он видел, как она ушла в небытие. Без сомнения, это был поучительный опыт для будущего политического деятеля.

«Поворот в судьбе ГДР наступил где-то в конце лета 1989 года, — писал известный советский дипломат Юлий Квицинский. — Визит М.С. Горбачева в ФРГ в июне того года был впечатляющим по приему, оказанному нашему высшему представителю, по количеству подписанных документов, по той атмосфере, которая царила на переговорах. Ничего подобного в других странах Запада еще не было…

Берусь утверждать, что именно тем летом 1989 года жизненный нерв ГДР то ли лопнул, то ли был перерезан. Во всяком случае, в Бонне после визита был сделан вывод о возможности резко нарастить давление на режим Э. Хоннекера…»

«У меня тогда возникло ощущение, что страны больше нет. Стало ясно, что Союз болен. И это смертельная, неизлечимая болезнь под названием паралич. Паралич власти». Эти слова Владимира Путина относятся к осени 1989 года, когда рушилась ГДР и когда подразделения советских спецслужб, находящиеся там, были брошены московским начальством на произвол судьбы. КГБ СССР просто не давал никаких указаний, в которых так нуждались его сотрудники, находящиеся в ГДР.

Для Путина произошедшие события не стали неожиданностью, хотя он и не думал, что все начнет разваливаться столь стремительно. Он ведь занимался политической разведкой, поэтому знал гораздо больше, чем многие другие, к тому же умел анализировать ситуацию. И давно пришел к выводу, что крах мировой социалистической системы, во всяком случае в том виде, в каком она находилась к концу 90-х годов, неизбежен. И надо сказать, что даже в системе КГБ он был совсем не одинок в подобных взглядах.

К тому же разведка всегда была самой фрондирующей структурой в КГБ. Ведь ее сотрудники годами жили за границей, и это не могло не влиять на их мироощущение. Домой возвращались ненадолго, в перерывах между назначениями, и в жизнь страны за это время часто просто не успевали вжиться. Зато начинали сравнивать с «той действительностью», и сравнение нередко выходило не в нашу пользу…

«Один из моих друзей работал в Афганистане старшим группы по линии безопасности, — рассказывал Владимир Путин

журналистам в одном из своих интервью. — Когда он оттуда вернулся, мы, естественно, о многом с ним говорили… И я спросил, как он оценивает результаты своей работы в Афганистане. А дело в том, что при нанесении ракетно-бомбовых ударов, как теперь говорят, нужна была его подпись. То есть без его подписи решения о бомбардировке не принимались. Его ответ был для меня шокирующим. Он так внимательно посмотрел на меня и сказал: «Ты знаешь, я свои результаты оцениваю по количеству документов, которые я не подписал». Это, конечно, подействовало на меня как удар. После таких разговоров задумываешься, что-то переосмысливаешь.

Ведь это говорили люди, которых мы уважали, авторитеты в хорошем смысле слова. И вдруг их мнение шло вразрез с общепринятыми, устоявшимися шаблонами.

В разведке тогда позволяли себе мыслить иначе, говорить такое, что мало кто мог себе позволить».

В другой раз он рассказывал о своих впечатлениях после приезда в ГДР, о том, что уже тогда это государство показалось ему нежизнеспособным. Вот только предположить, что все случится так быстро, он не мог. Но тревога в душе жила, особенно за судьбы тех людей, с которыми был связан общим делом, которые работали на ведомство. Интересно, думал ли тогда Владимир Путин, что опасность коснется и его самого? Но это случилось.

«МОСКВА МОЛЧИТ…»

Вечером в декабре 1989 года толпа возбужденных немцев подошла к зданию, в котором в Дрездене располагалась советская разведгруппа. Перед этим толпа только что разгромила окружное управление МГБ и забрала оттуда оружие. В чьих руках оно оказалось? Насколько эти люди умеют им владеть, насколько они уравновешенны? Ведь они могли быть просто пьяными или провокаторами, которые начнут стрелять с определенной целью…

В тот вечер начальник разведгруппы уехал за город, и найти его не смогли. Кстати, это был уже другой человек, у Лазаря Лазаревича закончился срок службы, и он уехал из Дрездена. В отсутствие начальника старшим на объекте оставался Владимир Путин. Он позвонил в штаб советской танковой армии, который тоже находился в Дрездене, и, рассказав о событиях, происходящих вокруг здания разведгруппы, попросил у командующего прислать солдат для охраны, чтобы предупредить возможные столкновения с возбужденной толпой.

«И вдруг, — рассказывал Путин, — услышал неожиданный ответ:

— Этого сделать не можем, потому что нет команды из Москвы. Сейчас все выясню и позвоню, — заключил командующий.

Чрез некоторое время, так и не дождавшись от него ответа, я позвонил командующему еще раз:

— Ну как?

И получаю совершенно ошеломляющий ответ:

— Москву запросил, но Москва молчит.

Дело уже шло к ночи.

— И что же делать будем? — спрашиваю.

— Пока ничем помочь не могу, — отвечает командующий.

И здесь я со всей отчетливостью осознал, что мы брошены и никто не принимает решения».

Позже, анализируя произошедшее, Путин скажет, что эти слова «Москва молчит…» произвели на него тогда ощущение сильнейшего удара.

Что ж, в такой ситуации, как ему казалось, оставалось одно— принять ответственность на себя. Путин поднял по тревоге группу пограничников, которая охраняла объект. Они, как и положено в подобных случаях, разобрали оружие, боеприпасы, открыли окна и выставили в них стволы автоматов.

А он пошел разговаривать с толпой. Надо сказать, что выбор был не прост. Ведь можно было, забаррикадировавшись и заняв

круговую оборону, не вступая ни в какие переговоры, действовать по инструкции. Тогда, судя по настроению толпы, она, скорее всего, пошла бы на штурм здания, а пограничники были бы вынуждены стрелять. И были бы правы, поскольку действовали строго в соответствии с официальными установками на такой случай и не имели права допускать посторонних на объект, где находились секретные документы. Если бы они попали в чужие руки, офицер, ответственный за них, то єсть Владимир Путин, был бы немедленно отдан под суд военного трибунала.

Кроме того, многие документы касались конкретных человеческих судеб, агентурной сети, людей, которые сотрудничали со службой безопасности. Иначе говоря, документы не должны были попасть в руки толпы ни при каких обстоятельствах. Когда людям, окружившим здание, стало понятно, что пограничники настроены серьезно, напряжение еще более усилилось. Казалось, что толпа вот-вот хлынет внутрь, бросится на штурм здания. Значит, неминуемо будут жертвы…

Но семья Путиных жила в Германии уже почти пять лет. Здесь родилась Катя, здесь обе девочки начали говорить, мешая русские слова с немецкими. Здесь у Путиных появилось много друзей. Страна давно перестала быть им чужой. Они ее полюбили.

И потому Владимир Путин пошел на переговоры, хотя это не было прописано ни в одной инструкции. Так что подобная инициатива, закончись она неудачей, могла бы обернуться для него весьма печальными последствиями. Кстати, сослуживцы, которые были с ним в здании, отговаривали его от такого шага. «Во-первых, тебя ведь могут убить, — говорили они. — Во-вторых, что нам делать, если тебя захватят в заложники?» Но он все же решился.

«Когда я подошел к толпе, меня начали спрашивать, кто я и что это за здание, — рассказывал он.

— Советский военный объект, — ответил я.

— Почему у вас машины с немецкими номерами?

— По соответствующему договору.

— А вы кто такой?

— Переводчик.

— Переводчики так хорошо по-немецки не говорят.

— Я еще раз повторяю, что у нас соответствующий межгосударственный договор, и я вас прошу вести себя прилично, не переходить границ. У нас есть определенные правила поведения, и еще раз повторяю — это не имеет ничего общего ни с МГБ, ни с армией ГДР. Это советский военный объект, который является экстерриториальным.

А потом мы с вооруженным солдатом, которому я тихо отдал

приказ демонстративно перезарядить автомат, повернулись и медленно пошли в здание.

Но люди не расходились еще достаточно долго. Впрочем, попытку штурмовать здание они тоже оставили. И это было самым главным в тот момент».

К счастью, командующий армией тоже решился принять самостоятельное решение, не дожидаясь приказа из Москвы, и прислал на помощь разведгруппе две машины с десантниками, вооруженными автоматами. Солдаты на грузовиках заехали на территорию, выскочили из машин и оцепили здание по периметру. После этого толпа разошлась, рассеявшись в ночи, словно ее и не было.

«ПРОСТО БРОСИЛИ ВСЕ И УШЛИ»

Ну а потом пришлось уничтожить все, что было наработано годами силами не одного поколения разведчиков: все связи, контакты, все агентурные сети. Путину самому пришлось сжечь огромное количество материалов. Жгли столько, что печка лопнула.

Все наиболее ценное постарались вывезти в Москву. Но оперативного значения и интереса эти документы уже не представляли — все контакты были прерваны, работа с источниками информации прекращена по соображениям безопасности, материалы уничтожены или сданы в архив.

При этом Владимир Путин не раз подчеркивал, что он (надо думать, как и разведгруппа в целом) не работал против интересов ГДР. Как уже было сказано, Советский Союз лишь использовал ГДР в качестве территории, с которой было удобно вести разведывательную и агентурную работу по Западу, точно такую же, какую те вели по СССР и странам соцлагеря. Если бы это было иначе, то после ГДР Путин не въехал бы ни в одну страну Западной Европы. Во всяком случае, в то время, когда он еще не достиг каких-либо политических высот. А он выезжал много раз, в том числе и в Германию. Мало того, у него даже какое-то время сохранялась переписка с некоторыми бывшими коллегами по МГБ, которых в то время преследовали по политическим мотивам.

Это была реакция общества на ту систему, символом которой люди считали МГБ. В МГБ видели монстра. Но эта служба тоже была частью общества и болела всеми теми же болезнями. Там, как и везде, работали очень разные люди, в том числе и вполне порядочные. Многие из них искренне верили в коммунистические идеалы. Со многими сотрудники советской разведгруппы находились в дружеских отношениях.

«Действительно, трудно было себе представить, что в ГДР могут начаться такие резкие изменения… Более того, когда они начались, мы не отдавали себе отчет, чем это может закончиться», — сказал потом Владимир Путин.

Странно вообще-то. Как-то непростительно для КГБ. Тем более что в Советском Союзе шли те же процессы, причем именно в СССР они и были запущены. Мало того, многие, как на Западе, так и у нас, считают: были запущены не без помощи КГБ. А потом, видимо, в какой-то момент вышли из-под контроля и обрушились на тех, с чьей помощью появились на свет. Если, конечно, домыслы о роли спецслужб, которые, начиная с Андропова, мечтали реформировать общество, имеют под собой основание.

Впрочем, даже если так, то участие в этих процессах Владимира Путина вряд ли велико, не в тех чинах был он тогда. Он был лишь свидетелем перемен, в частности, того, как рухнула знаменитая Берлинская стена.

«На самом деле я понимал, что это неизбежно. Если честно, то мне было только жаль утраченных позиций Советского Союза в Европе, хотя умом я понимал, что позиция, которая основана на стенах и водоразделах, не может существовать вечно. Но хотелось бы, чтобы на смену пришло нечто иное. А ничего другого не было предложено. И вот это обидно. Просто бросили все и ушли».

«Я ВИДЕЛА, ЧТО ТВОРИЛОСЬ С СОСЕДЯМИ…»

У Людмилы от того времени впечатления остались не менее сильные, но более житейские, которыми она не раз делилась с журналистами.

«…Мы приехали в Дрезден в 1986 году. К тому времени я уже окончила университет. Маше был год. Ждали второго ребенка. Катя родилась в Дрездене…

Меня перед поездкой специально никак не инструктировали. Прошла медкомиссию — и все. Наши ведь в ГДР работали вполне легально. Жили мы в доме германской госбезопасности — «Штази». Соседи знали, где мы работаем, а мы знали, где работают они. Но вот интересно. Мы приехали, когда в СССР уже началась перестройка. А они все еще серьезно верили в светлое будущее коммунизма…

О делах дома не говорили. Думаю, накладывал отпечаток характер работы мужа. В КГБ всегда была установка: с женой не делиться. Бывали, говорят, случаи, когда излишняя откровенность приводила к плачевным последствиям. Всегда исходили из того, что чем меньше жена знает, тем крепче спит. Я довольно много общалась с немцами, и если какое-то знакомство было нежелательным, Володя мне об этом говорил.

…У немцев был очень упорядочен быт, да и уровень жизни выше, чем у нас. Думаю, что и получали сотрудники МГБ больше, чем наши ребята. Я могла судить об этом по тому, как жили наши немецкие соседи. Мы, конечно, пытались экономить, копили на машину. Потом, когда вернулись, купили «Волгу». Часть зарплаты там нам платили в немецких марках, часть в долларах. Но мы особенно и не тратили деньги, разве что на еду. Мы же ни за что не платили — жили в казенной квартире с казенной посудой. В общем, жили на чемоданах и мечтали вернуться домой. Очень хотелось домой! Правда, мы хорошо чувствовали себя в ГДР. Четыре года прошло, а за эти четыре года страна и город, в котором живешь, становятся почти твоими. И когда рушилась Берлинская стена и стало уже понятно, что это конец, было такое ужасное чувство, что страны, которая стала тебе почти родной, больше не будет.

Я видела, что творилось с соседями по дому, когда в ГДР начались все эти революционные события. Моя соседка, с которой я дружила, неделю плакала. Она плакала именно по утраченной идее, по крушению того, во что они всю жизнь верили. Для них

это стало крушением всего — жизни, карьеры. Они же все остались без работы, был запрет на профессию. У Кати в садике была воспитательница, по призванию воспитательница. После падения Стены она уже не имела права работать в садике и воспитывать детей. Они же все были сотрудниками МГБ. Она пережила психологический кризис, потом все-таки как-то справилась, пошла работать в дом для престарелых.

Еще одна знакомая немка из ГДР устроилась в западную фирму. Она работала там уже довольно долго и вполне успешно, когда вдруг ее шеф в пылу какой-то дискуссии сказал, что все бывшие гэдээровцы тупые, необразованные и неспособные— в общем, люди второго сорта. Она все это выслушала и говорит: «А вот я из ГДР. Вы считаете меня тоже ни на что не способной?» Шеф замолчал, не нашелся, что ответить, а претензий к ней по работе у него никаких не было».

То, о чем рассказывает Людмила, подтверждают многие, работавшие в ГДР и знающие страну и людей. Говорят, что восточные немцы искренне верили в идею справедливого устройства общества, в котором нет бедных и богатых, все имеют право на достойную жизнь, бесплатное образование и медицину, верили в светлое коммунистическое будущее, и большинству из них нравилось социалистическое настоящее. Мало того, судя по опросам, проведенным уже в наше время, в 2010 году, через два десятилетия после краха соцсистемы, более 80 % восточных немцев тоскуют по социализму и прежним временам. Еще более удивительно, что «осей», как называют в Германии восточных немцев, вдруг массово поддержали те, кто всю жизнь прожил в западногерманских землях. Почти 72 процента (!) граждан бывшей ФРГ признались, что стандарты немецкого социалистического государства их сейчас вполне устроили бы.

Удивительный, конечно, поворот массового сознания западного обывателя. Однако он продиктован вполне конкретными обстоятельствами — ухудшением условий жизни и перспектив развития и очевидной неспособностью найти выход из сложившегося положения в рамках капиталистической системы. Тогда как социализм такой выход предлагает.

Но социализм был разрушен, причем разрушение началось там же, где когда-то и начиналось его построение. И многие, выросшие при нем, получившие, благодаря соцсистеме, образование, интересную работу, вполне достойную зарплату, жилье, от этого строя с энтузиазмом отказались. Был среди них и Владимир Путин.

Интересно, задумывался он тогда: бывает ли светлое капиталистическое будущее? Вот так, чтобы для всех, а не для

пяти — десяти процентов самых ловких и счастливых? Потому что нищие и бездомные ведь есть и в самых богатых капиталистических странах — тех, которые называются развитыми и цивилизованными. Попробуйте-ка ранним утром, как пришлось однажды автору этой книги, зайти, например, в лондонское метро. Я увидела в подземном переходе множество местных бомжей, лежащих там стройными рядами. Правда, лежали они почти все в спальниках, а не на газетах, как в Москве. Цивилизация все же. (Про живописных французских клошаров уже и говорить не приходится — их наверняка наблюдали все, кто хоть раз мог проехаться «по Европам».)

Или же Путин, как и многие его соратники и сторонники, считал тогда, что достойная жизнь для всех — это утопические мечты, которым человечество предавалось со времен Кампанеллы и которым никогда не суждено воплотиться в действительность? Иначе почему все эти радетели за демократию и свободу, начиная свою так называемую перестройку, предпочли социальной справедливости экономическую выгоду и целесообразность? И разве мы их получили? Справедливости ради надо сказать, что Путин в подготовке этих перемен в жизни страны не участвовал и участвовать не мог, работая в ГДР. Но вот в осуществлении участие принимал, и немалое.

ПИТЕР

НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ

Путины вернулись в Россию в начале 1990 года. Вернулись, на самом деле, в другую страну, хотя вначале этого даже не заметили: в магазинах были все те же дикие очереди, к которым теперь прибавились еще карточки, талоны, пустые прилавки.

«Мне первое время после возвращения, — вспоминала Людмила, — было даже страшно по магазинам ходить. Я не могла, как некоторые, искать, где подешевле, выстаивать очереди. Просто заскакивала в ближайший магазин, покупала самое необходимое — и домой. Впечатления были ужасные.

К тому же никаких особых денежных накоплений за годы работы в Германии у нас не было. Все деньги «съела» покупка автомобиля. Правда, наши соседи-немцы отдали нам свою старую стиральную машину, 20-лет-ней давности. Мы привезли ее с собой, и она еще лет пять нам служила…»

Возможно, по этой причине они на первых порах ощущали некоторое внутреннее раздвоение. Они вернулись домой, куда так стремились. Но, с другой стороны, жизнь страны во время перестройки оказалась столь непривлекательной, что возникло что-то вроде ностальгии по тому, что они утратили, — по той ГДР, где они прожили почти пять лет, где у них появилось много друзей, где был уже налаженный, устоявшийся быт. Однако ГДР уже не существовало, вместо нее появилась объединенная Германия, другая страна, к которой даже ее коренным жителям еще нужно было привыкнуть.

Хорошо, что хоть о жилье позаботились раньше. Как уже говорилось, вся семья Путиных была прописана в 27-метровой квартире на улице Стачек. Однако родителям, один из которых был ветераном и инвалидом Великой Отечественной, а другая — инвалидом первой группы, выделили однокомнатную квартиру в новом доме. Эти две квартиры Путины обменяли на одну хорошую трехкомнатную квартиру на Среднеохтинском проспекте, где и поселились вместе с родителями. Однако квартира была в ужасном состоянии и требовала очень серьезного ремонта. Но на ремонт первое время денег не было, зарплату Владимиру Путину задерживали. Правда, потом все выплатили.

Словом, Людмила оказалась с детьми и родителями мужа в совершенно неприспособленной к жизни квартире, заставленной коробками с вещами. Даже мебели не было — в Германии ее не купили, а тут покупать оказалось не на что. Так и жили первое время — как на вокзале.

Детей надо было устраивать в садик. Тут Людмиле повезло —

она нашла недалеко от дома хороший садик, и заведующая, войдя в их положение, приняла девочек. Теперь и она смогла устроиться на работу — в Ленинградский университет, на курсы повышения квалификации, где стала преподавать немецкий на кафедре иностранных языков. Одновременно пошла на курсы вождения и, спустя некоторое время, уже сама отвозила Машу, которая стала заниматься скрипкой, на занятия к учительнице музыки.

Тем не менее, несмотря на все трудности и некоторую бытовую неустроенность, с которыми ей, как всегда, пришлось бороться в одиночку, Людмиле все же в каком-то смысле было легче — главную ответственность за жизнь и благополучие семьи, тоже как всегда, нес муж.

А он тогда оказался на распутье — он решал, чем же заниматься дальше, продолжать ли службу в органах или выбрать другую стезю. По его собственным словам, он даже думал, не пойти ли в таксисты. Между тем ему, как он потом рассказывал журналистам, после возвращения из Германии предлагали работу в Москве, в центральном аппарате КГБ. Он даже советовался тогда об этом со своим бывшим начальником, и мудрый Лазарь Лазаревич посоветовал ему выбрать Питер, где жили родители и были друзья, где у Путиных была квартира, пусть и общая с родителями.

Дело в том, что с конца восьмидесятых годов заграничные аппараты советской внешней разведки волею тогдашнего руководства страны начали стремительно сокращаться, в то время как иностранные в СССР неуклонно увеличивались. Тысячи офицеров с семьями возвращались из Монголии, Вьетнама, Анголы, Мозамбика, стран бывшего соцлагеря… Должностей, рабочих мест, как и квартир, для возвращавшихся не было. Люди оказывались «за штатом», иначе говоря — безработными, без жилья и перспектив на будущее. Многие из них быстро поняли, что в такой ситуации надеяться можно только на себя, на друзей и близких. Стало быть, надо возвращаться туда, где они есть, — то есть в родные места, где есть хоть какая-то крыша над головой. Так что главную роль при выборе решения у Владимира Путина тогда сыграл квартирный вопрос. Однако была и другая причина.

«Я уже понимал, что будущего у этой системы нет, — скажет он потом, вспоминая об этом периоде. — У страны нет будущего. А сидеть внутри системы и ждать ее распада… Это очень тяжело».

В итоге он тогда решил остаться в Питере, стал работать в университете помощником ректора по международным связям. И, как всегда, с головой окунулся в работу, оставив жену на хозяйстве.

«Думаю, он настолько устал в Дрездене от размеренного и

устоявшегося режима в течение четырех с половиной лет, что в Питере его просто-напросто не бывало дома. И это выглядело так, словно муж из дома исчез, сбежал».

Разумеется, сбежать из дома он не мог — семья и дети значили для него очень много. Не случайно же в Германии он по вечерам всегда стремился именно к ним, в отличие от некоторых своих коллег, которые не прочь были посидеть где-нибудь после работы. Но в России, где произошли такие кардинальные изменения, не разобравшись в них, строить жизнь было невозможно. Как вспоминал бывший однокурсник Путина Леонид Поло-χοβ,τοτ, встретившись с ним, буквально набрасывался на него с вопросами о происходящем вокруг. Его интересовало буквально все. Впрочем, вскоре Полохов понял, что Путин уже и сам во всем разобрался, а его вопросы — лишь поиск дополнительной информации, желание проверить свои выводы и умозаключения. Тогда же Леонид Полохов заметил, что его однокурсник стал гораздо более открытым в общении, словно уже не имел никакого отношения к разведке.

В КОМАНДЕ СОБЧАКА

Да, ко времени встречи с Полоховым Путин уже работал в мэрии Санкт-Петербурга, сначала советником, а потом и заместителем А.А. Собчака. Попал он туда, по его словам, достаточно случайно, так как сначала решил было заняться научной деятельностью, даже начал писать диссертацию. Выбрал себе научного руководителя — Валерия Абрамовича Мусина, одного из лучших специалистов в области международного права. Выбрал тему по международному частному праву, начал составлять план работы. В университете он, естественно, восстановил связи с друзьями по юрфаку. Некоторые из них остались здесь же работать, защитились, стали преподавателями, профессорами. Один из них и попросил Путина помочь Собчаку, который к тому времени стал председателем Ленсовета, но собственной команды, во всяком случае по словам того человека, не имел, мало того, его просто якобы окружали какие-то жулики, от которых он не знал, как избавиться. Как же мог ему помочь Путин? По словам приятеля, надо было перейти из университета на работу к Собчаку в администрацию города.

Для Путина это предложение было неожиданным, но заманчивым. Он испытывал симпатию к демократам, но по-прежнему оставался сотрудником КГБ. А КГБ тогда шельмовали все кому не лень, особенно демократы, особенно такие рьяные, как Собчак. Однако от решительного шага Владимира Путина удерживала не обида за родное ведомство (очевидно, после всего, перенесенного в Германии, отношение к спецслужбам как оплоту государственности было скорректировано), а… боязнь скомпрометировать Собчака.

«Надо сказать, — говорил потом Путин, — что Собчак был в этот момент уже человеком известным и популярным. Я действительно с большим интересом смотрел за тем, что и как он делает, как он говорит. Не все, правда, мне нравилось, но уважение он у меня вызывал».

Между тем, хорошо известно, что Собчак ненавидел и боялся КГБ. Чтобы это понять, достаточно вспомнить то, что сказал Собчак о Викторе Черкесове, друге Путина, в то время возглавлявшем управление КГБ по Санкт-Петербургу: «Черкесов на службе у тех, кому принадлежит власть. Речь идет о людях, для которых слова «законность» и «демократия» просто лишены смысла. Для них существуют лишь приказы, а законы и права являются для них препятствиями».

Тем не менее Собчак тогда все же выбрал именно Путина и

сделал его своим заместителем, несмотря на протесты и возмущение своих оппонентов. Собчак поручил Путину руководить Комитетом по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга. Чем же объясняется его вдруг возникшее доверие к скромному офицеру запаса спецслужб? По словам авторов статьи в итальянской газете, «…без КГБ править невозможно. Без КГБ невозможно было бы контролировать аппетиты мафии и сдерживать любопытство прокуратуры. Без комитетского лобби невозможно было бы защититься от давления со стороны кремлевской семьи. Без КГБ невозможно было бы обеспечить приток финансовых средств, необходимых для того, чтобы не дать жителям Питера умереть от голода. КГБ Санкт-Петербурга контролировал абсолютно все: администрацию, криминальные структуры, экономику, политику и финансы». (Карло Бонини, Джузеппе д'Аван-цо. Годы Путина в Петербурге между мафией и КГБ // La Repubblica. 13.07.2001. Перевод Inopressa. Ru).

Возможно, КГБ в те годы еще действительно все контролировал. Но Путин-то был уже, по сути, вне органов. Хотя, конечно, связи остались. В общем, так или иначе, но Путин действительно стал очень близким человеком для Собчака, его доверенным лицом, которого он часто использовал для ведения различного рода переговоров, которого он часто оставлял вместо себя во время своего отсутствия. Путин даже получил тогда прозвище «серого кардинала» мэра — он не любил бывать на виду, но без его ведома в мэрии ничего не решалось, и все серьезные документы визировались сначала Путиным и лишь потом Собчаком. Такая практика помогала Собчаку избегать многих скандалов, так как возле него, по воспоминаниям очевидцев, всегда крутились авантюристы разного рода. Путин также консультировал Собчака по многочисленным «внешним» вопросам.

Годы работы Путина в Петербурге под руководством Собчака вызывают наибольшее количество обвинений в его адрес, очевидно, во многом в связи с личностью его руководителя. «Собчак был неоднозначной личностью. О Собчаке, прекрасно образованном и жизнелюбивом человеке, ни в России, ни в Европе вы не услышите двух одинаковых мнений. Некоторые называют его «первым истинным демократом, появившимся на политической сцене посткоммунистической России, «мэром возрождающегося Санкт-Петербурга». По мнению других, он — «паразит», «любитель роскоши», «торговец произведениями искусства», «вор» (там же).

Кроме того, те годы были годами становления российского бизнеса, первоначального накопления состояний и,

соответственно, наибольшей криминализации общества. Быть у воды, да не напиться — подобное кажется невозможным, нереальным и невыполнимым. Однако ни одного из обвинений, так или иначе компрометирующих Владимира Владимировича, пока еще никому доказать не удалось. Правда, что будет завтра, никто не знает.

Самому Владимиру Владимировичу, по свидетельствам очевидцев, смена деятельности, видимо, далась нелегко. Как вспоминал его давний друг Сергей Ролдугин, «…Володя сильно изменился, когда начал работать в мэрии. Мы стали редко видеться. Он очень занят был — уезжал из дома рано, приезжал ночью. И конечно, уставал. Даже когда мы шашлыки жарили на даче, он ходил вдоль забора, о чем-то думал. Он где-то был в другом месте.

Он с головой ушел в санкт-петербургские дела и как-то высох в смысле души, мне так показалось. Он прагматиком стал».

Увы, даром ничего не дается. Особенно дорого стоят власть и деньги. За обладание ими неизбежно приходится жертвовать какой-то частью души. А ведь Путин тогда стал фактически вторым человеком во втором крупнейшем городе России, причем снова — за короткий срок. В 1990 году он пришел к Собчаку советником, чуть ли не внештатным, в 1991-м стал одним из трех первых заместителей мэра города, в марте 1994-го был назначен первым заместителем мэра, сохраняя за собой к тому же и пост председателя Комитета по внешним связям.

Круг вопросов, которыми он занимался, был очень широк— от работы регистрационной палаты, управления по связям с общественностью до комиссии по борьбе с наркоманией и таможенного комитета. Так что, как считают многие, трудно сказать, кто кому в то время был больше нужен — Путин Собчаку или Собчак Путину. Ведь сладкоголосый демократ Собчак, импульсивный и темпераментный, обладающий к тому же неплохими актерскими данными, умеющий говорить яркие популистские речи, совсем не любил заниматься рутинной повседневной деятельностью по управлению хозяйственной жизнью города. А она требовала постоянного и самого пристального внимания.

Надо думать, кроме внимания, она требовала еще знаний и опыта, которого у Путина тогда тоже не было. Но у него была черта, которую отмечают многие, работавшие с ним рядом, — хорошая обучаемость, причем он старался не просто поверхностно ознакомиться с предметом или явлением, а узнать как можно глубже, вникнуть в его суть. Так, например, люди, наблюдавшие его работу в Комитете по внешнеэкономическим

связям, отмечают, что если вначале отсутствие у него опыта в этой сфере было очевидным, то в 1995–1996 годах он уже проводил переговоры как настоящий, зрелый дипломат и опытный руководитель.

ИНОГДА НУЖНО И ДВЕРЬЮ ХЛОПНУТЬ

Впрочем, некоторые особенности характера Владимира Владимировича, которые мы иногда можем увидеть сейчас, глядя на него на экранах телевизорах, проявлялись и тогда.

Один из подобных инцидентов произошел во время визита вице-президента США Альберта Гора, когда его встречали в аэропорту. Сотрудник генерального консульства США в Санкт-Петербурге грубо повел себя по отношению к кому-то из руководителей города. Тотчас после того последовало официальное заявление Владимира Путина, что администрация города этого человека принимать отказываемся.

Разрешать конфликт пришлось приезжать послу Соединенных Штатов Америки в России. В результате через некоторое время был отозван не только этот сотрудник, но и генеральный консул, а Путина весь дипломатический корпус очень сильно зауважал.

Второй такой политический международный скандал случился в Гамбурге в марте 1994 года. Президент Эстонии Леннарт Мери, который, кстати, был хорошо знаком с Путиным и с Собчаком, позволил себе грубые выпады в адрес России в публичном выступлении на семинаре Европейского союза. Путин находился в зале вместе с другими российскими дипломатами. После того как Мери в очередной раз грубо сказал про оккупантов, имея в виду Россию, Путин встал и демонстративно вышел из зала. Рассказывают, что это выглядело впечатляюще: заседали в Рыцарском зале с десятиметровыми потолками и мраморным полом, поэтому, когда он в полной тишине шел к выходу, каждый его шаг эхом отдавался под сводами. В довершение ко всему огромная кованая дверь захлопнулась за ним с оглушительным грохотом. Как Путин сам потом говорил, он вообще-то не стремился к такому чересчур громкому эффекту и даже пытался ее придержать, но не смог.

Тем не менее наш МИД потом одобрил этот поступок.

Все эти эпизоды рассказывали журналистам бывшие сослуживцы Путина. Приведем еще один, который тоже вносит свой штрих в портрет Владимира Владимировича.

«До 91-го года кабинеты в Смольном были четко поделены: в кабинетах больших начальников висели два портрета — Ленина и Кирова, а в кабинете чиновников рангом пониже — один Ленин. После того как их портреты сняли, остались только пустые крюки. И каждый выбирал, кого повесить у себя в кабинете вместо вождей революции. Все в основном выбирали портрет Ельцина. Путин заказал себе Петра Первого.

Ему принесли два портрета на выбор: один романтический портрет — молодой Петр, кудрявый, задорный, в латах времен «великого посольства»; второй, который Путин и выбрал, — гравированный, один из самых последних портретов Петра Первого. Портрет тех лет, когда, собственно, его реформы шли наиболее активно. Именно тогда, после завершения неудачного прусского похода и Северной войны, Петр заложил основы Российской империи.

Я думаю, Владимир Владимирович не случайно для своего кабинета этого Петра выбрал, редкого, мало кому известного. Петр на этой гравюре достаточно мрачный, озабоченный, я бы сказал».

«ДЕМОКРАТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ»

В те же годы, вероятно, произошло и окончательное формирование его либерально-демократических взглядов, хотя, как вы помните, даже работая в разведке, он, по словам Усольцева, дрезденского сослуживца Путина, не только критически относился к политике партии и Советского правительства, но и считал, что именно отсутствие рынка и конкуренции ведет к застою. Следовательно, нужно не просто наводить порядок, но изменять систему: перестать быть социалистической страной.

«Такой откровенности, — пишет Усольцев, — хватило бы с лихвой, чтобы в лучшем случае с треском вылететь из КГБ. Но мы друг другу полностью доверяли и могли быть вполне откровенными. Передо мной Володя раскрылся, судя по всему, полностью. Перед шефом он сохранял лицо убежденного коммуниста, понимая, что шеф «закаменел» в плену коммунистической догмы. Надо сказать, что Володя относился к шефу с большим уважением, как к честному и порядочному человеку, высказывая иногда за глаза сочувствие: пожилому человеку трудно перестроиться».

С Собчаком таких проблем, понятно, не возникало. Были они едины и во взглядах на события 1991 года.

В том памятном для страны августе 1991-го семья Путиных отправилась в отпуск в санаторий, который находился на Куршской косе в Калининградской области. Только приехали, только-только распаковали вещи, как услышали сообщение о путче. Владимир Путин тут же вылетел обратно в Ленинград. 20-го он был уже там и подал второй рапорт об отставке из органов. Первый подавал еще некоторое время назад, но тот где-то затерялся.

Позднее, объясняя мотивы своего поведения в тот момент, Путин говорил: «Почему я так поступил? Да потому что возникла опасность… что меня могут попытаться использовать в этой ситуации для решения каких-то внутриполитических вопросов, даже, скажем, — разбирательств. А вот с этим я никогда не был согласен! Я приходил служить Родине, стране, народу, приходил выполнять определенную задачу, но… не предполагал быть использованным для решения каких-то… конъюнктурных внутриполитических вопросов.

…И когда я понял, что меня могут поставить перед необходимостью выбора между моральными и формальными обязательствами, я просто заранее сделал превентивный шаг. Во-

первых, я сделал выбор в пользу моральных обязательств. Во-вторых, я предпринял превентивный шаг, полагая, что он напрочь должен исключить возникновение такой ситуации.

Но надо отдать должное моим бывшим руководителям: мои опасения в значительной степени были напрасными, и этого не случилось. Руководство повело себя очень порядочно».

Итак, в дни путча Путин вернулся в Ленинград. Как он потом рассказывал о тех днях, «…мыс Собчаком практически переселились в Ленсовет. Ну не мы вдвоем, там куча народу была все эти дни, и мы вместе со всеми.

Выезжать из здания Ленсовета в эти дни было опасно. Но мы предприняли довольно много активных действий: ездили на Кировский завод, выступали перед рабочими, ездили на другие предприятия, причем чувствовали себя при этом довольно неуютно. Мы даже раздали оружие кое-кому. Правда, я свое табельное оружие держал в сейфе.

Народ нас везде поддерживал. Было ясно, что если кто-то захочет переломить ситуацию, будет огромное количество жертв. Собственно говоря, и все. Путч закончился. Разогнали путчистов…

В принципе, задача у них была благородная, как они, наверное, считали, — удержание Советского Союза от развала. Но средства и методы, которые были избраны, только подталкивали к этому развалу. Я, когда увидел путчистов на экране, сразу понял — все, приехали».

Позже Путин еще не раз возвращался к тем событиям, анализируя их еще более взвешенно и рассказывая о впечатлениях и мотивах своего поведения в те дни.

«Когда начался путч, у меня было очень сложное чувство. Очень сложное! Во-первых, я не был согласен с тем, как развивались события. Многое, о чем тогда публично говорили люди, которые после этого стали первыми лицами у нас в городе, регионе, стране, мне казалось ошибочным. Их тезисы казались ошибочными.

Ведь я занимался и вопросами внешней политики, все-таки в разведке работал, и для меня было тогда абсолютно ясно, что наше одностороннее разоружение по всем направлениям ничем хорошим для нас не обернется. Наше братание с недавними геополитическими противниками хорошо в меру. Ате, кто в тот период этим братанием занимался, меры не знали. Это было для меня очевидным.

Но… было также очевидным и то, что прежняя система уже умерла. Ее просто нет! И если мы хотим сделать что-то хорошее для своей страны, то нужно быть в нарождающейся системе,

делать все в рамках своих возможностей для того, чтобы устранить имеющуюся бредятину и вывести этот процесс в какое-то позитивное русло».

Да, как говорится, «большое видится на расстоянье». По крайней мере, спустя лет десять-пятнадцать.

Но в то время настроение у него было гораздо более «революционным». О чем, в частности, свидетельствует инцидент с красным флагом.

Он произошел через несколько месяцев после путча, когда Дом политпросвещения, ранее принадлежащий коммунистам, был передан городу и в нем заработал международный бизнес-центр. Но с коммунистами поступили либерально — им оставили часть здания, практически целое крыло, в котором располагались комитеты КПРФ, РКРП и прочих коммунистических организаций. На крыше Дома имелся флагшток, которым коммунисты решили воспользоваться по назначению и вывесить красный флаг. Так что каждый раз, выезжая из Смольного, руководство города видело этот символ прежней власти, прежнего государства. Флаг был прекрасно виден и из окон кабинетов Собчака и Путина, что их обоих ужасно раздражало. В конце концов Путин решил флаг снять.

Дает команду — красный флаг снимают. Но на следующий день он снова появляется. Путин вновь дает команду — флаг снова снимают. Так и шла борьба с переменным успехом. У коммунистов стали заканчиваться флаги, и они стали вывешивать уже что-то совершенно непотребное, один из последних вариантов был даже не красный, а буровато-коричневый. Это Путина окончательно допекло. Он подогнал кран, и под его личным наблюдением флагшток был срезан автогеном.

Через десятилетие Владимир Путин возвратит красный флаг, правда, не государству, а только армии. Значит ли это, что его политические взгляды изменились? Вряд ли. Судя по той политике, которую он и его правительство проводит сегодня, это, скорее, дань памяти тому героическому прошлому, к которому был причастен его отец, но не политическая декларация. Как и его отец, который всю жизнь был убежденным коммунистом, Владимир Путин, похоже, своих взглядов не меняет, только вот от отцовских они отличаются кардинально. А жаль. Будь он более гибким политиком, он бы понял, что если ты лидер, то должен разделять и выражать взгляды народа. И только тогда ты лидер. А народ с 90-х годов «полевел». И в наше время ностальгию по социализму испытывают не только немецкие «осей».

АВАРИЯ

В то время, как Владимир Владимирович «разруливал» вопросы петербургской политики и городского хозяйства, семья его жила своей обычной жизнью. Девочки посещали сначала детский сад с немецким языком, потом «Петершуле», а Людмила Александровна заботилась об их воспитании и организации семейного быта. Ей тогда пришлось заняться разменом квартиры, чтобы отделиться от родителей. Жить вместе двум семьям оказалось сложно. А улучшить квартирный вопрос, используя свое служебное положение, Владимир Владимирович категорически отказался. (Все же сильно в нем сказывалось советское воспитание!) Менялись долго, тяжело. Наконец нашли подходящую двухкомнатную квартиру для молодой семьи на Васильевском острове. Правда, была она в ужасном состоянии и требовала большого ремонта, но это уже дело второе. Для родителей нашли однокомнатную, но на окраине города, она им не понравилась, меняли потом еще раз. В конце концов все устроилось, для стариков тоже нашли двухкомнатную и более удачно расположенную. Там они и прожили до смерти.

Тот период их жизни был достаточно напряженным, оба они много работали. Владимир Путин уходил на работу часов в девять, а возвращался к двенадцати. Людмила четыре раза в неделю преподавала в университете, возила детей на занятия скрипкой и балетом, до того, естественно, одну — в школу, другую — в садик. А еще надо было закупить продукты, выстояв безумные очереди, приготовить и накормить. Выходные, как правило, проводили на даче, куда непременно приезжали гости, не меньше десяти-двенадцати человек за день. Разумеется, большинство приезжало по делам, но кормить все равно приходилось всех. То, что муж был начальником, от очередей Людмилу не освобождало. Просить мужа, чтобы кто-то из знакомых помог с продуктами, ей и в голову не приходило, он бы ее не понял. Это, по ее словам, было само собой разумеющимся, о чем она даже не задумывалась. Единственное, чем пользовалась, — по дороге на работу заезжала в Смольный перекусить и заодно купить домой пироги, которые в столовой петербургской администрации были очень вкусными. Самое удивительное, что, несмотря на такую сверхплотную загрузку, Людмила еще записалась в бассейн и регулярно ходила плавать.

На презентации, фуршеты и прочие рауты, которые устраивало руководство города, она почти никогда не ходила. И туалетов не было соответствующих, да и не любила Людмила

подобные мероприятия, где надо было следить за каждым сказанным словом. Вот работа в университете ей очень нравилась, нравилось преподавать, несмотря на маленькую зарплату, которой едва хватало на бензин, да и то не на целый месяц.

Но… только вроде бы все наладилось, как случилось событие, которое словно перечеркнуло всю ее прошлую жизнь.

Дело в том, что Людмила к тому времени уже неплохо водила машину и, как и ее муж, полюбила быструю езду. И попала в аварию. Правда, судя по показаниям свидетелей, вины ее в том случае не было. В тот день утром папа повез Машу в школу, а Катя осталась дома — она простудилась и температурила. После приема лекарства температура спала, и Катя начала говорить маме, что у них в школе утренник, где она играет Золушку, поэтому непременно должна там быть. Мама сначала не соглашалась, потом сдалась. Выехали они впритык, так что ехали, как всегда, быстро.

«Я ехала на наших «Жигулях», как положено, на зеленый свет, — вспоминала спустя время Людмила. — На заднем сиденье спала Катя. И вдруг в боковую стойку на скорости примерно 80 километров в час врезается легковая машина. Я ее не видела даже. Ехала на зеленый и направо даже не смотрела. Да я бы этот автомобиль и не разглядела — он выскочил на красный из-за стоящей у светофора машины.

Счастье, что он въехал в эту стойку. Если бы он врезался в переднюю или в заднюю дверь, то кто-то из нас наверняка бы погиб.

На полчаса я потеряла сознание, потом очнулась, хотела ехать дальше, но поняла, что не могу. Было немного больно и дикая усталость…

Первая мысль была, конечно, о дочке. Я сразу спросила: «Что с ребенком? У меня ребенок сидел сзади». И кому-то из тех, кто стоял рядом, дала телефон помощника Володи Игоря Ивановича Сечина, чтобы он приехал и забрал Катю, потому что все это случилось буквально в трех минутах езды от Смольного. Одна женщина особенно переживала, она больше всех и помогла: и «Скорую» вызвала, и Сечину позвонила, и о ребенке позаботилась — она все время была рядом. Потом оставила свой телефон, а он потерялся где-то в машине. Так жалко. Мне с тех пор хочется ее поблагодарить. А телефон куда-то делся.

«Скорую» вызвали сразу, но приехала она только через 45 минут. Врачи на месте констатировали перелом позвоночника.

Отвезли в больницу. Больница оказалась совершенно жуткая. Там в основном народ умирал. В коридоре стояли тележки с

трупами. Это я на всю жизнь запомнила. Имени 25-летия Октября она называлась.

Я постеснялась сказать «Скорой», чтобы меня везли в Военно-медицинскую академию, к Юрию Леонидовичу Шевченко, вот меня и отвезли в эту дежурную больницу. Туда всегда людей с травмами отвозят. И если бы я там осталась, я благополучно умерла бы, потому что они, во-первых, не собирались делать мне операцию на позвоночнике. Не собирались, потому что, я думаю, не умели.

Во-вторых, они даже не заметили перелома основания черепа. Мне в лучшем случае грозил посттравматический менингит с летальным исходом».

Хорошо, что Путина оказалась Путиной. Обычному человеку, как можно судить по ее словам, в такой ситуации было бы не выжить. Однако Людмиле тоже пришлось очень нелегко. Правда, та добросердечная женщина, оказавшаяся на месте аварии, тут же позвонила в приемную Путина. Однако его на месте не было, он был на переговорах с Тедом Тернером и Джейн Фондой о проведении в Санкт-Петербурге Игр доброй воли. К счастью, его секретарь Марина Ентальцева была хорошо знакома со всей семьей Путиных. Она подъехала на место аварии, забрала оттуда Катю, показала ее врачу. Людмилу к тому времени уже забрала «Скорая». С Катей же Марина поехала в педиатрический институт к детскому невропатологу, чтобы проверить, нет ли у девочки сотрясения мозга. Врач толком ничего не ответил, сказал только, что ребенку нужен покой. Он спрашивал Катю, что случилось, но она не в состоянии была что-то рассказывать. Очевидно, у девочки был шок.

Водитель, который привез Катю, сказал, что Людмила Александровна была в сознании, когда ее увозила «Скорая». Марина успокоилась, решив, что ничего особо страшного не произошло. Потом позвонила в больницу узнать, какой диагноз. Ни о переломе основания черепа, ни о трещине в позвоночнике и речи не было.

Тем не менее, Владимир Владимирович, которому к тому времени сумели сообщить о случившемся, попросил позвонить Юрию Леонидовичу Шевченко в Военно-медицинскую академию. Дозвонились до него лишь поздно вечером. Он сразу же прислал своих хирургов, чтобы забрать Людмилу в свою клинику.

А доктор Шевченко стал потом, как известно, министром здравоохранения России. По словам Людмилы Путиной, он настоящий врач и прекрасный хирург. Года четыре назад, в 96-м году, в первую чеченскую войну, вынул у солдата из сердца пулю, которая на излете попала в сердечную мышцу. Солдат остался

жив.

В клинике Военно-медицинской академии Людмиле сразу же сделали снимок. Он показал, что нужна срочная операция на позвоночнике.

Семья Путиных тогда жила с детьми на служебной даче за городом. Маша еще была в школе. Пришлось тогда Марине, секретарю Путина, взять над его детьми шефство и даже переночевать с ними. Как она рассказывала, девочки вели себя очень достойно. Они не пришли в ужас и не жались по углам со слезами на глазах, несмотря на то, что понимали: все очень серьезно. Они даже пытались помочь Марине найти постельные принадлежности, приготовить еду. Вот только включить отопление не смогли, а было очень холодно — конец октября. Когда, по пути на дачу, около больницы они увидели папину машину, то сразу спросили: «Тут мама лежит?» Каким-то образом они все поняли, хотя о том, что Людмилу перевезли сюда, в академию, им никто не говорил, чтобы не волновать их.

Потом Марина дала телеграмму в Калининград Екатерине Тихоновне, маме Людмилы Александровны. Екатерина Тихоновна и была с девочками до тех пор, пока Людмила находилась в больнице, где ей пришлось пролежать не менее полутора месяцев.

Что касается самого Путина, то, по словам Марины Ентальцевой, она его таким раньше не видела. «Нельзя сказать, что он был не в своей тарелке, выбит из колеи, совершенно потерян и не знает, за что завтра хвататься и куда бежать. Нет, этого не было. Чувствовалось, что в его голове все равно есть какой-то стройный план. И все-таки я Владимира Владимировича никогда таким не видела».

Да, травма оказалась настолько серьезной, что приходилось ожидать всего. Как сама Людмила потом вспоминала, у врачей были очень большие сомнения в успешном исходе. Шансов почти не было. Семь дней она провела в реанимации, которые восприняла как один день и ночь. Была постоянная боль, бесконечные уколы, голоса врачей и медсестер, которые она еле слышала. В общем, ей очень повезло, что встала после всего этого на ноги.

Выздоравливала Людмила долго. Она лежала в больнице в общей палате на четырех человек, пока не затянулась трещина в основании черепа. И Владимир Владимирович, и девочки все время навещали ее. А после выписки первое время еле ходила по квартире. Постепенно стала кое-что делать и… достаточно быстро стала считать себя здоровой, вести хозяйство. В доме по-прежнему постоянно собирались гости, и она накрывала на стол, носила тарелки. Правда, с корсетом на шее ходила три месяца,

потом надевала его периодически. Хотя в нормальную жизнь входила еще года два-три.

Поэтому в том, что характер у Людмилы Путиной сильный, сомневаться не приходится, с трудностями она умеет справляться, перед испытаниями не пасует и не сдается, не растекается слезливой лужей. Так же она вела себя и во время другого трагического происшествия, которое случилось с семьей Путиных…

ПОЖАР. КОНЕЦ ПИТЕРСКОЙ ЖИЗНИ

Поскольку той страшной аварией злоключения семьи Путиных в питерский период их жизни не кончились. Вдобавок к тому, что после выборов, когда Собчак пытался переизбраться на следующий срок, Путин потерял работу, у них случился еще и пожар.

Но вначале о выборах. К тому времени уже всем стало ясно, что для победы нужны профессионалы, технологи для проведения предвыборной кампании. Собчак с такими соображениями согласился, но потом решил, что сам будет руководить предвыборной кампанией. Он самонадеянно был уверен в себе, к тому же на профессионалов нужны были деньги, которых, как ни странно, по словам Владимира Путина, у Собчака не было.

«Мы не занимались извлечением средств из бюджета города. Нам даже в голову не приходило, что можно найти таким путем нужные суммы…

Собчак решил сам руководить штабом. Потом подключилась Людмила Борисовна, его супруга. И он объявил, что она будет возглавлять штаб. Мы переубедили его и ее, потому что не были уверены, что ей станут подчиняться все, кто нужен для работы в штабе.

Пока решали, кто будет руководить кампанией, упустили массу времени. Перед первым туром мы с Алексеем Кудриным, который тоже был заместителем Собчака, решили все-таки включиться. Но Собчак сказал, чтобы я продолжал заниматься городом. Надо же было, чтобы кто-то занимался хозяйственной деятельностью пятимиллионного Петербурга в тот период.

Тем не менее, в последний момент, между первым и вторым турами, мы с Кудриным еще раз все же попытались включиться, но это было уже бессмысленно. Выборы мы благополучно продули», — так самокритично рассказывал потом об этом периоде Владимир Путин.

Руководя предвыборным штабом, по мере приближения к назначенной дате Путин все яснее понимал, что выиграть выборы, скорее всего, не удастся, если не произойдет чуда. Москва тогда поставила на Владимира Яковлева, и противопоставить этому что-либо было сложно. Кроме того, на дворе ведь стоял 1996 год, а не 1991-й. Собчак, без сомнения, был блестящим оратором, но народ уже наслушался демократических речей, наслушался до отвращения. До того, что демократов стали называть дерьмократами. А реального улучшения жизни в городе не произошло. Как уже говорилось, Собчак не любил заниматься

хозяйственными вопросами, ими приходилось заниматься Путину, но он тоже был не слишком опытным хозяйственником. В отличие от того же Яковлева. Поэтому чуда не случилось, произошла закономерная смена власти в городе.

Единственным светлым пятном в тот период для Путина стала защита им весной 1996 года кандидатской диссертации, посвященной экономическим проблемам региона.

А летом, сразу после выборов, случился пожар. Тогда семья Путиных только-только переехала за город — в дом, который строили шесть лет и который находился примерно в ста километрах от Питера. Успели прожить в нем они полтора месяца. Убирали, обустраивали, расставляли мебель, вешали шторы. Как только все это сделали, дом сгорел. Сгорел дотла.

В тот день к ним в гости приехала вся семья Марины Ентальцевой, секретаря Путина, с мужем и дочкой. После ужина решили попариться в новой баньке-сауне, которая находилась на первом этаже. Дом был кирпичный, но изнутри обшит деревом. Попарились, искупались в речке и вернулись в комнату отдыха. И вдруг раздался какой-то треск. Потом дым, и сразу же пламя. Владимир Владимирович тут же крикнул, чтобы все бежали из дома. Горела сауна.

Все, что происходило во время пожара, красочно описали сами участники событий. Хочется эти рассказы привести дословно (по книге: ***Геворкян Н.,,Колесников А., Тимакова Н.*** От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус. 2000.), потому что они очень хорошо характеризуют каждого из наших героев.

Владимир Путин: «Катя сидела на кухне и что-то ела. Она оказалась самой дисциплинированной. Когда я крикнул: «Вон из дома!» — она ложку на стол — шмырк — и выскочила, даже не стала спрашивать почему. И потом уже на улице стояла и смотрела. А я побежал наверх».

Марина Ентальцева: «Мы уже пошли укладывать девочек. Катя была еще внизу, а Маша уже ложилась спать. Моя Светуля пошла на первый этаж, и Людмила Александровна там была. Дом у них двухэтажный, не скажу, что большой. А лестница на второй этаж в центре, налево и направо от нее по комнате. Я была первый раз в этом доме. И когда сауна загорелась, во всем доме отключилось электричество. Короткое замыкание, наверное. Стало темно.

Я сразу почувствовала угарный газ и растерялась. Тут Владимир Владимирович кричит: «Все вон!» — или что-то в этом роде. А мне же дорогу не найти! И пламени пока нет, только дым и угарный газ. Просто задыхаешься. Темнотень. Я куда-то

побежала. Они мне снизу кричат: «Марина, спускайся вниз!» Я кричу: «Не могу найти дорогу!» Это было последнее, что я крикнула. Ползаю и ищу руками лестницу. Думаю: должна же где-то здесь быть лестница.

Выяснилось потом, что я проползла мимо нее и очутилась в другой комнате…»

Владимир Путин: «Дыма было столько, что не видно лестницы, по которой надо спускаться. На втором этаже и Марина, и Машка, старшая дочка, вертятся и не могут понять, куда им бежать, и даже друг друга не видят. Я Машу взял за руку и на балкон вывел.

Потом содрал с кровати простыни, связал их, привязал к балконной решетке и говорю Маше: «Спускайся!» Она испугалась: «Не полезу, боюсь!» Я пригрозил: «Я тебя сейчас возьму и как щенка отсюда выброшу! Ты что, не понимаешь, что дом сейчас сгорит?!» Взял ее за шиворот, перекинул через решетку, внизу ее приняли».

Марина Ентальцева: «…И тут моя рука наткнулась на руку Владимира Владимировича. Он, видимо, поднялся на второй этаж. Он меня и вытолкнул на балкон».

Владимир Путин: «Тут все загорелось. Сначала вообще не было огня, а потом разом все загорелось. Не как в кино: сначала половичок, потом шторка… Все это ерунда. Все вспыхнуло мгновенно, моментально. Мне рассказывали, выделяется какой-то летучий газ, который очень быстро загорается. Короче говоря, столб пламени.

После Маши я Марину спустил. Связал несколько простыней и перебросил через балкон. Она, когда по простыням скользила, испугалась и разжала пальцы. Там можно было очень сильно удариться, потому что ступеньки сделаны из камня. Но ее муж поймал, правда, выбил при этом руку из сустава. Ничего, потом вправили.

И тут я вспомнил, что в комнате остался «дипломат» с деньгами, все наши сбережения. Я думаю: как же без денег?

Вернулся, поискал, руку запустил туда, сюда… Чувствую, что еще пару секунд пошарю — и все, можно уже не спешить… Бросил, конечно, искать свой клад. Выскочил на балкон, пламя вырывается. Перелезаю через перила, хватаюсь за простыни, начинаю спускаться. И тут нюанс: я же был в чем мама родила, успел только обмотаться простыней. И вот, представляете, картина: пылает дом, голый человек, обмотанный простыней, ползет вниз, ветер раздувает паруса, и вокруг на пригорке выстроился народ и молча, с большим интересом наблюдает.

Рядом с домом две машины стояли. Они довольно сильно

раскалились. А ключи от них в доме. Машины на передаче, дверцы заперты…»

Марина Ентальцева: «…Мы же остались без ключей, все было в доме. Людмила Александровна говорит: «Давайте толкать». У нас тогда «девятка» была. Я кричу в истерике: «Да черт с ней, с машиной! Дом ведь горит!» Она на меня очень удивленно посмотрела. И говорит: «Да ладно, пригодится еще». Берет камень и кидает в стекло. Потом снимает машину с передачи, и мы ее кое-как толкаем. И вторую так же.

А потом я стояла и молча смотрела, как горит дом. Это был полнейший шок для меня. А Людмила Александровна первое, что сказала: «Слава богу, что все живы и здоровы!»

Владимир Путин: «…Дом, как свечка, сгорел. Пожарные приехали. Но у них сразу вода кончилась. А озеро буквально рядом. Я говорю: «Как кончилась вода? Целое озеро же есть!» Они согласились: «Озеро есть. Но нет шланга». В общем, пожарные приезжали и уезжали три раза, пока все не сгорело дотла».

Марина Ентальцева: «Девочкам было хуже всех в этой истории. Они ведь перевезли сюда из квартиры все свое богатство — все игрушки, всех Барби, которые у них скопились за все детство. Маша потом рассказывала, что несколько месяцев после этого спать не могла. Все самое родное, что у них было, они перетащили в ту комнату».

Владимир Путин: «Пожарные, когда сделали экспертизу, пришли к выводу, что во всем виноваты строители: они неправильно сложили печку. А раз они виноваты, то обязаны возместить ущерб.

Первый способ — заплатить деньги. Но непонятно было, какие. Дом сгорел в 96-м году. Строили мы его лет пять. Хорошо помню, как в 91-м покупал кирпич по три рубля за штуку. Потом этого не хватило, и я докупал, но уже по семь рублей. Это были уже другие цены… В общем, непонятно, как индексировать. Поэтому второй способ мне понравился больше. Заставить их восстановить все в прежнем объеме. Что и было сделано. Они поставили точно такую же коробку, сами наняли польскую фирму, и она все доделала. Строители сделали все это за полтора года. Все стало как до пожара и даже немножко лучше.

Только сауну мы попросили вообще убрать».

Людмила Путина: «Я отнеслась к потере дома философски. После этой истории я поняла, что ни дом, ни деньги, ни вещи не стоят того, чтобы ради них сильно напрягаться в жизни. Знаете почему? Потому что в один момент все это может просто сгореть».

Вот так сама судьба поставила точку на питерском периоде

жизни семьи Путиных.

Что касается их поведения во время пожара, то оно, наверно, в комментариях даже не нуждается. Разведчику и офицеру не положено теряться и терять самообладание в экстремальных ситуациях. Владимир Путин его и не потерял — принял командование на себя и, распоряжаясь четко и жестко, не допустил никаких жертв, кроме материальных. Людмила тоже, как мы видели, истерик не устраивала, действовала спокойно и хладнокровно, даже машины спасла. Много позднее, уже став «первой леди» страны, она говорила про себя журналистам, что она не из тех женщин, которых надо носить на руках. Она, скорее, из тех, что в горящую избу войдут.

В самом деле войдет, если будет нужно.

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА

ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ

Таким образом, после того, как Собчак проиграл выборы Владимиру Яковлеву, Путин остался без работы. Надо отдать должное Яковлеву: несмотря на то, что они с Путиным были по разные стороны баррикад и только что находились в достаточно жестком противостоянии, он все же предложил тому остаться на работе в мэрии. Как и Путин много позже предложил Яковлеву в трудный для того момент должность на федеральном уровне. Должность тяжелую, но статусную. А вот сам он тогда от предложения Яковлева отказался, посчитав его невозможным по моральным соображениям, и несколько месяцев пребывал в подвешенном состоянии, не у дел. К его удивлению, подавляющее большинство людей, с которыми он общался прежде, не изменили своего отношения к нему. Это было приятно.

Тем не менее, было совершенно ясно, что прежняя система отношений исчезла, надо снова искать себя, и в Питере это вряд ли возможно. Иначе говоря, надо опять, в который раз, все начинать с нуля. Кроме того, Путин понимал, что, отказавшись работать в городских структурах управления, но оставшись в Петербурге, он неминуемо будет мешать формированию новой команды, а этого ему не хотелось. Стало быть, нужно уезжать. Куда? А куда, кроме Москвы, руководителю такого ранга, каким к тому времени стал Путин, можно было уехать? Надо добавить, что в Питере он в то время, уже проиграв выборы Собчака, еще продолжал работать в предвыборном штабе Ельцина. Так что связь с Москвой существовала. Впрочем, и во время работы заместителем Собчака именно Путин поддерживал контакты с Москвой, поскольку с самим питерским мэром работать было сложно, и того в окружении Ельцина не любили.

Вспомнил о Владимире Владимировиче тогда Павел Бородин, причем, возможно, именно после разговора с Яковлевым, который, несмотря на их непростые отношения во время предвыборной кампании, считал, что Путин такой участи, как Собчак, не заслуживает. Для Путина его звонок был неожиданным — он хоть и не раз пересекался с Пал Палычем, но не был с ним слишком близко знаком. Бородин, возглавлявший Управление делами президента, вначале поинтересовался его планами, а потом, узнав, что планов, в общем-то, нет, предложил тогда Владимиру Путину должность начальника Главного управления, которое занималось и вопросами внешней политики, — заместителя главы администрации президента. Путин согласился сразу, приехал в Москву, встретился с Егоровым, который в то

время возглавлял президентскую администрацию. Тот даже показал ему уже заготовленный указ, заверил, что в ближайшие дни он будет подписан у президента, и попросил зайти через неделю. Однако за эту неделю в администрации произошли перестановки, ее главой стал Чубайс. Чубайса Путин, в отличие от Егорова, знал, поэтому в своем трудоустройстве не сомневался. Тем более что позвонил ему и поинтересовался, остается ли договоренность в силе. Получил ответ, что остается, и… наступила длинная пауза. Потом оказалось, что должность, предлагаемая Путину, ликвидирована, ликвидировано и то Главное управление, которым он должен был руководить, так как изменилась вся структура администрации. Предложение сорвалось.

К счастью, оставались еще друзья и связи. В следующий раз Путина вызвал в Москву его бывший коллега Алексей Кудрин, который поговорил с Чубайсом, и тот предложил Владимиру Владимировичу возглавить Управление по связям с общественностью. Дело это Путину совсем не нравилось, но и деваться было некуда. Все-таки администрация президента. В общем, согласился. Даже познакомился с Ястржембским, который в то время был пресс-секретарем президента и сам создавал то управление, которым предлагали руководить Путину. «Очень рад, что так получилось, — сказал тот, — разделим сферу компетенции и будем вместе трудиться». Вряд ли много радости было в том, чтобы делить сферу компетентности, но что делать…

Однако Путин всегда был везучим человеком. В иностранной прессе про него не раз писали, что он родился с золотой ложечкой во рту. По-нашему — в рубашке. Правда, такие выводы стали делать позже, когда он стал президентом. Но везучим-то он был всегда.

И в то время везение его не оставило, снова помог знакомый человек. Как раз шло формирование правительства, и на должность вице-премьера был назначен Алексей Алексеевич Большаков, который в Питере в свое время работал первым заместителем исполкома Ленсовета, то есть человек, реально руководившим городом. Был он деловым, энергичным и очень работящим. Его смела демократическая волна, Большаков оказался почти на улице, чем-то занимался, но никому и в голову не приходило, что он может снова занять серьезный пост, тем более в Москве. Однако у Путина с ним все это время сохранялись хорошие отношения. Во всяком случае, когда тот время от времени появлялся в Смольном, вице-мэр никогда не заставлял его ждать в приемной. И вот теперь он стал первым заместителем у Черномырдина. Благодаря Большакову и

Кудрину, который принимал самое деятельное участие в трудоустройстве Путина, он был приглашен на должность заместителя Управделами президента, курировавшего юридическое управление и загрансобственность. То есть опять-таки под начало Бородина.

Надо сказать, что в иерархической структуре Управление делами и администрация президента тогда считались примерно равными по положению, поэтому должность заместителя управляющего делами по статусу была даже чуть выше, чем пост начальника управления администрации президента.

В общем, так или иначе, в августе 1996 года Владимир Путин оказался в Москве на Старой площади.

Как вспоминала Людмила Путина, «…вопрос не стоял так: ехать в Москву или не ехать? Было понятно, что ехать надо. И даже нельзя сказать, что мы с Володей как-то уж очень обсуждали новое назначение. Володя сказал, что хотя и предложили работу, которая не вполне ему подходит, но ничего другого нет. Потом появилось другое предложение.

Мне не хотелось уезжать из Петербурга. Только начали жить в своей квартире, а тут опять все казенное. Хотя что уж жаловаться? Дача в Архангельском. Дом, правда, старый и старая обстановка, зато два этажа, шесть комнат. Две внизу, четыре наверху — шикарно! И Москву я полюбила сразу. Необъяснимо, вот просто подошел мне город, и все — то ли атмосферой, то ли обстановкой на улице, то ли ухоженностью. Питером я болела. Приехала в Москву и выздоровела. Муж дольше привыкал к Москве, но, кажется, привык. Тут комфортно даже от самого сознания, что жизнь бьет ключом».

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНЫМИ ТЕМПАМИ

Однако, по словам самого Владимира Путина, ему переезд в Москву не показался особенно тяжелым. Да, была смена обстановки, давно ставшей привычной, да, теперь у него были новое окружение, другие обязанности. Конечно, жаль было оставлять родной город, друзей, уже очень пожилых родителей. Но он понимал: это лучший выход из сложившейся ситуации, и был рад, что все сложилось именно так. Тем более что приняли его достаточно тепло, а Бородин помог быстро разрешить все бытовые проблемы с жильем и устройством на новом месте. За помощь и заботу в один из самых трудных моментов его жизни Путин остался очень благодарен Бородину, но сама работа в Управделами показалась ему довольно скучной по сравнению с тем, чем он занимался в Петербурге.

Но под началом Пал Палыча Владимир Путин проработал совсем недолго. В Москве карьера бывшего скромного офицера спецслужб пошла просто головокружительными темпами. Свою роль сыграли несколько обстоятельств. Во-первых, очевидно, деловые и человеческие качества Путина, его работоспособность и способность глубоко проникать в суть проблем, а также легко вписываться в окружающую обстановку и находить общий язык с людьми. Во-вторых, как он считает, сильный кадровый голод в высших эшелонах власти, поскольку московская элита за предшествующие перестроечные годы успешно истребляла себя и себе подобных в непрекращающейся борьбе за власть и деньги. Наконец, в-третьих, удачливая фортуна, которая не оставляла его никогда.

Поэтому, когда через некоторое время Чубайс ушел из администрации в правительство на должность первого вице-премьера, забрав с собой и Кудрина, работавшего начальником Главного контрольного управления администрации президента, то этот пост, по рекомендации того же Кудрина, предложили Путину. Потом из администрации президента ушел А.И.Казаков, работавший первым заместителем руководителя администрации президента, курирующим регионы. Валентин Юмашев, возглавлявший администрацию, решил, что лучшим кандидатом на это место будет Путин, который еще недавно занимал серьезную должность в одном из крупнейших регионов страны — Санкт-Петербурге. Путин потом не раз говорил, что эта работа была для него самой интересной, позволившей ему познакомиться со многими губернаторами и узнать реальное положение дел в стране. Уже тогда он понял, что работа с

региональными лидерами — одно из самых важных направлений деятельности и что нарушенную вертикаль управления необходимо восстанавливать. Тогда же он пришел к выводу, что губернаторы готовы в эту вертикаль встраиваться. Что он и начал осуществлять, придя к власти, что он, в конце концов, и осуществил.

Однако Ельцин был недоволен работой ФСБ и уже давно искал замену возглавлявшему эту службу Н.Д.Ко-валеву. По словам Путина, он знал, что данная тема обсуждается, что ищут варианты, рассматривают кандидатов. Но с ним об этом никто никогда не говорил, его согласия никто не спрашивал. Просто однажды Юмашев попросил его встретить в аэропорту Кириенко, который в то время был премьер-министром страны и возвращался после встречи с Ельциным. И Кириенко, выходя из самолета, неожиданно для Путина, поздравил его с новой должностью. Приказ был уже подписан президентом.

Так в 1998 году Владимир Владимирович снова на какое-то время вернулся в органы, уже на пост их руководителя — директора ФСБ, а позднее — одновременно еще и секретаря Совета Безопасности.

Как рассказывал потом сам Путин, предложение его совсем не обрадовало. Не было желания второй раз входить в одну и ту же воду. Да и работа в спецслужбах — очень тяжелый крест. Он это уже хорошо знал. «…Я так интересно и разнообразно жил после увольнения из КГБ. И вот вхожу в кабинет директора ФСБ, меня встречает Николай Ковалев, мой предшественник в этой должности. Открывает сейф и говорит: «Здесь у меня — секретная тетрадь. Здесь — патроны». А я с тоской смотрю на все это…»

Как вспоминала потом Людмила Путина, «по поводу… ФСБ, я помню, мы говорили месяца за три до назначения, и он сказал, что ни в коем случае не согласится. Мы гуляли в Архангельском и говорили о его работе, и он тогда сказал, что вот куда бы ему точно не хотелось, так это в ФСБ. Я понимала почему. Это опять возвращение к закрытой жизни. Когда Володя работал в КГБ, это была вообще очень закрытая жизнь. Туда не ходи, это не скажи, с этим общайся, а с тем — нельзя. И потом, ему так нелегко далось решение уйти из КГБ, он уходил как бы навсегда.

Я была в отпуске на Балтийском море, когда он позвонил и сказал: «Ты там повнимательнее, потому что меня вернули туда, где я начинал». Я решила, что его вернули снова заместителем Бородина, понизили то есть. Никак не могла расшифровать его слова. Подумала, что пока отдыхала, в стране что-то произошло, как-то изменилась ситуация. А он повторил: «Меня вернули туда, где я начинал». Когда он сказал это в третий раз, до меня дошло.

Вернувшись из отпуска, я спросила его, как же это произошло. Он ответил: «Назначили, и все». Вопросов у меня больше не было.

Когда Володя пришел в ФСБ, ему предложили стать генералом. Он остался на гражданской службе. Ведь не полковник командует генералами, а человек, который на это способен…»

Приняли бывшего сослуживца в спецслужбе настороженно. Оно и понятно — во-первых, в свое время из органов он ушел, то есть вроде бы изменил им, во-вторых, был не в больших чинах, не в тех, которые положено иметь руководителю службы. То, что сумел сделать «на гражданке» завидную карьеру, делающую честь любому генералу, в расчет не принималось. И то, что Путин пришел работать в ФСБ не как полковник, а как гражданское лицо, с должности первого заместителя главы администрации президента, тоже в заслугу ему не поставили. Напротив, когда полковник запаса Путин сменил генерала армии Николая Ковалева на его посту, многие офицеры госбезопасности подали рапорты об отставке. Однако он никого не удерживал. Как сообщают некоторые источники, «приход Путина был ознаменован сокращением центрального аппарата ФСБ с 6000 до 4000 человек, созданием на Лубянке новых структур: управления по работе с регионами, управления по защите Конституции и управления по компьютерной безопасности, а также переводом на руководящие должности в ФСБ бывших сослуживцев Путина по Санкт-Петербургу.

Сокращение аппарата ФСБ осуществлялось одним из самых радикальных способов — увольнялись все, кто по выслуге лет имел право на получение пенсии. Дело в том, что многие офицеры имели льготное исчисление лет (год за два и т. п.); получилось, что были уволены наиболее опытные специалисты, имеющие реальный опыт работы в боевых условиях» («Профиль», 1999, № 12).

Однако верно и то, что Путин сумел «пробить» повышение зарплаты для сотрудников ФСБ, уравняв их с СВР и ФАПСИ. Без предварительного визирования в Кремле, он напрямую поставил вопрос перед Ельциным и получил «добро». Кроме того, он добился регулярного финансирования ФСБ, урегулировал проблему с задержками зарплат.

Впрочем, и на должности директора ФСБ Путин долго не задержался. Уже в августе 1999 года он стал премьер-министром РФ.

Как потом рассказывал об этом событии Путин, «Борис Николаевич пригласил меня к себе и сказал, что у него есть идея предложить мне пост премьер-министра, только он должен еще переговорить со Степашиным. Я не особенно удивился. Уже было понятно, что все к тому идет. Я имею в виду не мое назначение, а снятие Степашина. Ельцин не спрашивал, согласен ли я стать премьером или нет. Он лишь сказал, что относительно Степашина уже принял решение.

Кстати, в разговоре со мной он не произносил слова «преемник». Ельцин говорил о «премьере с перспективой», что если все пойдет нормально, то он считал бы это возможным.

А потом, уже в эфире, президент сказал обо мне как о будущем возможном президенте. Он произнес это вслух на всю страну. И когда меня сразу после этого забросали вопросами, я ответил: «Раз президент сказал, то я так и сделаю». Возможно, это прозвучало не очень уверенно, но по-другому ответить не мог».

Тогда, 9 июля 1999 года, Ельцин сказал: «…Сейчас я решил назвать человека, который, по моему мнению, способен консолидировать общество. Опираясь на самые широкие политические силы, обеспечит продолжение реформ в России. Он сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом, XXI веке предстоит обновлять великую Россию. Это секретарь Совета Безопасности России, директор ФСБ Владимир Владимирович Путин… Я в нем уверен. Но хочу, чтобы в нем были также уверены все, кто в июле 2000 года придет на избирательные участки и сделает свой выбор. Думаю, у него достаточно времени себя проявить».

Но почему же Ельцин был так уверен в Путине? Люди, работавшие с Путиным и знающие его способность вызывать доверие руководителей, считают, что дело именно в этом — он сумел обаять Ельцина так же, как в свое время Лазаря Лазаревича в Дрездене и Собчака в Питере. Другие считают, что на Ельцина произвела впечатление его верность Собчаку, которому он помог, как думали многие, скрыться от российского правосудия за границей. Он сам на этот вопрос отвечал следующим образом: «… Хочу надеяться, что все-таки первый президент России, когда познакомился со мной, почувствовал, что… я буду примерно в таком же направлении действовать, как он это делал, я имею в

виду в целом, генерально, с точки развития различных институтов, института демократии».

Ох, как же все-таки далеки власти предержащие от народа! В том числе и те, кого этот народ любит и кому доверяет… Неужели не понимал Владимир Владимирович, что народ, испытывавший огромную неприязнь, а временами и отвращение, смешанное со стыдом, и к самому то больному, то нетрезвому первому российскому президенту, и к его пресловутой «семье», отнюдь не мечтал о продолжении той «генеральной» загогулины? Народ мечтал о политике, прямо противоположной ельцинской, потому и проголосовал за Путина, выходца из спецслужб, ожидая от него патриотической, государст-веннической позиции. Впрочем, народ проголосовал за него позже, а тогда за Путина проголосовала Дума.

16 августа Путин был утвержден Государственной Думой в должности Председателя Правительства РФ.

А уже 4 сентября в дагестанском городе Буйнакске произошел взрыв начиненного взрывчаткой автомобиля, вызвавший разрушение жилого дома. 9 сентября ночью был взорван жилой дом в Москве на улице Гурьянова, 13 сентября — дом на Каширском шоссе также в Москве. 16 сентября — взрыв жилого дома в Волгодонске. Эти трагические события вызвали жесткую реакцию Путина, а последующие успешные военные действия в Чечне подняли его рейтинг на небывалую высоту.

«Как простые граждане, так и известные политические деятели после этих трагических инцидентов поняли, кто их общий враг, — писал впоследствии, анализируя случившееся, известный немецкий политолог Александр Рар. — Уже никто больше не вспоминал о громких коррупционных скандалах. Проблема нарастания негативных тенденций в экономике также отошла на второй план. Теперь большинство россиян главным образом волновала неспособность государства защитить их. Путин получил карт-бланш на применение в Чечне самых жестких методов… А его готовность в столь трудный для России час взять на себя всю ответственность всего за несколько дней сделала его самым популярным политиком».

Именно тогда и услышала впервые страна знаменитые путинские фразы о том, что надо «гадину задушить на корню», а террористов «мочить в сортире». То есть новый премьер-министр продемонстрировал качества, которые, по мнению большинства, были необходимы будущему лидеру страны: волю и решительность, готовность отстаивать национальные интересы, способность обеспечивать безопасность простых людей. Он стал в глазах граждан страны символом сильного государства, о

котором они мечтали.

Экономическая же деятельность Путина во время его премьерства заключалась в написании экономической программы правительства и создании жестких налоговых удавок для пополнения бюджета. Эти действия тоже имели положительные последствия. Во всяком случае, в своем выступлении на телевидении 31 октября в авторской программе Сергея Доренко Путин привел показатели роста промышленного производства, которые, по его данным, составили семь процентов…

Путин стал премьером, а через несколько дней у него скончался отец. Мария Ивановна умерла на год раньше. Владимир Владимирович приезжал к отцу, который так и не согласился переехать к нему в Москву, каждые выходные. В это время он был страшно загружен работой, но все равно появлялся в Петербурге раз в неделю хотя бы на полдня. Владимир Владимирович очень боялся, что не успеет попрощаться с отцом. Успел и все-таки провел с отцом его последние часы.

А 31 декабря 1999 года Владимир Путин неожиданно для всех стал исполняющим обязанности Президента РФ вместо внезапно досрочно ушедшего в отставку Бориса Ельцина. Теперь он стал одним из ведущих политиков мира. Он взошел на вершину политического Олимпа.

«МНЕ НЕ СТРАШНО ЗА НЕГО…»

Как же реагировала на такой карьерный взлет отца и мужа его семья? Оказывается, спокойно. Дрезденский сослуживец Путина Владимир Усольцев в своей книжке писал, будто уже тогда, в Дрездене, Людмила с подкупающей искренностью говорила другим женам офицеров их разведгруппы, что она не сомневается в карьерном росте своего мужа. И в последующем она все его высокие должности воспринимала как должное.

«Меня не поразила такая молниеносная карьера мужа, — рассказывала она о своих чувствах спустя несколько лет журналистам. — Я всегда считала, что раз так происходит — значит это кому-то нужно. Но иногда я ловлю себя на мысли: как странно, я замужем за человеком, который вчера еще был, в общем, никому не известным заместителем мэра Петербурга, а сегодня стал премьер-министром. Но я почему-то всегда верила, что с Володей такое может произойти.

Мне не страшно за него. И гордости никакой особой нет. А вот восхищение есть. Он очень целеустремленный, не тщеславный, а именно целеустремленный. Он всегда вкалывал и добивался своей цели, всегда жил ради чего-то. Есть люди, которые вкалывают ради денег, а он — ради идеи. Ему всегда доставлял удовольствие сам процесс работы. Такие люди, как мне кажется, многого добиваются…»

Тогда, уже зная о своем будущем назначении, Владимир Путин поговорил об этом со своей женой. Он ей сообщил, что, вероятно, станет премьер-министром, после чего возможно и выдвижение на пост президента, и спросил, как она относится к таким перспективам.

«Помню, — рассказывала Людмила, — он спросил мое мнение, прибавив:

— Ты же понимаешь, будут ограничения, которые станут распространяться и на тебя.

Я ответила, что для каждого политика, да и для любого человека, который начинает заниматься политикой, это, конечно, должно быть целью — стать президентом. Недаром же в народе говорят, что плох тот солдат, который не мечтает стать генералом…

В принципе, отказаться от перспективной должности, конечно же, проще всего. Чем ниже административный пост, тем меньше ответственности перед людьми и страной. Согласиться на предложение гораздо сложнее, ответственнее, но, наверное, правильнее в данной ситуации. Как такового сформировавшегося

ответа у меня не было. Я просто выразила свое отношение. Спустя некоторое время Владимир Владимирович стал премьер-министром страны. А дальше все как-то само собой развивалось.

Владимир Владимирович, сделав выбор, безусловно, понимал всю степень личной ответственности и тот объем работы, который ему предстоит. Но мне кажется, что в тот момент я реально не представляла, насколько это будет сложно и трудно. Насколько это будет объемная работа, требующая столь значительных моральных и физических сил…»

Вероятно, не представляла Людмила Путина и того, какие ограничения наложит высокая должность мужа на ее жизнь и жизнь их дочерей…

ДОЧЕРИ

ИХ НИКТО НЕ ЗНАЕТ В ЛИЦО

«Этих девушек никто не знает в лицо. Они не появляются на улице без охраны. Их лица спрятаны за темными стеклами бронированных иномарок. Они боятся вслух произнести свою фамилию. Машу и Катю Путиных — президентских дочерей — страна видела всего один раз. В небольшой книжке, вышедшей несколько лет назад», — так начиналась статья в одной из российских газет, в которой рассказывалось о том, как дочки президента поступали в Санкт-Петербургский университет и каким завесом тайны было окутано это событие.

По данным «Московского комсомольца», став российским президентом, Владимир Путин попросил свою охрану прежде всего беречь его дочерей, Машу и Катю, от досужего внимания журналистов. И даже привел пример того, как не должно быть: внук Бориса Ельцина — фигура, настолько засвеченная прессой, что у него даже с личной жизнью проблемы. Именно с тех пор дочери Путина были надежно ограждены от фото- и видеокамер. Известно, например, что с борта самолета их выводят, когда журналистов в аэропорту уже нет. За их снимки любое фотоагентство выложило бы сегодня солидный куш, но охрана приказ президента выполняет строго. Правда, насчет снимков, которые появились лишь в одной книжке, «МК» преувеличивает, фотографии девочек появлялись не раз и в разных книжках, но все они из детства, а Маша и Катя давно уже выросли. Пишут, что выросли красавицами, но нынешних их снимков действительно нет нигде. В Интернете даже развернулась бурная дискуссия на тему, имеет ли право общество знать все подробности частной жизни семьи первого лица государства, в частности жизни его детей, или же все-таки в целях их безопасности возможно и даже необходимо эти подробности скрывать. Дискутировать, конечно, можно, вот только подвергать опасности жизни молоденьких девушек в угоду праздному любопытству публики вряд ли стоит. Поэтому ограничимся теми фактами, которые уже известны и которыми сами Путины считают возможным поделиться.

Старшая из девочек, Маша, родилась в Питере 28 апреля 1985 года, Катя появилась на свет в Дрездене 31 августа 1986-го… Обеих девочек назвали в честь бабушек: Марии Ивановны Путиной и Екатерины Тихоновны Шкреб-невой. Обе малышки посещали немецкие ясли, а потом садик, расположенные рядом со зданием, в котором располагалась советская разведгруппа. Поэтому папа, уходя на работу, прихватывал с собой и обеих дочек, чтобы довести их до места, а в течение дня периодически,

улучив свободную минутку от дел, выглядывал в окно, высматривая своих дочурок на прогулке.

Как рассказывает дрезденский сослуживец Путина в своей книжке, методы воспитания в немецких дошкольных учреждениях были весьма суровые. Если ребенок криком пытался привлечь к себе внимание, его просто выставляли в коляске во двор, где он мог заливаться ревом сколько угодно, но ни одна воспитательница к нему не подходила. Иногда такой рев продолжался несколько часов, иногда даже пару дней, но в результате проблема с капризами бывала решена. Метода жестокая, но, видимо, эффективная, так как в дальнейшем неудержимый плач капризничающего ребенка слушать уже никому не приходилось. Такую суровую адаптацию к жизни в детском коллективе пришлось пройти и путинским дочкам.

Возможно, оттуда, из раннего детства в немецких яслях, и идет их воспитанность и выдержанность, которую отмечают практически все, кому доводилось с ними общаться. Так, например, Ирен Питч, гамбургская знакомая Людмилы Путиной, о которой здесь уже упоминалось, писала в своей книге, что она «никогда, ни до, ни после, не видела столь хорошо воспитанных детей, как Маша и Катя… Они вели себя так, что я подумала было, что они робеют… Ничего подобного! Они знали себе цену и соблюдали дистанцию, так что у меня не возникало никакого соблазна разыгрывать любвеобильную тетушку… Дети действительно с уважением относились друг к другу, не перебивали, давали другому высказаться и всегда пытались ставить себя на место другого».

Но, конечно же, главную роль в воспитании детей играла мама, а не ясли, садик или школа. Уже став женой президента и отвечая на вопрос корреспондента, что бы она посоветовала выбрать своей дочери, карьеру или детей, если бы та об этом спросила, Людмила Путина сказала:

— …Определиться со смыслом ее собственной жизни. И если главный смысл жизни она найдет в продолжении жизни, в детях, тогда — рожать детей и посвящать им все свое время. Кто-то может позволить себе взять няню, которая будет заниматься детьми, а самой работать. Опять же вопрос: хочет ли женщина, чтобы это были только ее дети? Или согласна на то, что они будут и «чуть-чуть нянины»? Передо мной тоже все время стоял выбор: идти работать или воспитывать детей? Иногда меня спрашивают: как вы воспитали таких детей? Минута в минуту четырнадцать лет посвятила им. Я почти не работала. Надо вам сказать, что это непростое испытание… («Хорошая семья для ребенка и есть хорошее государство» // Российская газета. 01.06.2006.)

Испытание в самом деле непростое, но если рассказы о дочерях соответствуют истине, то она его выдержала блестяще. Причем правила поведения девочкам приходилось прививать именно ей.

«Думаю, если бы Володя непосредственно занимался воспитанием детей, то они, наверное, были бы жутко избалованными, потому что им все разрешалось. Обычно детей чаще всего приструнивают папой, мол, вот папа придет и тебя накажет. И детей это как-то дисциплинирует, подтягивает. У нас же это невозможно в принципе, потому что папа дочек баловал. Папа для них — это всегда радость и никакого наказания».

О том же говорит и Владимир Усольцев в книге «Сослуживец», рассказывая, что Путин был очень нежным и любящим отцом, исключительной привязанностью к дочуркам отличаясь от всех остальных своих коллег. Приходя домой, он в первую очередь заходил к девочкам, играл с ними, и только после того шел к столу. Он с готовностью посылал на всяческие коллективные мероприятия и экскурсии свою жену, предоставляя ей возможность отдохнуть от домашних хлопот, тогда как сам предпочитал оставаться с детьми, находя в этом огромное удовольствие. Он, как уже говорилось, покупал им самые роскошные игрушки, причем никакие цены его не могли остановить.

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

После возвращения в Петербург, чтобы девочки не забыли язык, родители устроили их в детский сад с разговорным немецким, а потом и в школу с углубленным изучением немецкого— Peterschule. Эта негосударственная школа существует с 1762 года, но вторично открылась лишь в 1990-м, когда в нее— одно из первых частных учебных заведений в городе — были набраны первые 150 учеников. У школы хорошая репутация. Учились в ней либо немцы, либо продвинутые русские. После окончания многие становились на путь германистики, немало выпускников «Петершуле» работает на кафедре немецкого языка Петербургского университета.

В тот питерский период жизни, как уже говорилось, семью Путиных постигли два серьезных несчастья. Во-первых, Людмила Путина попала в аварию и какое-то время находилась между жизнью и смертью, во-вторых, сгорела их дача вместе со всем имуществом. Оба этих несчастья девочки перенесли стойко, хотя, наверное, они не понимали до конца, какая опасность грозила жизни их матери в результате той аварии. Другое дело пожар, когда сгорели все их вещи и игрушки. Однако в Гамбурге, куда они приехали вскоре после этого, как сообщает Ирена Питч, про дачу, уничтоженную огнем, много не говорили. Правда, «… вспоминали, что Маша много плакала. Катя — нет. Но и у той и у другой в карманах брюк лежали аккуратно сложенные бумажки, с которыми они, видимо, не расставались. Мелким почерком, в ровный столбик были записаны все игрушки и другие личные вещи, которые погубил пожар. Кое-что было уже вычеркнуто. Значит, это уже куплено. В Гамбурге они тоже собирались кое-что приобрести. Все их мысли и намерения были обращены в будущее».

Но семье Путиных вскоре после того пожара пришлось переехать в Москву, и первое, что сделал ее глава, обосновавшись там, — определил дочерей в школу имени доктора Гааза при посольстве Германии, расположенную на проспекте Вернадского. Немецкий врач Фридрих Гааз сумел оставить добрую память о себе в сердцах как немцев, так и русских. В начале прошлого века он работал простым врачом в московских тюрьмах и госпиталях для неимущих и прославился своим гуманизмом.

Его стараниями всем русским каторжникам царские власти заменили ножные железные колодки на цепи, что сохранило миллионы жизней на сибирских этапах и пересылках. Их потом больше века в народе так и называли «цепи Гааза». Когда Гааз

умер, на его похороны в Москве пришло 200 тысяч человек. Говорят, что и по сей день на его могиле всегда живые цветы. Выбирая учебное заведение, Путины долго сомневались, стоит ли выдергивать детей из привычной русскоязычной среды. Говорят, что решающим фактором, как ни странно, оказалось состояние школьных помещений, особенно санузлов. Разумеется, в школе имени Гааза они содержатся в образцовом состоянии. Но в остальном ничего необычного там нет.

Обучаются в школе в основном дети немецких дипломатов и бизнесменов, а также австрийских и швейцарских подданных, работающих в Москве. Но и русским, чьи родители долгое время жили и работали в Германии, вход сюда не заказан, хотя обучение стоит недешево. Внутри на стенах— веселые акварельные картинки, в туалете — чистые полотенца для рук. Учителя исповедуют принцип индивидуального подхода к ученику. Здесь никогда не повышают голос. Уровень преподавания — в соответствии с мировыми стандартами: три обязательных иностранных языка, физика, химия, математика, мировая история в расширенном объеме. Больше внимания, правда, уделяется гуманитарным наукам. Каждую неделю — урок этики, на котором дети общаются с учителями на отвлеченные нравственные темы. В большом объеме дается мировая история: Древний Рим и Греция, феодальное Средневековье. Преподавание ведется исключительно на немецком языке, учителя в основном немцы. Правда, русский язык здесь не изучается, и потому русские родители нанимают для своих детей репетиторов. Успешное окончание немецкой школы гарантирует поступление в любой престижный немецкий университет. Словом, хорошую школу выбрали для своих девочек любящие родители. Только не слишком ли германоцентричную? Впрочем, то, что воспитание и образование Маши и Кати с самого раннего возраста проходило по немецкой системе, в конце концов дало неплохой результат. А в университет они все же поступили в наш, русский, — тот, который в свое время окончили их родители.

Итак, около двух лет Маша и Катя посещали школу вместе с остальными учениками, добираясь сюда на авто с мигалками. Но начиная с 2000 года педагоги, по соображениям безопасности, стали ездить к ним на дом. Рассказывают, что в школе девочек все любили. А после ее окончания обе стали студентками Петербургского университета. Младшая, Катя, выбрала факультет восточных языков, специализируясь в японском. А старшая, Маша, колебалась между медицинским факультетом и биологопочвенным, но в конце концов все же выбрала последний. Кстати, уже упоминаемая Ирен Питч описывает в своей книге, как

однажды она пригласила своих гостей посетить Дом бабочек. «И Людмила, и Маша, — как рассказывает Питч, — утратили интерес к бабочкам, столкнувшись с первыми же неудобствами. Мать и дочь, прелестное создание, полное внешнего и внутреннего обаяния, принялись обсуждать, какое воздействие оказывает трудно переносимая влажность и жара, имитирующая тропики, на кожу, волосы и общее самочувствие. Зато Катя в это время была поглощена серьезным изучением жизни бабочек, то и дело сравнивая экзотические экземпляры, которые обнаруживала, с их изображением в книжечке…»

То есть, казалось бы, именно Катя с ее интересом к живой природе должна была выбрать биологический. Что ж, бывает, что интересы меняются, к тому же и фрау Питч могла перепутать девочек, как она перепутала в своей книжке многое…

Между прочим, экзамены девушки сдавали, как простые смертные. Даже не все предметы сдали на пятерки. Есть и четверки, но в сумме у обеих оказалось на один балл выше проходного. Маша, кроме ЕГЭ по русскому, сдавала химию и биологию. У Кати было четыре экзамена — тест по русскому, сочинение, устный по иностранному и письменный по истории. Причем улиц в это время никто не перекрывал, даже присутствие на экзаменах абитуриенток Путиных осталось незамеченным.

Правда, старушка-вахтерша, оказывается, познакомилась с Екатериной Тихоновной, тещей президента, которая приводила внучку — Катю — на экзамен. Старушка также уверила журналистов, что никакой охраны на время экзаменов не выставляли, здание не оцепляли.

«Никакой охраны и близко не было видно, бронированные автомобили тоже не подъезжали. Ведь здесь никто не должен был знать, что экзамены сдает президентская дочь. Помню, пришла Катенька, скромная плотненькая девочка, голову опустила, глаза в пол, боялась, что ее признают. «Здрасьте», — кивнула мне и побежала в аудиторию. А бабушка ее внизу ждала, пока шел экзамен.

— Но преподаватели наверняка знали, у кого они принимают экзамен?

— Что вы! Я удивляюсь, как эта информация вообще просочилась в прессу. Все держалось под строгим секретом. Никто из членов приемной комиссии не предполагал, что в аудитории находится Путина. Причем, когда вывешивали списки абитуриентов, ее фамилию изменили. Девочка ужасно боялась, что будущие сокурсники станут смотреть на нее как на белую ворону.

— Что-то не верится, что дочь президента могла поступить на

общих основаниях…

— Знаете, пока мы с Екатериной Тихоновной беседовали, она все время кулачки держала, волновалась, что внучка провалит экзамен.

По словам бабушки, Катя никогда не была отличницей, да и здесь она набрала 14 баллов при 13 проходных. Это далеко не самый лучший результат» (Ирина Боброва. «Распутье дочерей Путина». Московский комсомолец. 16.09.2005).

Однако жить сестры Путины остались в Москве. Обучались они по специальной индивидуальной программе. По такой программе, по словам ректора университета Людмилы Вербицкой, обучаются одаренные студенты, спортсмены, а также студенты с проблемами со здоровьем. Это сложнее, но Вербицкая уверена, что Катя и Маша в силах справиться. Действительно, весной 2006 года на вопрос корреспондента «Независимой газеты» Натальи Савицкой Людмила Вербицкая сказала, что девочки очень способные и учатся хорошо, стараются. Последнюю сессию младшая сдала на одни пятерки, у старшей — четверки и пятерки. Они сознательно выбрали свою специальность, это чувствуется. Младшая знает китайский, учит японский и хочет изучать еще и корейский…

«МОИМ ДЕТЯМ ПОВЕЗЛО С РОДИТЕЛЯМИ…»

Словом, с образованием у Маши и Кати все хорошо. Тем более сейчас, надо думать, все проблемы с ним вообще остались в прошлом. Да и странно, если бы было иначе. «Говорят, Путины держат детей в необычайной строгости, — заметил один из одноклассников Владимира Путина, — и знаете, я абсолютно уверен, что это правда. Дело в том, что сам Володя воспитывался в строгости, его родители были простыми, но твердыми и принципиальными людьми. Вероятно, эту же схему взаимоотноше-ний он перенес и на свою собственную семью. Схема-то проверенная — качество гарантировано…»

Однако Людмила Путина, как мы помним, отвергала такое утверждение. Что же касается самого Владимира Путина, то, по словам жены, сказанным в интервью трем российским газетам— «Труду», «Российской газете» и «Комсомольской правде» 01.06.2005, «…муж для меня всегда был как «направляющая линия». Он всегда говорил, чего бы он хотел, а я принимала решение, и потом даже забывала, что на самом деле этого хотел именно он. Но в нашей семье никогда не экономили на учебе и отдыхе. И если заходила речь о том, заниматься ли девочкам танцами, ходить в школу, где не один иностранный язык, а два, но это дороже, то мой муж денег на образование никогда не жалел.

…Моим детям, считаю, повезло, что у них такие родители, которые никогда не спрашивали, какие оценки они получили, позволяли им не ходить в школу, когда они уставали, какое-то время, правда, вынужденно, давали им домашнее образование. Представьте — ребенок должен идти в школу рано утром и выдерживать 10-часовой стресс— это безумное чередование предметов: физика, спорт, математика. Даже будучи домохозяйкой, в течение дня переключаясь с одного решения на другое, я здорово устаю. А детям в школе приходится переключаться с одного предмета на другой минимум шесть раз, каждые 45 минут. А еще они должны делать домашние задания, отвечать на уроках, получать оценки. И за эти оценки их может отругать сначала учитель, а потом — родители. Представляете, какой это колоссальный стресс?»

Честно говоря, из этого высказывания Людмилы Путиной трудно сделать вывод, что она придерживается методов жесткого воспитания. Как и из многих других. Вот, например, в другом

интервью она говорит: «…Я ничего специально не делала, чтобы их обучать до школы чему-либо. Как мне представляется, у наших детей было счастливое детство…Я как мама просто давала детям разностороннее образование и хорошее воспитание. И никогда их не мучила. Всегда контролировала, чтобы они высыпались, были бодрыми, веселыми, чтобы они осваивали все это в хорошей физической форме. Мне кажется, что родители действительно могут в раннем возрасте заложить лишь основу для различного рода деятельности в будущем. Наши дети занимались танцами, играли на скрипке, фортепьяно. Сейчас, например, они танцуют с огромным удовольствием…» (Комсомольская правда. 02.06.2006).

Так или иначе, строгость или понимание родителей дали свои плоды, но результаты в самом деле, похоже, получились отличные: «С ними всегда было просто, — говорила Людмила в другом интервью. — Иногда даже я думала: боже мой, какие у нас воспитанные дети, какие дисциплинированные. Даже сердце в такие минуты щемило. У нас с ними очень хорошие отношения сейчас» (Российская газета. 01.06.2005).

Но дело не только в дисциплине и умении себя вести. Родители сумели научить своих дочерей правильно воспринимать окружающую действительность, статус своих родителей и, несмотря на свое привилегированное положение, хорошо относиться к людям.

ЖИЗНЬ ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

«…Конечно, элемент несвободы появился, — рассказывала журналистам Людмила Путина послетого, как муж стал президентом. — Но девочки у нас получились — ох, не сглазить бы — какие-то очень умные по жизни. Я надеюсь, что все эти перемены на них не скажутся».

Наверно, не сказаться такие перемены не могли. Но все же головы у девочек от них не закружились. Во всяком случае, судя по их словам, кажется, что они разбираются в ситуации и даже в людях на удивление трезво.

«Честно говоря, в школу хочется, — делилась тогда с журналистами своими чувствами Маша. — Там, конечно, задают всякие вопросы про папу. Интеллигентные люди не спрашивают, а неинтеллигентные спрашивают. Ну, те, которые очень любопытные. Когда папа стал премьер-министром, нас стали очень уважать, резко так стали уважать. Но знаете, некоторые ведь льстят, подлизываются. И это очень чувствуется. Есть такие, которые на улице рассказывают: я знаю Путину. А вообще, кто со мной в прошлом году дружил, те и сейчас дружат.

— Вообще-то политика нас не волнует, — дополняла Катя. — Мы зовем папу смотреть мультики с нами, и он иногда смотрит. А еще у нас сейчас любимый фильм «Матрица», но папа его не видел. Мы его приглашали. Он сказал, что нет времени, но потом обязательно посмотрит. Мы сначала пошли в кинотеатр на Красной Пресне и посмотрели этот фильм на русском, а потом купили кассету на английском. В школе у нас три языка — немецкий, английский и французский.

— И уроков задают очень много, — жаловалась Маша. — Даже когда мы в школу не ходим, уроки все равно задают…

— Нас в кино охраняют, — продолжала рассказывать о новой тогда для них жизни Катя. — Человек сидит, кино смотрит, я думаю, заодно нас охраняет. А вообще охрану мы почти не замечаем. Даже когда с друзьями куда-то ходим, они так, рядышком, стараются не мешать. Мы их тысячу раз звали с нами кофе попить, но они не соглашаются».

Журналисты еще поинтересовались, много ли внимания уделяет дочкам папа, часто ли видят девочки своего отца.

Оказывается, видят чаще по телевизору, чем дома. Но, по словам Людмилы, он всегда к ним заходит, когда бы ни пришел. Хотя мама считает, что девочки должны ложиться спать в одиннадцать. Если просрочили, то в субботу никого не приглашают в гости.

«Это, наверное, слишком строго, — говорила Людмила, — но иначе они будут сидеть до трех ночи. Я за самоконтроль. Если сидят до трех, то знают, какие будут последствия».

Конечно, это речь о детстве. Теперь дочери Путина уже взрослые и своим временем распоряжаются, видимо, более свободно. Но и сейчас интересен ответ Людмилы Путиной на вопрос журналиста, который, наслушавшись ее рассказов о том, как папа балует дочек, спросил, могут ли они из своего отца вить веревки.

«Из их папы веревки вить никому не удастся», — ответила она, как отрезала.

Кто большее влияние оказывал на дочерей — мама или папа, — сказать трудно. Главное, что получилось. Пока о Кате с Машей все говорят только хорошее. Например, работники одного из спорткомплексов в подмосковной Жуковке, где девочки занимались фитнесом, утверждают, что дочки Путина действительно были очень вежливы и корректны, в отличие от многих других членов «крутых» семейств. О том же рассказывал и Олег Блоцкий, биограф Путиных, не раз бывавший у них дома.

«Я нередко приезжаю в гости к Путиным и вижу их в неформальной обстановке. Однажды приехал поздно, Людмилы Александровны дома не было. Она позвонила, извинилась за опоздание и предложила, чтобы Маша, старшая дочь, накормила меня ужином. Я, помнится, сказал, что один есть не буду, если только с девочками за компанию, чтобы никого не утруждать… В конце концов решили вообще ничего не готовить. Маша была очень занята, сказала, что заниматься надо. Время было — начало десятого вечера. А вообще они очень веселые, шутят постоянно, смеются, очень по-доброму подкалывают друг друга».

Несмотря на то, что жизнь девочек проходила под грифом «секретно», они регулярно ездили с родителями за границу (правда, как уже было сказано, с борта самолета их выводили, когда журналисты из аэропорта уже уехали), занимались фитнесом и ушу, совершенствовали языки, с удовольствием «гуляли» по Интернету. Компьютер они начали осваивать только лет с четырнадцати. Два года занимались с преподавателем. Стали «продвинутыми» пользователями, причем одинаково хорошо могут работать на клавиатуре с русским и английским шрифтом. «Общаются» они с колоссальной скоростью. Но и книги не забывали читать. Что касается Владимира Владимировича, то он в ту пору считал: «Все хорошо в меру. Интернет — это полезная вещь. Оттуда должна извлекаться нужная информация для образования, развития человека. А если это болтовня часовая, то толку нет». По информации РИА «Новости», отвечая на вопрос

о том, как в семье президента оптимизируют пользование Интернетом, Путин заявил: «У нас супруга моя оптимизирует это достаточно эффективно. Она заводит определенный код и до того, пока она этот код не использует (не введет, очевидно. — ***Авт.),*** зайти в него (Интернет) невозможно». Президент сказал, что знает код только его супруга…

Время от времени под охраной Машу и Катю даже вывозили в столичные дискотеки. Родители по этому поводу вроде бы не беспокоились: вычислить их дочерей довольно трудно, ведь в лицо девушек, как уже говорилось, люди не знают. Еще Маша с Катей очень любят животных. У них были свои собачки, которых они обожали: пудельки Тося и Родео, любят и «личную собаку» папы — лабрадора Кони. Что касается музыкальных пристрастий, то в те времена дочери Путина любили Земфиру…

В отличие от многих своих сверстников, несмотря на возраст, Маша и Катя крайне редко, по словам их мамы, использовали жаргонные слова, причем в течение дня говорили как минимум на трех языках. «У них есть стремление правильно говорить на любом языке, и не просто правильно, а красиво, — считает Людмила Путина. — В то же время мои дети понимают: когда человек красиво говорит на родном языке, он проявляет к нему уважение, а значит, и уважение к своей стране» (Российская газета. 01.06.2006).

Некоторое время назад в СМИ и Интернете активно обсуждалась сенсационная новость — одна из дочерей Путина, какая — не известно, выходит замуж. За кого — не известно тоже. Свадьба должна была состояться на греческом острове Санторин, там даже якобы все места в пятизвездочных отелях были раскуплены будущими участниками этого грандиозного события. Однако потом все это оказалось газетной «уткой». Теперь не менее активно пишут о том, будто бы Маша вышла замуж за сына южнокорейского то ли дипломата, то ли адмирала, причем отец вначале разгневался, а потом, познакомившись с будущим зятем, выбор дочери одобрил. Впрочем, в конце апреля 2012 г. появилась такая информация: «Сын южнокорейского адмирала, 28-летний Юн Йонг Гу, которого местные СМИ в течение двух последних лет прочили в мужья младшей дочери премьер-министра и избранного президента РФ Владимира Путина, вновь публично опроверг «слухи» о предстоящей свадьбе с 26-летней Екатериной Путиной и рассказал, что они уже давно не встречаются, пишет газета The Chosun llbo. «Мы перестали встречаться полтора года назад, когда в прессе появились первые слухи о назревающей женитьбе, — поведал «жених» в интервью TV Chosun. — Сейчас мы общаемся время от времени».

В сентябре 2009 года сразу несколько газет написали, будто одна из дочерей премьера РФ Владимира Путина вышла замуж. Об этом проговорился в радиоэфире писатель Александр Проханов, отметивший, что с семьей экс-президента породнился некий российский олигарх. Российские СМИ обсуждали, что женихом стал младший сын министра обороны РФ Анатолия Сердюкова, а невестой — младшая дочь премьера 23-летняя Катя. Примечательно, что ранее Сердюков был зятем Виктора Зубкова, тогда тоже премьера РФ.

Как с иронией высказалась на эту тему газета «Собеседник», «дочерей Путина «выдают замуж» часто, но неудачно». Машу, например, на Санторине «сосватали» за мини-олигарха Георгия Трефилова (прошлой осенью бизнесмена объявили в розыск — наверное, потому, что жениться не стал. Шутка), а Катю в Сеуле недавно «выдали» за сына корейского дипломата (тот, как мы видим, тоже от свадьбы отрекся). То на одной, то на другой женят сына министра обороны Анатолия Сердюкова (но у того, как на грех, тоже только две дочери).

Почему о членах семьи Владимира Владимировича мы знаем так мало, несколько лет тому назад, еще в бытность президентом, пояснил он сам: «К сожалению, у нас много проблем, связанных с терроризмом, и мы просто обязаны думать о безопасности членов семьи, прежде всего детей, дочерей, — сказал он в одном из своих интервью. — Они живут нормально, обычной жизнью, учатся в университете. Они довольны, у них есть друзья, все в порядке. Но вытаскивать их на публичную общественную сцену я не считаю нужным, да и они этого не хотят».

Маша и Катя Путины давно уже стали взрослыми, но установки Владимира Владимировича остались прежними — его личная жизнь, как и жизнь его семьи, продолжают оставаться непубличными. Как и следовало ожидать, не изменились они и в связи с выборами и новым президентским сроком. Во всяком случае, на встрече с редакторами западных газет уже после выборов на их вопрос о супруге он ответил: «Она человек не публичный и не хочет этой публичности. Больше того, современные средства массовой информации очень безжалостны, и не любой человек готов это все пропускать через себя, — ответил Путин. — Вы же видите, что члены моей семьи не занимаются ни политикой, ни бизнесом, никуда не лезут, и я бы хотел, чтобы все их оставили в покое. Это связано с их личным благополучием, с безопасностью».

Собственно, это понятно любому непредвзятому человеку, и Путин только подтвердил уже высказанные автором предположения. Владимир Владимирович рассказал также, что

его дочери заканчивают университет и уже начинают заниматься научной работой. «У них все в порядке», — подытожил Путин.

«WHO IS MISTER PUTIN?» (Инопресса о Путиных)

ПРОГНОЗЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос «Who is mister Putin?», который в свое время задал Владимиру Путину известный американский ведущий телеканала CNN Ларри Кинг, казалось бы, давно перестал быть актуальным. За двенадцать лет, которые Путин находится на вершине властного Олимпа России, неважно, находится ли он на посту президента или премьер-министра, все вроде бы изучили его досконально. Все вроде бы убедились, что Путин — лидер нового типа, умный, энергичный, обладающий прекрасной политической интуицией и отличной физической формой, гибкий, умеющий производить впечатление на любого собеседника и любую аудиторию. Он не любит вопросов о его личной жизни, хранит верность друзьям (хотя, по совести говоря, далеко не все из них такое отношение заслуживают) и своим обязательствам, если он когда-то кому-то их дал. Он не производит впечатления демагога или говоруна, несмотря на его многочасовые «прямые линии» с народом и даже несмотря на то, что демагогия в его ответах на вопросы граждан, конечно же, присутствовала.

То есть как политик он, безусловно, состоялся.

А поскольку Владимир Владимирович с политической арены сходить не собирается — мало того, что он в третий раз становится Президентом России, так и в мировом масштабе у него, оказывается, огромный политический вес (в 2011 году он занял второе место в рейтин-ге самых влиятельных людей мира по версии журнала Forbes, уступив первое место лишь президенту США Бараку Обаме), — то исследования его персоны до сих пор продолжаются с неослабевающим интересом. Откроем в любой день сайт «Инопрессы», и в глазах зарябит от фамилии нашего президента в заголовках иностранных изданий. Так было все эти годы, точно такой ситуация остается и сегодня.

Особенно интересно, какую трансформацию претерпели за это время оценки его личности и его деятельности в мире, как менялось на Западе отношение к нему и России, что можно проследить на примере публикаций в зарубежных изданиях. Оно изменялось со временем и с политикой, которую он проводил. Так, например, в марте 2001 года писали следующее:

«Вчера исполнился ровно год со дня избрания Владимира Путина президентом России. Эту дату глава государства отметил по-деловому: встречей с руководителями фракций и депутатских групп Госдумы. Никаких пышных торжеств не проводилось. Специальных обращений к народу — тоже. То ли это стиль руководства, толи похвастаться особо нечем. Тем

временем зарубежные и отечественные СМИ вовсю комментировали это событие и обсуждали, каких же результатов добился Путин за год правления государством. Мнения самые разные.. — от умеренно-сдержанных до крайне негативных. Иностранная пресса в основном иронизирует, называя российского президента «колдуном, манипулятором и монстром».

Газета Tageszeitung считает, что, собственно говоря, в этом году всеобщий любимец не достиг особых успехов. Тем не менее, ни одному политику в России не доверяют больше, чем ВВП — Владимиру Владимировичу Путину. Женщины даже считают его «самым сексуальным мужчиной 2000 года» в России. Он не курит и не пьет, занимается спортом, любит жену и дочерей. «Чего же еще желать?» — спрашивает одна из избирательниц…Как считает социолог Юрий Левада, занимающийся изучением общественного мнения, Путин «дал русским надежду». Начиная с 90-х годов они впервые испытали гордость по поводу первого лица в государстве. Благодаря Путину они избавились от комплекса неполноценности и вновь обрели самосознание…» (Инопресса. ру. Обозрение «Годовалый Путин: разочарования и надежды». 27.03.2001, http:// press.try.md/view).

В этом смысле — в смысле ожиданий и симпатий народных масс— в настоящее время, в начале 2012 года, ситуация переменчивая. Многими, возможно большинством граждан, Путин по-прежнему воспринимается как человек, которому нет альтернативы, — он удовлетворил запрос общества на стабильность, на порядок, на предсказуемость, запрос на патриотизм. Надо признать, что и уровень жизни в стране за эти годы повысился. Но сегодня общество изменилось, изменились и его запросы.

Каковы же главные проблемы, волнующие людей?

Первая и главная — колоссальное имущественное расслоение между кучкой сверхбогатых нуворишей и остальным народом. Причем все знают, что основано их богатство не на их выдающихся талантах и способностях, а на присвоении собственности, созданной всеми и принадлежащей всем. Это фабрики, заводы, транспорт, энергетика и т. д. — то есть все то, что раньше называлось «народным хозяйством». А также земля, ее недра и все, что в них. И, как издевательство, — венчающая и закрепляющая такое неравенство плоская шкала налогов, уравнивающая санитарку из больницы с Абрамовичем.

Это разрушенное сельское хозяйство, из-за чего мы вынуждены закупать продукты третьесортного качества за

рубежом, что пока нам милостиво позволяет Запад. Захочет отказать, лишимся и этого. Горожанам, не имеющим дач, видимо, придется тогда либо умирать с голоду, либо идти захватывать и вновь осваивать земли, которые сейчас повсюду зарастают бурьяном, а часто уже и подлеском. А что будет после вступления в ВТО, о чем так мечтал наш Дмитрий свет Анатольевич и что, наконец, свершилось, вообще никто не знает.

А еще это огромная, никак не совпадающая с официальной, инфляция, постоянный рост цен и тарифов при все более низком качестве услуг.

Это засилье мигрантов, на порядок снижающих стоимость местной рабочей силы, и огромная преступность, с ними, мигрантами, связанная.

И преступность, с мигрантами не связанная, тоже огромная.

Наконец, это коррупция, обман и банальное воровство во всех сферах нашей жизни. Во всех без исключения.

Чувствует ли проблемы, волнующие народ, Путин? Похоже, да, он уже начал об этом говорить, писать статьи. Прозвучала тема с офшорами, затем о так называемых залоговых аукционах наших государственных нефтяных компаний, которые народ называет «кражей века», о национальном вопросе. Сейчас все дело в том, насколько решительно и жестко он будет не только говорить, но и действовать.

Однако особенность Путина в том, что он не любит резких решений, не любит расставаться с людьми из своей команды, не хочет идти на популистские меры. И, кажется, его статья об экономических проблемах это подтверждает — он верен себе и своим либеральным воззрениям. Однако радикальные решения ему, скорее всего, все же придется принимать. Изменения необходимы. Поэтому особенно интересно посмотреть с точки зрения сегодняшнего дня на анализ и прогнозы, которые тогда, десятилетие назад, делались в западной прессе.

«Пока все проблемы страны обосновывались наследством прежнего режима. Однако Путин пока не спешит с представителями этого режима рвать окончательно и бесповоротно, хотя критике подверглось уже многое из того, что сделал Ельцин и его реформаторы. Это может означать только одно: и через год пребывания у власти Путин пока не обладает достаточными силами, чтобы начать комплексное осуществление назревших реформ. К сожалению, время на проведение их либеральным, более-менее «демократическим» путем кончается. Вполне возможно, эти реформы все же будут проведены позже, в более тяжелых условиях, более жесткими мерами и потребуют больших моральных и

материальных жертв. Но проводить их будут, скорее всего, уже совсем другие люди, а не те, кто пока постоянно крутится рядом с Президентом… У него была масса возможностей. Но… было бы обидно, если о человеке, обладающем столь большим потенциалом, сказали бы словами Салтыкова-Щедрина: «Мы от него кровопролитиев ждали, а он, дурак, чижика убил»… (Там же).

Ну, большинство населения страны, в отличие от авторов той давней статьи, «кровопролитиев» как раз не ждало, как и комплексных реформ. Напротив, надеялось избежать и того и другого, так как по горькому опыту знало, что в нашем случае реформы, тем более комплексные, означают только одно — разрушение еще оставшегося с советских времен потенциала. Надо сказать, реформы все же шли, правда, ни шатко ни валко. Стоит вспомнить хотя бы о реформе армии или административной реформе. Зато выстраивалась властная вертикаль, отдалялись олигархи… А люди вокруг президента, в большинстве своем, и сегодня все те же. Были убраны постепенно, один за другим, лишь члены пресловутой ельцинской семьи — Волошин, Касьянов и другие, менее заметные лица, близкие к ельцинской команде. Путинская команда и стала тем самым «слабым звеном» путинской политики, которое и поставило его в нынешнее двусмысленное положение. Но об этом позже. А сейчас продолжим экскурс в нашу совсем недавнюю историю.

В 2003 году наибольшее внимание иностранной прессы привлекли одобренные Советом Федерации налоговые и «федеративные» законы, а также сюжет «олигархи и Путин». Зарубежные СМИ в основном одобрительно относились к действиям Путина в отношении олигархов и губернаторов, не забывая в то же время предостеречь его об опасностях, сопутствующих чрезмерной концентрации власти в одних руках, т. е. главным образом об авторитаризме.

У немецкой Der Standard создалось впечатление, что Владимиру Путину удается все, что бы он ни задумал: отобрал власть у губернаторов, прижал олигархов, блеснул на Окинаве, добился поддержки в нижней палате парламента и армии. Что же он будет делать дальше? — вопрошает Der Standard. С этим пока ясности нет, но автор склоняется к мысли, что ***«Путин делает ставку на авторитарную государственную систему, которая стала бы для граждан страны повелевающей инстанцией, диктатурой закона. А законы устанавливались бы исключительно президентом».*** Называет все это газета почему-то «либерал-большевизмом».

В своей редакционной статье Financial Times пишет, что за

три года Путин «извлек все возможное» из своей убедительной победы на выборах, показавшей, насколько общество ему доверяет. Все возможное, по версии редакции, это как раз ограничение власти олигархов и губернаторов, принятие налоговой реформы. При этом на первое место ставится победа над губернаторами, действия же в отношении олигархов, полагает газета, менее важны, хотя и больше бросаются в глаза: «вряд ли крупных бизнесменов собирались лишить каких-либо полномочий или привилегий». Как и Der Standard, английское издание интересует, как воспользуется президент своей властью. С одной стороны, Налоговый кодекс и рейды налоговой полиции позволяют надеяться, что власть всерьез хочет добиться уплаты налогов. С другой стороны, «существуют сомнения в том, что его антикоррупционные меры действительно будут беспристрастны». ***Общий вывод автора: для экономики Путин хорошо, для прав человека — сомнительно.***

Следующий, 2004 год стал годом триумфальной победы Владимира Путина на президентских выборах. Соперников ему не было. Как раз тогда в марте 2004 года в Германии вышел документальный фильм Ани Брекер и Альбрехта Райнхардта, рассказывающий о личной и политической биографии Путина. Несколько минут фильма было посвящено и пяти годам пребывания семьи Владимира Путина в Германии. Бывший работник «Штази» рассказывал; ***«Путин во всем соблюдал меру. Если пил, то пил только пиво сорта «Радебергер». Его никогда не видели пьяным. В обществе любил острить и бывал душой компании».*** Бывший коллега вспоминает о трудоспособности и строгости Путина в роли секретаря первичной партийной организации. Путин с самого начала не одобрял горбачевскую перестройку: для офицера КГБ идеальной государственной системой был гэдээровский социализм, считает DW-World.

Что интересно, за пять лет неустанного труда и титанических усилий некоторые наконец-то отыскали ответ на вопрос «Who is mister Putin?». Хотя бы для себя. Так, французская «Фигаро» писала в 2004 году: ***«Ответ на поставленный четыре года назад вопрос «кто такой Владимир Путин?» звучит однозначно. Владимир Путин — это Россия. Точка. В самом деле, как и сама Россия, хозяин Кремля недоступен для понимания. Те, кто с ним общался, хорошо это знают: часто они уходят удовлетворенными, но совершенно сбитыми с толку. Этот человек обладает способностью очаровывать людей. Бывший агент КГБ настолько хорошо умеет улавливать желания своих собеседников, что может даже копировать их имидж».***

Непонятно только, чему тут удивляются журналисты. Ведь это же известная психологическая уловка, знакомая всем, кому по роду своей деятельности приходится работать с людьми, — если ты хочешь вызвать симпатию у человека, подружиться с ним, постарайся быть на него похожим. А у Владимира Владимировича, как мы знаем, именно такая работа и была. И он научился хорошо ее делать. Путину, особенно в первые годы его президентства, надо было завоевать симпатии лидеров ведущих держав, что он успешно и осуществил. Как писал в своей книге, вышедшей в 2008 году, известный тележурналист Владимир Соловьев, «Практически каждый, заходящий к Путину в кабинет, выходит оттуда абсолютно счастливым и очарованным им. Евгений Киселев приписывает это профессиональным навыкам Владимира Владимировича, развитым у него во время службы в разведке, но я не считаю это предположение близким к истине. Огромное число людей, прошедших схожую подготовку, не вызывают и тени такого рода эмоций, в том числе и сам многоуважаемый господин Киселев… Так что дело тут совсем в другом. Причина обаяния Президента, по-видимому, кроется в колоссальном магнетизме его должности, помноженном на выдающиеся личностные характеристики самого Путина. Он нравится — это его неотъемлемая особенность». В смысле — нравится людям. Умеет обаять. И в этом мы, действительно, убедились за время путинского правления.

А еще через год, подводя его итоги, американская газета The Washington Times писала: ***«2004 год можно считать, по сути, первым годом правления Путина в России.***

Для него и его страны этот год стал годом трагедий, перемен и противоречий, символами которых стали соответственно Беслан, ЮКОС и Украина. Вне зависимости от того, что утверждают критики в России и за ее пределами, Россия Путина не идет в неверном направлении. Сейчас будущее России напрямую зависит от того, сможет ли она учиться на ошибках прошлого. Отчет об истекшем годе в России неотделим от роли и личности президента Владимира Путина. После пяти лет у власти судьба России и судьба Путина стали практически синонимами. Переизбранный в мае на второй срок, он поставил своих людей на все ключевые должности и окончательно утвердился у власти. При невероятной популярности на родине, он со своим специфическим стилем в политике заставил Россию занять оборонительную позицию по отношению ко всему миру…»

И выводы:«… первый год полновластного правления Путина запомнится как год, когда Путин окончательно

утвердился во власти. Его план захватить российский энергетический сектор удался, хотя тактика, которую он использовал, многим пришлась не по вкусу. Эффективность борьбы с терроризмом в России под вопросом.

В условиях политического подъема на Украине и просчетов Кремля украинские выборы тоже стали значительным событием «первого» года Путина у власти. Иногда лучший способ помочь своим друзьям, — заканчивает газета, — это стоять в стороне».

Да, тут остается только согласиться с американцами. Наше участие в украинских выборах и назойливая поддержка Януковича были очевидным провалом российской политики. Тем не менее, нельзя не видеть и того, что усиление России как государства, проведение ею и ее первым лицом более независимой политики неизменно вызывает усиление критики со стороны Запада. Так, что иногда сами западные журналисты испытывают неловкость, признаются в том в своих статьях и даже становятся на защиту Владимира Путина. Именно так, «В защиту Владимира Путина», назвал свою статью Дэвид Хоуэлл в «The International Herald Tribune», вышедшую 2 марта 2005 года.

«Европейский Союз и Джордж Буш, — писал он, — решили для разнообразия найти наконец вопрос, по которому они могут занять одну и ту же позицию — неправильную, кстати. Речь идет об их отношении к России.

Во время недавней поездки по Европе Буш не упустил ни малейшей возможности, включая и свою встречу с президентом Владимиром Путиным, поучить русских прелестям демократии, прав человека и правопорядка. Во всех его словах без труда читалось, что, на его взгляд, Россия скатывается обратно к авторитарному правлению.

Те же самые песни поют и в верхушке Европейского Союза, который оптом осудил все последние движения Путина по централизации власти в Москве и кажущемуся ослаблению регионов.

…Многочисленные и громкие голоса, критикующие Путина, одинаково раздаются и справа и слева, что, кстати, можно квалифицировать и как признак того, что он идет по умеренному среднему пути, а не того, что он восстанавливает тоталитарную структуру.

.. Эту ситуацию можно изменить. По мере того, как в Россию будет поступать все больше и больше нефтяных богатств, она восстанет — не нелюбимой и отвергнутой нацией, а мостом между Западом и Востоком. Западные «эксперты», которым сейчас так нравится ославлять на весь

мир Путина, тогда могут сильно пожалеть о том, что в свое время они не пришли на помощь, когда она действительно была нужна, а вместо этого ничего не хотели слышать и только и занимались тем, что обливали страну грязью. Из Москвы, по крайней мере, кажется, что они занимаются именно этим».

И ведь был, был момент, когда казалось, что именно так и будет: и Россия восстанет, и будет мостом между Востоком и Западом. Был именно в те годы президентства Путина, во время его второго срока. А потом все не то, чтобы рухнуло, а как-то рассеялось — как сон, как утренний туман…

Не за этот ли момент так ненавидят Путина: одни — боясь повторения и реального усиления России и ее авторитета в мире, другие — за то, что в результате все обернулось пшиком во главе с «продвинутым», «твиттер-ным» преемником?

С ПУТИНЫМ ГЛАЗА В ГЛАЗА — НО НЕ ЗАГЛЯДЫВАЯ В ДУШУ

Но тогда, в момент наивысшего подъема внешнего и внутреннего авторитета Владимира Путина, все смотрели на него с ожиданием, пытаясь угадать будущее и соревнуясь в знании характера и аспектов жизни российского президента.

«Россия не является подлинно демократическим государством европейского образца, и неясно, станет ли она таковым, — предупредил в преддверии саммита G8 в Санкт-Петербурге Жозе Мануэль Баррозу, президент Еврокомиссии. Баррозу… уже провел восемь встреч с российским президентом и похвально отзывается о его личных качествах. «Мне доставляют наслаждение и нравятся беседы с президентом Путиным, — сказал он. — Это человек, который не просто читает сводки, лежащие перед ним, — он знает сводки, но любит развернуть дебаты, дискуссию. В личном отношении он очень мягкий человек, очень вежливый, очень нежный. Таким вижу его я. Конечно, это не значит, что мы всегда должны соглашаться по всем вопросам».

Баррозу указал, что Россия многое пережила за свою историю и слишком озабочена важностью своей силы на международной арене. ***«Я думаю, президент Путин — сильный лидер и очень привержен идее сильной России. Я не сомневаюсь, что он считает демократию лучшей из возможных политических моделей. По крайней мере, так говорит мне он. В то же время он хочет продемонстрировать своеобразие России. В России никогда не было полной демократии. Россия жила при царизме, затем при социалистической системе. Я полагаю, Путин хотел бы, чтобы Россия была современным государством с устоявшейся функционирующей демократией» (источник: lnopressa.Ru).***

«Владимир Путин любит поздно начинать свой рабочий день, — сообщает французская «Le Monde» в статье «Газовый царь Владимир Путин» в июле 2006 года. — Утром в своей резиденции в Ново-Огарево, расположенной в престижном зеленом пригороде на западе от Москвы, он ездит верхом или несколько раз переплывает бассейн.

Пятидесятитрехлетний президент России — невысокого роста, стройный — следит за своей физической формой. Он любит заниматься спортом: горными лыжами и дзюдо. Он не был замечен в чрезмерном увлечении алкоголем или

неподобающем поведении на публике. Иногда на «голубом экране» мы видим его с чашкой чая в руке. Эти мелочи импонируют гражданам России, которые до сих пор не забыли малопривлекательные «подвиги» и физическую деградацию Бориса Ельцина. Владимир Путин крайне работоспособен, его встречи зачастую длятся до поздней ночи. Он работает с документами, изучает статистические данные.

Он сдержан и очень прилежен. Путина нельзя назвать харизматичным оратором, способным зажечь толпу, в отличие от его белорусского соседа, президента Лукашенко, который его раздражает. Но у него хорошо поставлена речь, он говорит понятно, с резковатым юмором…

…Каждый вечер национальное телевидение преподносит россиянам портрет решительного и непогрешимого президента. Между собой члены его окружения отзываются о нем как о нерешительном президенте, склонном подпадать под влияние разных людей. «Он — человек, и он совершает ошибки», — поведал однажды журналистам бывший глава администрации президента Александр Волошин. Например, в деле ЮКОСа, которое Владимир Путин полностью не контролировал…»

Ошибки-то Владимир Путин, конечно, совершал и продолжает их совершать, тут спорить не приходится. Однако что касается склонности подпадать под чужое влияние и нерешительности, то у граждан России такого впечатления не создалось. Другое дело, что он не спешит с решениями, но зато потом их и не меняет. Категорически не любит менять, даже если уже очевидно, что сделана ошибка. Впрочем, автор вышеприведенной статьи тут же сам опровергает свои слова о нерешительности, то есть слабости характера Путина.

«В ходе встреч в течение последних месяцев с руководством западных стран президент России продемонстрировал напористость и уверенность в себе. «Он одержим только одним вопросом—энергетикой, — сказал один европейский источник, который беседовал с Путиным. — Он говорит с позиций национализма, ставит энергию во главу угла российского могущества. К тому же он демонстрирует величайшее презрение по отношению к американцам, которые, по его мнению, так и не поняли, как устроен мир, терроризм, ислам…»

Ну, все же вряд ли Владимир Владимирович демонстрировал величайшее презрение. Тут автор явно преувеличивает и домысливает. Даже если бы он его и испытывал, то, как умный человек — а он, безусловно, умный человек — демонстрировать

свои чувства не стал бы. Хотя то, что американцы так и не поняли, как устроен мир, в России считает не только Путин. Примером этому может послужить удивительное пожелание Буша, которое он высказал во время совместной пресс-конференции с российским президентом на саммите «большой восьмерки» в Петербурге (в 2006 году) построить в России такую же демократию, как в Ираке.

Тут уж Путину оставалось только «принять подачу», что он и сделал, заявив с убийственной вежливостью: «Нам бы, конечно, не хотелось, чтобы у нас была такая же демократия, как в Ираке» — и вызвав громовой раскат хохота у журналистов. В самом деле, демократия, когда каждый день на улицах и дорогах страны гремят взрывы, в которых гибнут люди (а обстановка в Ираке в 2006 году была страшная), как-то не привлекает. Мы же не навязываем всему миру свой опыт установления добрососедских отношений, хотя успехов у нас в этом на протяжении всей нашей истории было никак не меньше, чем у Америки.

ИТОГИ ПЕТЕРБУРГСКОГО САММИТА: ПУТИН ПОЛУЧИЛ, ЧТО ХОТЕЛ?

Вообще, что касается того петербургского саммита 2006 года, то на нем Владимир Путин показал себя во всем блеске ума и остроумия, уверенно встав на равную ногу с лидерами западных держав, а кое в чем и превзойдя их. Например, в умении общаться с прессой и находить слабые места у высокомерных глав западных держав. Это, разумеется, тут же заметили западные журналисты.

«Лидеры G8 страдают от острого языка Путина», — сообщила лондонская «The Times». — На прошлой неделе жертвой стал Дик Чейни. В субботу— президент Буш. Потом наступила очередь Тони Блэра. Похоже, никто не защищен от язвительных шуток президента Владимира Путина.

Вчера лидеры стран мира, должно быть, раздумывали, кто же будет следующим, когда глава Кремля вызвал неловкость двоих из своих гостей на саммите G8 ехидными шутками об их демократических достижениях. Однако они были бессильны что-либо ответить человеку, находящемуся на пике своей политической карьеры и у кормила возрождающегося экономического «локомотива».

«Что можно сказать человеку, подчинившему себе погоду?» — сказал один из западных дипломатов, услышав о том, что российские власти разгоняли облака над Санкт-Петербургом, чтобы предотвратить ливень».

Ливень, как мы помним, все-таки был, но успех Путина погода не омрачила.

Как считает Владимир Дегоев, профессор МГИМО, «по сравнению с предшественником, Путин владеет безупречным, аристократичным стилем публичного поведения, чувством меры и вкуса. Он точно знает, что, где, сколько и как сказать (причем в общении с иностранными коллегами — на понятных им языках). Умеет быть или казаться жестким и сверхофициальным, обаятельным и домашним. Искренность его внешне порой настолько убедительна, что забываешь о профессиональной «шинели», из которой он вышел, той самой — застегнутой на все пуговицы. Он не чужд артистических приемов и ироничного восприятия вещей, но никогда этим не злоупотребляет».

На петербургском саммите, по-видимому, все же несколько «злоупотребил», чего так и смогли простить ему наши западные «партнеры» и отчего мы тогда, как и многие другие в мире,

уставшие от высокомерного диктата

Запада, естественно, почувствовали удовлетворение. Не случайно китайский журналист во время прощального брифинга Владимира Путина на петербургском саммите заявил: «Для китайцев вы — настоящий герой!» Он не расшифровал свое заявление, но за него это сделали западные журналисты.

«Как бы ни были разочарованы остальные лидеры, приехавшие в прошедшие выходные в Санкт-Петербург на саммит «большой восьмерки», где их совещания вынужденно отошли от запланированной повестки дня и переключились на войну на Ближнем Востоке, президент России Владимир Путин не упустил возможности покрасоваться на мировых подмостках в качестве гордого хозяина, посредника между разными точками зрения и сильного лидера, вернувшего России ее законное место среди ведущих мировых держав», — с ***раздражением писала The Boston Globe, США. «…В лучах ночного света внимания международных СМИ купался Путин, и это был его спектакль»,*** — с ***неудовольствием констатировала Time (США). И далее здесь же:«..Путин все время был в центре внимания, ему все время аплодировали, он верил в то, что российские запасы нефти и природного газа помогут стране восстановить свои позиции на мировой арене…»***

«…Сейчас в экономическом отношении Россия — это уже сила, с которой приходится считаться. И при Владимире Путине, которого решительно не устроил закат России, она — причем с некоторым успехом — пытается снова стать одним из главных игроков на мировом политическом поле», — ***заключала Christian Science Monitor (США).***

«На заключительной пресс-конференции, состоявшейся в понедельник вечером, представители прессы делали то, чего они обычно не делают, — они аплодировали политику… Было видно, что международные средства массовой информации, обычно критикующие президента за политику, воспринимаемую Западом как ущемление демократических свобод, впечатлены происходящим. Это было последнее из множества очков, заработанных Путиным за время трехдневного саммита в Санкт-Петербурге», — ***отмечала United Press International (США).***

«Если для международного сообщества саммит «большой восьмерки» оказался мероприятием, богатым на фотосессии, но лишенным содержания по таким важным вопросам, как кризис на Ближнем Востоке, то президент Владимир Путин покидает Санкт-Петербург, значительно улучшив свои

позиции внутри страны, — написала «The International Herald Tribune» (США) в статье «После «восьмерки»: Путин получил, что хотел». «Для многих россиян отсутствие конкретных результатов было не так важно, как образ Путина, решительно защищающего национальные интересы России и продвигающего свое видение структуры мировых отношений, — пишет газета далее.

… Российские обозреватели практически единодушны в своей оценке саммита: по их мнению, он ознаменовал полное возвращение России в ряд «ведущих стран» мира. Я также слышал версию, что поведение Путина в качестве принимающей стороны полностью изгнало последние остававшиеся призраки ельцинской эпохи, особенно образ больного президента, униженно принимающего «диктат» Запада в обмен на привилегию появляться в компании тогдашней «большой семерки». Даже невозможность достичь соглашения с США по поводу вступления России во Всемирную торговую организацию была представлена как отважная защита национальных интересов и признак того, что Путин, в отличие от Ельцина, не настолько жаждет одобрения, чтобы безропотно принимать все требования американцев.

Кроме того, большинство россиян чувствуют, что любые остававшиеся сомнения относительно членства России в «восьмерке» были развеяны…Россия должна быть в клубе из-за своего геополитического положения, потому что без ее участия не может быть решена ни одна проблема, с которой сегодня сталкивается международное сообщество, и потому что она является энергетической сверхдержавой… Здесь отлично видна способность Путина представить себя — и Россию — как гаранта равновесия… Россия не только не оказалась в изоляции, но и смогла достичь тактического взаимопонимания с другими участниками (например, с Францией по поводу заявления о ближневосточном кризисе) и таким образом добиться того, чтобы ее мнение было полностью услышано. Встречи Путина с премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом (Manmohan Singh) и председателем КНР Ху Цзиньтао (Hu Jintao) также подчеркнули роль России как мостика между Западом и двумя ведущими державами динамично развивающейся Азии».

«За несколько ярких лет, прошедших с тех пор, как Путин в 2000 году взял бразды правления Россией, он преобразовал положение России в мире и ее облик, — дополняет Daily Telegraph. — Теперь, ровно через восемь лет после того, как страна была ввергнута в унизительное положение с 40-

миллиардным дефолтом по внутреннему долгу и девальвацией рубля, Россия успешно погасила долги времен Советского Союза.

Можно себе представить, какую полит ическую выгоду способен извлечь из этого высоко символичного и вместе с тем вполне реального достижения президент, рейтинги которого в России и без того высоки. Путину еще только предстоит освободить страну из тисков бедности с хлебными очередями, но он идет бодрым маршем к этой цели. Путинская Россия не идеальна, но это лучший вариант для Запада», — резюмирует автор статьи.

Да, то докризисное время было временем наивысших успехов Путина и страны, уверенно укреплявшей свои позиции на международной арене. Увы, оно прошло. А за время «царствования» Дмитрия Медведева все эти позиции оказались потерянными. Мы снова увидели то же, что и при Ельцине, преклонение перед Западом, откровенную радость президента огромной и вроде бы снова окрепшей страны при похлопывании его по плечу сильными мира сего и счастье при виде электронных игрушек, которыми они его, словно малое дитя, одаривали. Смотреть на это было столь же тяжело, как и на позорные выходки пьяного Ельцина. Но ведь выбрал его своим «преемником» Путин.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА ГЛАЗАМИ ЗАПАДНЫХ СМИ

Людмилу Путину западные СМИ тоже все эти годы не забывали, хотя и уделяли ей гораздо меньше внимания, чем ее супругу. Может, и к счастью, потому что комплиментов ей они, как правило, не расточали. Вначале ее называли главной загадкой Кремля, хотя свое первое интервью она дала прессе еще в 2000 году — первом году президентства Путина. А до того она и не была первой леди страны. Так с чего бы вдруг ей светиться на страницах газет и глянцевых таблоидов? Она ведь не Раиса Максимовна — во-первых, характер совсем другой, во-вторых, Людмила всегда принципиально отвергала подобный стиль поведения. Об этом рассказывала еще ее немецкая подруга Ирена Питч, о книжке которой мы уже говорили. Тогда немецкую даму немало поражали высказывания Людмилы, в то время супруги заместителя мэра Петербурга, что она никогда не будет вести себя так, как Раиса Максимовна. Немецкая подруга даже видела в том некую манию величия: в самом деле, как может Людмила, муж которой всего лишь малоизвестный питерский чиновник, сравнивать себя с женой столь любимого на Западе первого президента СССР? Однако Людмила, как выяснилось, знала, что говорила.

Если же вернуться к тому первому интервью, то, оказывается, главной сенсацией тогда стало то, что «Люся» (так, по словам западных коллег, российские журналисты величают меж собой Людмилу Путину) вообще что-то сказала, поскольку она «скорее, нелюдима и имеет в глазах общества, за редким исключением, лишь репутацию заботливой жены и самоотверженной матери семейства». Ну а главной темой в нем, как и в последующих, было воспитание детей, которые маму радовали своими успехами и поведением, а главной печалью — слишком большая занятость супруга, настолько большая, что на семью времени у него почти не остается.

Однако это, судя по материалам той же западной прессы, скорее правило для государственных деятелей, чем исключение. Например, жена Сильвио Берлускони в пору его пребывания на посту премьер-министра страны на вопрос журналиста, часто ли она видит своего занятого мужа и общается с ним, ответила: «Да, я не только говорю с ним по телефону, но еще иногда вижу его по телевизору». Лора Буш, описывая вечер в кругу семьи с лидером свободного мира, повеселила американских журналистов

рассказом о том, что ее супруг спит сном младенца уже в девять вечера. А она в это время смотрит по телевизору «Отчаянных домохозяек». Еще более удивила всех Шери Блэр, которая заявила, что ее супруг, английский премьер Тони Блэр, «не из тех, кто дарит цветы». Но самое интересное то, что, оказывается, гарантом верности ее супруга выступает отнюдь не крепость их 25-летнего брака — если он собьется с пути, «я убью его», сказала Шери.

Словом, нелегкое это дело — быть супругой первого лица государства. И не только оттого, что в таком случае семья неизбежно отодвигается на второй план, но еще и потому, что жена тоже становится публичным лицом, каждый шаг и каждый жест которого фиксируется и комментируется. И далеко не всегда по-доброму. Так, немецкая газета Tagesspiegel еще в 2001 году написала, что «между Раисой Горбачевой и Людмилой Путиной лежит пропасть. Даже Наина Ельцина, до сего дня охотно появляющаяся на публике, которая старше ее почти на тридцать лет, кажется значительно более привлекательной». Людмила Путина нелюдима, считает газета, и имеет в глазах общества, за редким исключением, лишь репутацию заботливой жены и самоотверженной матери семейства. Для широкой общественности, пишет Tagesspiegel, жена президента так и осталась «человеком без лица».

В 2003 году во время визита Владимира и Людмилы Путиных в Великобританию британские СМИ говорили о туалетах первой леди России едва ли не больше, чем о политических итогах визита. Например «The Times» показалось, что кремовая шляпа Людмилы «больше шляпы британской королевы в два раза», «Independent» назвала ее гигантской, и все газеты дружно решили, что она «абсолютно не к лицу российской первой леди». После чего были раскритикованы все российские первые леди, начиная с Нины Хрущевой. Хотя наши российские СМИ, напротив, писали, что выглядела Людмила лучше и одета была изящнее, чем английская королева, да и держалась весьма непринужденно.

Что ж, вкусы у всех разные. Может, у Людмилы Путиной он и не безупречен, но репутация заботливой жены и самоотверженной матери у нас до сих пор ценится более, чем красивые туалеты. Не доросли, видимо, еще мы, убогие, до западного феминизма. Поскольку именно за это и достается более всего Людмиле.

«Людмила Путина — нормальная, то есть чрезвычайно необщительная, жена первого лица в российском государстве», — сделала вывод лондонская The Guardian после интервью, которое дала Людмила «Российской газете» в 2005 году. Далее столь же смелый вывод делается и о ее семье, как и

вообще о российской семье. ***«Может быть, кому-то такая семья и покажется неправильной и авторитарной, но для России она — образцовая. Муж— жесткий человек авторитарного типа, настоящий трудоголик— приходит к домашнему очагу на зеленой окраине города между половиной двенадцатого и полуночью, совершенно разбитый, падает в кресло и выпивает стакан кефира. Его близкие знают, что теперь можно подойти к нему, спросить на что-то совета или разрешения, но ни в коем случае не спрашивать о работе. Он ворчит про себя, шутит — всегда с долей черной иронии, что всегда смущает его верную жену, обожающую его уже много лет, — и очень редко советуется с домашними по миллиардам проблем, не отпускающим его голову и любимую родину*** (вряд ли он вообще хоть когда-нибудь это делает, поскольку ни Людмила, ни дочки советниками тут выступать никак не могут. — ***Авт.), а затем отправляется спать». И далее: «В семье Путиных царит образцовая славянская гармония. Мужскую работу по зарабатыванию денег женщина полностью доверяет мужчине. Мужчина оставляет на ее попечение детей».***

Тут же газета отмечает: «…в отличие от своего предшественника Бориса Ельцина, путь к кабинету которого для многих лежал через общество его супруги и дочери, Путин довольно ясно дал понять всем, что на его работу ни в какой степени не будет оказывать влияния ни семья, ни кто-либо другой через нее. «Он просто постарался, чтобы все поняли, что это неприемлемо, и я, конечно, как и всегда в нашей семье, приняла эту позицию как свою собственную», — сказала тогда Людмила.

А с чем тут, собственно, можно спорить? Неужели на Западе кажется нормальным, когда в политику государства вмешивается семья человека, это государство возглавляющего? Но какой еще вывод можно сделать, читая эту статью в The Guardian? Может, в том и собака зарыта — не подобраться к Путину через жену, не повлиять на него, как на того же Горбачева. Это, конечно же, многим досадно.

«Путины всегда прилагали максимум усилий, чтобы казаться противоположностью прежних правящих семей России, Горбачевых и Ельциных, где, как считалось, у женщин было слишком большое влияние на мужей-президентов. Похоже, что домашние правила президента Путина дали ему такой же полный контроль над его тремя женщинами, какой он пытается получить над политической жизнью страны… Неудивительно, что в представлении Путиной задача первой

леди — безобидно стоять рядом с мужем: «В первую очередь нужно думать о том, чтобы не наносить ущерба деятельности президента», — заключает автор статьи в английской газете.

Очевидно, что многим хотелось бы иного. Но не гражданам страны. Граждан страны абсолютно устраивает отсутствие семьи и ее навязчивого влияния во время принятия политических решений. Претензии граждан страны к Владимиру Владимировичу лежат не в личной сфере, как бы ни соревновались желтые таблоиды в рассказах о его жене, будто бы ушедшей в монастырь, или о его романах то с олимпийскими чемпионками, то с известными телеведущими, то еще с кем-нибудь. Претензии к руководителю лежат в совершенно иной сфере…

НА ВЕРШИНЕ ОЛИМПА

«ЕДИНСТВЕННЫЙ ЕВРОПЕЕЦ» ВО ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА

Эти претензии, на мой взгляд, наиболее внятно выразил Александр Дугин в статье «Человек в Кремле», вышедшей в середине декабря в журнале «Однако».

«Прошло 12 лет, — пишет он, — с тех пор, как на политическом небосклоне России взошла звезда Владимира Путина… Никто не мог понять, кто же он на самом деле. Русский патриот и верный сын спецслужб, прячущийся за маской либерала и лишь изредка открывающий свое истинное лицо (точнее, железный лик)? Или, напротив, либерал и западник, загримированный под силовика и державника, но в критический момент всегда сбрасывающий напряжение в отношениях с Западом и подающий им сигнал: «Я свой!» Это было непонятно в начале его правления. Не внесли ясности и последующие двенадцать лет.

…Мы анализировали и гадали тогда, предупреждали и опасались. Мы анализируем и гадаем теперь, предупреждаем и опасаемся. Как будто все это время ничего не происходило. Двенадцать лет спустя Путин по-прежнему непонятен, уклончив, противоречив, загадочен…

Придя к власти, он сделал резкий рывок, который стал отличительной чертой эпохи Путина от эпохи Горбачева и Ельцина. Курс он изменил решительно, остро и ровно на 90 градусов. Наполовину он сохранил то, что было, а наполовину все поменял. Оставил капитализм, либерализм, ориентацию на Запад (а также все прелести 90-х: олигархат, коррупцию, цинизм компрадорской элиты, уничтожающие нравственность и народный дух, чудовищные СМИ и пр.). Но при этом: твердой рукой остановил распад России, внутриолигархические войны с использованием партий и национальных телеканалов, фронду провинций и губернаторов, чеченскую войну (которую выиграл), суверенистские амбиции национальных республик. После такого начала, казалось, что вот-вот должен последовать поворот на оставшиеся 90 градусов и что Путин столь же быстро войдет в полный резонанс с тем, чего от него ожидали патриоты и консерваторы: начнет строить империю, интегрировать постсоветское пространство, возьмет на вооружение евразийскую идеологию, восстановит позиции религии и традиции, примется за возрождение культуры, образования, духа, ценностей и нравов… Но не тут-то было.

Заложив крутой вираж под прямым углом к 90-м, Путин столь же резко остановился. Он отклонился от прежнего курса на 90 градусов, но ни градусом дальше. Впрочем, как и ни градусом назад. Формула найдена — «либерализм + патриотизм», и пусть разорвутся от нетерпения те, кто хотел бы отклонить эту стрелку путинизма в ту или иную сторону…»

Дугин, по-моему, абсолютно прав, и я писала об этом еще шесть лет тому назад — именно такая формула лежит в основе мировоззрения и поведения Путина. На Западе подобных политиков, остающихся, при самых либеральных воззрениях, патриотами своей страны, много. У нас, кажется, кроме Путина, нет вообще. Невольно вспоминаются слова Пушкина из его письма Чаадаеву о правительстве, которое у нас — единственный европеец.

Хорошо ли это? На первый взгляд кажется, что совсем неплохо — в условиях разобщенного общества с огромным разрывом в уровнях дохода, условиях жизни и взглядах на мироустройство — это то, что надо. Но, глядя на множество претензий к Путину со стороны как патриотов, так и либералов, приходится сделать вывод: нет, все же правительство и глава государства с таким европейским мировоззрением нам, видимо, не подходит. И не только потому, что Россия — не Европа (хотя она и в самом деле не Европа, а как минимум наполовину Азия, и по этой причине у нас другой менталитет, другие традиции и обычаи, другое отношение к жизни и людям). Но дело еще и в том, что до европейских стандартов жизни нам далеко, что богатые и даже просто обеспеченные люди у нас, в отличие от Запада, составляют, к сожалению, лишь малую часть общества. И политику, желающему быть лидером, надо это соотношение учитывать, а не жить по формуле «либерализм + патриотизм», и пусть разорвутся от нетерпения те, кто хотел бы отклонить эту стрелку путинизма в ту или иную сторону…».

Иначе получается то, что получается, — двойственность путинской натуры делает его политическим одиночкой. Но это для политика смертельно!

Можно какое-то время балансировать на лезвии бритвы, если такого требует ситуация, нельзя там находиться постоянно. Надо определяться. Надо решить: с кем ты? С либералами или с народом, который либералов на дух не переносит, поскольку убедился на практике за 25 лет, прошедших со времени разрушения Советского Союза: либеральный подход к устроению государства, а главное — к экономике, у нас не проходит. Он не оправдывается ни с точки зрения экономической целесообразности, ни с точки зрения политики, ни с точки зрения

морали и нравственности, поскольку уже привел страну ни много ни мало — к уменьшению территории, за которую заплачено кровью отцов и дедов, к хозяйственной разрухе и деградации, к уничтожению образования, науки и культуры, к вымиранию населения, к отчуждению людей от такого государства.

«Менять надо всё. Путинская система прогнила насквозь. Если он хочет спасти себя и Россию или хотя бы что-нибудь одно, он должен действовать совершенно по-другому, — так утверждает тот же Дугин в другой своей статье на ту же тему. — …Либо он всерьез приступает к реальным патриотическим реформам, которые были смутно озвучены с самого начала, потом отложены и сейчас опять провозглашаются, либо он через год разделит судьбу лидеров арабских стран.

Сможет ли он порвать со своим коррумпированным окружением? Была бы воля. Захочет — сможет».

Но дело в том, что рвать надо не только с окружением, но и с собой, со своим давно сформировавшимся мировоззрением. Реально ли это в 60 лет? Вряд ли. Да и сам Дугин в это не верит.

«Путин не выйдет за пределы той формулы, в которую вцепился намертво. Никто не дождется ни либерализма без патриотизма, ни патриотизма без либерализма. Будет ли Путин отстаивать и в дальнейшем национальные интересы, суверенитет, державность в таком случае? Убежден, что да. Это часть его сущности. И, кстати, это не мало. Сделает ли он хотя бы один решительный шаг к реальному оздоровлению общества, политики, экономики, культуры? Вернет ли народ в историю? Убежден, что нет. Он на это не нацелен и, скорее всего, и не способен. Уступит ли он в таком случае все пространство либералам и западникам? И снова нет. Их надежды будут так же обмануты, как надежды патриотов. Вот с чем мы будем иметь дело в ближайшие годы…».

Впрочем, некоторые политики, например Сергей Миронов, все же считают, что, судя по недавним предвыборным статьям, Владимир Путин «полевел» и теперь будет проводить более социальную политику. Что ж, посмотрим. Только вот уже 7 марта, на праздничной встрече с журналистками правительственного пула Путин напомнил милым дамам, что он поддерживал партию «Правое дело» и ее создание и что не исключает возможность работы в правительстве Михаила Прохорова. «Михаил Дмитриевич человек серьезный, предприниматель хороший, в принципе мог бы быть востребован в правительстве, если он сам захочет. Я не знаю, захочет ли он».

Да, с Михаилом Дмитриевичем в правительстве (захоти он принять такое лестное предложение) социальная политика у нас

будет не только «более», но вообще «самая-самая». С 60-часовой рабочей неделей, без Трудового кодекса, с пенсией где-нибудь после 70 лет, а то и без пенсии — денег-то в бюджете даже на инновации не хватает.

Ну, а предвыборные статьи Владимира Путина — это предвыборные статьи, и они выполнили свою задачу. Как считает политолог Борис Межуев, «В принципе, основной пафос всех предвыборных выступлений премьера состоял в том, что именно он как кандидат в президенты наилучшим образом отвечает трем фундаментальным для нынешнего исторического момента задачам: поддержанию социального равновесия в обществе за счет умеренного экономического курса, сохранению территориальной целостности страны и защите государственного суверенитета… Путин спорил елевыми и правыми конкурентами, отбиваясь от предложений поднять пенсионный возраст и отменить итоги приватизации, но соглашаясь обложить олигархов компенсационным налогом для вывода из тени их состояний, он полемизировал с русскими националистами, требующими отказа от субсидирования кавказских республик, считая эти предложения опасными для единства страны. Наконец, Путин и его сторонники неустанно критиковали тех своих противников, кто имеет покровителей за пределами нашей страны и готов в борьбе с режимом принять американскую помощь».

Хотелось бы этому верить, только назначение Дмитрия Анатольевича премьером и реверансы в сторону Прохорова и «Правого дела» с «умеренным экономическим курсом» плохо согласуются. Как и его статья ***«О*** наших экономических задачах». Стоит лишь посмотреть, какие же задачи Путин выдвигает, помимо набивших оскомину модернизаций и инноваций. Создание глобально конкурентоспособных корпораций, высоко капитализированных, нашедших и расширяющих свое место на мировом рынке. Дальнейшая приватизация госсобственности, которая «затронет Ростехнологии, Росавто-дор, Росатом в его гражданской части и ряд других госкорпораций». Особенно, конечно, приватизация Росатома впечатляет. Ну, и далее все в том же духе — расширять конкуренцию, так как только она «заставляет частные предприятия искать лучшие технологические решения, обновлять продукцию». И т. д. и т. п. — полный набор либеральных догм, от которых уже уши болят, столько мы их слышали за прошедшие годы. Только вот процветания стране и людям они не принесли. И никаким полевением тут даже не пахнет.

Как считает профессор МГИМО, доктор экономических наук Валентин Катасонов, «Высказывания премьера выдержаны в духе

махрового либерализма…Для русского человека, для потенциального избирателя эти тезисы неприемлемы. Не только для профессора экономики, который разбирается в каких-то экономических тонкостях, но даже для студента, домохозяйки и для любого обывателя. Видимо, В. Путин делает ставку не на народ, не на силы внутри страны, а на поддержку извне. По крайней мере, у меня складывается именно такое впечатление».

Между прочим, о том же примерно сказал и Николай Злобин в одной из телебитв между Кургиняном и Сванидзе: дескать, с США у Путина прекрасные отношения, он все делает, что нужно, а патриотическая риторика — это для внутреннего потребления. Но кто знает, не было ли это сказано для того, чтобы скомпрометировать Путина в глазах народа? Однако, так или иначе, расхождения во взглядах на экономику страны, пути ее дальнейшего развития у нашего вновь выбранного президента с большинством граждан страны расходятся, и расходятся кардинально. А это значит, что, несмотря на только что прошедшие выборы, даже в один тур, твердой опоры в обществе у него действительно нет. Значит, его положение не так уж трудно пошатнуть, и толчком может стать что угодно.

Стоит ли этого ждать, Владимир Владимирович? Может, лучше и правильнее задуматься наконец о корректировке экономического курса? Не только о налоге на роскошь, который, как все понимают, всего лишь яркий предвыборный бантик, ничего не меняющий по сути, но о восстановлении в полном объеме принципов социального государства — тех самых, что записаны в нашей Конституции? То есть — поддержание допустимого (минимального) разрыва между доходами. Сохранение и расширение пакета основных социальных гарантий для всех граждан России. Восстановление прав на бесплатную, современную и доступную медицину, бесплатное и качественное образование, достойную старость. И права на доступное жилье, которое в нашем климате равнозначно праву на жизнь, что мы и наблюдаем каждую зиму, читая в сообщениях информагентств о количестве замерзших бомжей — людей без определенного места жительства. То есть людей без жилья.

Разве не с соблюдения этих принципов начинаются политические свободы?

Да, в одной из предвыборных статей, которая так и называлась «Строительствосправедливости. Социальная политика для России», Путин вроде бы именно об этом и говорил. Проблема только в том, что вся выстраиваемая им социальная политика опять строится в рамках запад-ного либерализма, в основе которого лежит рынок земли, труда и капитала. Вряд ли

на этой основе можно построить действительно социально справедливый строй. Потому что такой строй возможен лишь при возвращении под полный контроль государства (причем хотелось бы, чтобы понятие «государство» здесь совпадало с понятием «народ», а не «бюрократия») наших природных богатств, а также всех стратегически значимых отраслей и производств, транспорта и связи и конституционном запрете на их приватизацию. И, само собой, введение прогрессивного налогообложения со всех доходов, а не только на роскошь. Пусть это будет не советский социализм, а хотя бы шведский, пусть с частной собственностью и рынком (контролируемым), но социализм, о котором, между прочим, давно говорит, вслед за восточными немцами, весь мир. Провозгласи четко такое направление развития страны Путин, и народ не только на руках внесет его в Кремль, но и никому не даст вынести.

Но нет. Не те взгляды. И менять их он, как мы успели заметить, не любит. Он, как в молодости, похоже, до сих пор верит в капитализм и «мудрые» механизмы рыночной экономики, которые сами наведут порядок и все расставят по своим местам, главное — чтоб государство не мешало.

Жаль, он не слышал, что говорил о капитализме, имея в виду Великую депрессию 30-х годов, один известный государственный деятель, перед которым тоже стояла задача превращения нищей разоренной страны (гораздо более плачевной, чем современная Россия!) в мощную индустриальную державу и который сумел эту задачу выполнить: «Капитализм может предотвратить этот кризис, если бы повысил в несколько раз заработную плату рабочим, если бы он мог улучшить материальное положение крестьян, если бы он мог, таким образом, серьезно поднять покупательную возможность миллионов трудящихся и расширить емкость внутреннего рынка. Но тогда капитализм не был бы капитализмом. Именно потому, что он не может этого осуществить, именно потому, что капитализм оборачивает свои «прибыли» не на повышение благополучия большинства трудящихся, а на усиление их эксплуатации и на вывоз капитала, чтобы получить еще большие «прибыли», именно поэтому борьба за рынки сбыта капитала порождает ожесточенную борьбу за новый передел мира и сферу влияния…» (И.В. Сталин. Доклад «Международное положение и защита СССР», 1927 год).

Что мы и наблюдаем сегодня — новый ожесточенный виток борьбы за передел мира и сферы влияния, в котором Россия — одна из этих сфер.

И все же, думается, самый главный порок капитализма кроется не в экономике, а в деградации человека, его

нравственного и интеллектуального облика, что мы воочию наблюдаем с 90-х годов XX века, и в чем, судя по состоянию нашего образования и нашей культуры, прямо заинтересована власть и так называемая элита общества.

А потому, похоже, будем и дальше учиться по Фурсенко (даже когда он уйдет — ЕГЭ ведь Путин отменять не собирается), собирать всем миром деньги на дорогую операцию умирающему ребенку (пожилым уж давно никто не собирает: пожили, и хватит), собирать холодными зимними утрами замерзшие трупы бомжей, смотреть бесконечные антисоветские сериалы по телевидению и не менее бесконечную пошлую «смехопанораму» во всех ее проявлениях-клонах. Просто все это теперь будет, надо думать, в свете последних установок, несколько цивилизованно приглажено. Типа как в Великобритании: бомжи, но не на газетах, а в спальниках. Уж простите, но впечатление от написанного и заявленного именно такое.

Что же касается окружения и старых друзей, которые вроде как бывшего лидера предали, отреклись от него, вроде как он им больше не нужен, вроде как в результате схватки бульдогов под ковром прежняя свора уже не прочь загрызть своего вожака… Если все это не игра на публику, то, конечно, загрызет, дайте срок и подходящую ситуацию, когда народные массы, разочарованные неопределенностью и двойственностью политики Путина или, что еще проще и вероятнее, разгневанные очередным скачком инфляции и цен и ухудшением качества жизни, и так для большинства народа отнюдь не высокого, которое вполне может нам устроить правительство нашего либеральнейшего Дмитрия Анатольевича, отвернутся от него. А «болотные революционеры» тут же радостно подхватят, разовьют и возглавят процесс. Вот тогда и наступит гибель: травля (впрочем, травля в либеральных изданиях, все эти годы заботливо взращиваемых и подкармливаемых Кремлем, давно уже идет), отстранение от власти в результате «народных волнений», а далее — Гаага, судилище и конец, как везде и всегда в наши прекрасные «демократические» времена.

Такие вот они, времена. И не вы ли их формировали?

КОМУ СДАЕМСЯ, ГОСПОДА?

В общем-то, было впечатление, что выбора у Владимира Путина нет — спасти его может только народ и народная поддержка. За нее он и начал бороться перед президентскими выборами, заговорив о национальном вопросе, о социальном неравенстве российского общества, подавая знаки и посылая сигналы: «Я с вами, я свой».

Однако нет! Балансирование на лезвии бритвы продолжается. Не только народу посылал он свои сигналы, иначе бы не говорил об ослаблении роли государства в экономике, о невозможности отменить итоги грабительской приватизации (хотя о том, что нужно думать, как закрыть эту позорную страницу, все же сказал). Но кому же адресованы его послания? Неужели опять друзьям-либе-ралам? Вряд ли, предательства он никогда и никому еще не прощал (если, опять же, это не игры на публику). Очевидно, он посылал свои сигналы тому якобы «креативному классу», который был и остается основной движущей силой массовых московских митингов, требующих честных выборов, но ни слова не говорящих о животрепещущих проблемах, действительно волнующих народ.

«Нельзя, конечно, назвать этих людей инопланетянами, но фраза «страшно далеки они от народа» — не является преувеличением: 70 % опрошенных имеют высшее или неоконченное высшее образование и работают в коммерческих структурах — т. е. это офисный планктон, причем столичный.

Подавляющее большинство из них считает, что материально они живут вполне сносно, бб% получает информацию из Интернета. То есть это некая столичная интернет-тусовка. Столь же непоказательны и их политические пристрастия — 27 % из них голосовали за партию «Яблоко», а 17 % намерены поддержать Явлинского, хотя даже в Москве эту партию поддерживает всего лишь десятая часть населения». Это справедливое мнение высказывали о собравшихся на московских митингах людях в статье на сайте «Движение за возрождение отечественной науки» А.Н. Самарин, Ю.А. Лисовский, Л.К. Фионова, А.П. Шабалин.

Я бы добавила, что эти люди не только «страшно далеки от народа», но и не очень адекватны. Иначе трудно объяснить, почему для российской «оранжевой» революции они выбрали белый цвет. Или это выбрали вовсе не они, а кто-то другой, ядовито и с сарказмом над ними (и над нами!) поиздевавшийся? Ведь не только девственную чистоту и русскую белоснежную зиму олицетворяет белый цвет в нашей истории и даже в международной практике, но и гораздо менее приятные вещи. Об

одной из них тут же после появления этой «креативной» идеи высказался известный блоггер Гоблин, он же переводчик Дмитрий Пучков, разместив в своем «Тупичке Гоблина» коллективный снимок фашистских полицаев с белыми повязками на рукавах и подписав под ним: «Белая лента на рукаве — это история, это традиция. Видишь, как гордо носит ее фашистская полиция?»

Другая ассоциация еще хуже, странно только, что о ней практически не говорят. Белый цвет стягов, которые гордо поднимают над толпой «болотные» и «сахарные» революционеры, испокон веков означает не что иное, как капитуляцию. Чью капитуляцию, понятно — очевидно, тех, кто встал под эти белые флаги. А вот перед кем они капитулируют? Не перед Путиным же… Ему они, как мы видим по их настроениям и действиям, сдаваться не собираются, какие бы сигналы он им ни посылал и какие бы реверансы ни делал. Как справедливо написал в своей статье, описывая встречу политологов с Путиным за месяц до выборов, Егор Холмогоров: «…Надежды на то, что Болотная куда-то схлынет и растворится — они беспочвенны. «Они придут еще»». Будем надеяться, что Путин это тоже понимает не хуже Холмогорова.

Но перед кем же тогда наша оппозиция поднимает белые стяги? Кому она ими салютует? Вопрос, что называется, на засыпку.

Ну, а честные выборы, безусловно, нужны.

Хотя есть и скептики, которые полагают, что честность и выборы — это столь же не сочетаемые понятия, как проституция и целомудрие, что весь избирательный процесс — это соревнование лжецов: кто красивее соврет, того и выберут.

Хотя неплохо было бы подумать участникам «оранжевых» митингов, нужны ли честные выборы их организаторам, которые даже при самом честном подсчете голосов не имели никаких шансов пройти во власть.

Все эти Касьяновы, Кудрины, Немцовы вместе со своей обслугой вроде Ксюши Собчак, Леонида Парфенова и неожиданно ринувшимся в политику писателем детективов Борисом Акуниным могут получить свой шанс только при смуте, при политической неразберихе, в очередной раз обманув и народ, и тот самый «креативный класс», у которого, похоже, в отличие от народа, нет ни мудрости, ни даже минимальной исторической памяти, если не хватает ума обернуться и посмотреть на события всего лишь двадцатилетней давности. Ведь тогда народ, выходивший на многотысячные митинги, тоже хотел «всего лишь» «социализма с человеческим лицом», а вовсе не звериного оскала «дикого капитализма времен первоначального накопления»,

который у нас все никак не кончится. А что получил? Нищету, вымирание, распад страны. А что получим на сей раз?

Все же, похоже, образование по «болонской системе» и фурсенковское ЕГЭ сумело-таки этим «успешным менагерам» успешно кастрировать мозги.

БЕЗ МЕЧТЫ

Как видим, народ проголосовал за Путина и на сей раз. Причем почти с тем же энтузиазмом, что и в начале его вхождения во власть. Но не оттого ли, что лица, вставшие во главе протестных толп, вышедших на московские площади после думских выборов, в основном слишком знакомые, отталкивающие и раздражающие? Не оттого ли, что эти деятели не выдвигают никакой позитивной программы, предлагающей перспективу развития страны и государства? Не оттого ли, что Зюганов, слишком засидевшийся в лидерах левых сил, давно уже воспринимается как политический импотент, боящийся реальной власти и не умеющий говорить с народом на его языке: ясном, доступном и вдохновляющем, предпочитая почему-то манеру полузабытых коммунистических старцев из Политбюро? И только потому, что народ в массе своей до сих пор хорошо помнит страшные девяностые и боится катастрофических революционных потрясений, предпочитая Путина всем перечисленным как меньшее зло. Как написал в одном из своих блогов популярный интернетовский автор Эль-Мюрид, «Оранжевые» — это, безусловно, зло абсолютное. Они ведут к катастрофе. Быстрой и неотвратимой. С остальными можно спорить и искать какие-то решения, однако с этими вопрос однозначно понятен». А еще на руку Путину, без сомнений, сыграли события на Ближнем Востоке, особенно в Ливии, — с «гуманитарными» бомбежками и страшной, зверской расправой над Муаммаром Каддафи.

Поэтому нынешние выборы Путин выиграл.

Но что будет потом?

Не похоже, чтобы наши «болотные революционеры» после выборов успокоились и смирились со своим поражением. Вряд ли кого-то должна успокаивать спадающая волна митинговых страстей. Наверняка «оранжисты» будут ждать подходящего момента, чтобы снова и снова начинать действия по примеру киевского майдана, сеять смуту, требуя признания выборов недействительными и отмены их результатов. Они не просто «придут еще», они будут приходить снова и снова.

Но что ждет страну в результате их победы? Очевидно — назначение новых выборов с новыми кандидатами и запрет старым кандидатам принимать в них участие. Кто тогда выйдет на сцену? Снова Дмитрий Анатольевич со своими сменами временных поясов и сезонов, энергосберегающими лампочками с ртутью, «Сколковым», десоветизацией и десталинизацией? Или обученный в Йельском университете лидер демократических

революций, голубоглазый красавец-блондин, раскрученный блоггер-адвокат Алексей Навальный? (Умеют все же они подбирать нам лидеров, ничего не скажешь; одно слово — политический Голливуд!) А еще — Прохоров, за которого так дружно проголосовали не только верхние три процента самых богатых, но и, вместе со многими не выбившимися в первые ряды предпринимателями средней руки, наша молодежь!

Так, моего младшего сына с невесткой на выходе с избирательного участка «экзитпуловцы», видя перед собой молодых и привычно предугадывая результат, спросили: «Прохоров?». И были совершенно изумлены, услышав фамилию лидера КПРФ. Нет, моим детям не нравится Зюганов, но они голосовали за его программу и за сильную левую оппозицию. Потому что, несмотря на то, что они как раз из тех молодых и успешных, на которых делает ставку Прохоров, им, представьте себе, не нравится работать по десять и более часов в сутки, без больничных, а иногда и без выходных, даже получая за это весьма приличную зарплату. Поскольку вся она уходит на восстановление от такой работы, когда отдых два-три раза в год становится не прихотью, а суровой необходимостью. Иначе не сможешь работать так, как этого требуют современные работодатели и современная трудовая система, которая на практике давно уже проводит принципы, провозглашенные Прохоровым.

Но почему тогда молодежь в массе все же проголосовала за Прохорова? Да просто новое лицо! Кто из «старых перцев», как неуважительно называет остальных надоевших кандидатов в президенты их молодой электорат, может вызвать их симпатию и доверие? До Прохорова те из них, кто приходил на выборы, часто голосовали за Жириновского — «по приколу», но и он надоел за столько-то лет. А тут молодой, спортивный, симпатичный, что так важно для девушек. И кто из них знает про его, как говорят, нетрадиционную ориентацию, про скандал на «Авроре»? Неужели вы думаете, что они смотрят дебаты и вообще телевизор? Может быть, еще про Куршавель что-то слышали, но буйными вечеринками-оргиями нынешнюю молодежь не отпугнешь, скорее, напротив. Как и то, что Прохоров — олигарх. Снова тут происходит обратное в их промытых нынешним образованием мозгах — раз олигарх, сумел много денег заработать (неважно как) — значит крутой, а это высшая оценка.

Но представьте себе такую немыслимую пока при нынешнем руководстве КПРФ ситуацию: вместо Зюганова от КПРФ выдвигается, например, Юрий Болдырев. (А можно и других назвать). Тоже высокий, симпатичный, сравнительно молодой и с

безупречной, в отличие от Прохорова, репутацией. То, что он не член КПРФ, для избирательного закона не имеет значения, а для электората это был бы, скорее, даже плюс, потому что наверняка и многие «яблочники» бы присоединились. Не слишком соображающая молодежь, вероятно, раскололась бы, а люди постарше с радостью и облегчением, что появился вполне достойный выбор, кинулись бы отдавать ему голоса. Вот тут не только Прохорову, но и Путину пришлось бы не на шутку попереживать за первое место. Но кандидатов, которые хоть в какой-то мере могли стать реальными соперниками, убрали еще на дальних подступах.

И потому произошло то, что произошло.

Что ж, казалось бы, народу особо беспокоиться не о чем — «оранжевый» сценарий не прошел (пока, во всяком случае), власть снова в руках у нашего «национального лидера». Так что невольно даже приходит в голову странная мысль: если бы этих «болотных революционеров» не было, надо было бы их придумать, чтобы народ снова сплотился вокруг Путина и дружно за него проголосовал. Такие мысли приходят в голову многим. Например, об этом еще за месяц до президентских выборов написал профессор С.Л. Лопатников, бывший советский ученый, в 90-е годы, как и многие его коллеги, эмигрировавший в США, но не переставший пристально следить за тем, что происходит на Родине, и делиться своими мыслями с блогосферой. Правда, он в своих размышлениях о судьбах Родины и лиц, стоящих во главе страны, идет гораздо дальше.

Так, Лопатников уверен, что все происходящее перед выборами, вместе с массовыми митингами и усиленной дискредитацией Путина в СМИ — это «Часть спектакля». Далее Лопатников выстраивает любопытную версию на тему «Как это будет сделано?».

«Два года назад, — пишет Лопатников, — я предполагал, что на этих выборах оппонентом «авторитарного» Путина будет «демократический» Медведев. Поведение бывшей интеллигенции, про которую Ленин сказал, как известно, что это не мозг нации, а говно, ныне переименованной, как милиция в полицию, в «креативный класс», про который Ленин ничего сказать не успел, подтверждало вероятность такого сценария: Медведев побеждает с демократическим перевесом в 0,5 %, и все замечательно. Чисто Латинская Америка или Германия: страна поставлена в демократическое стойло тихо и мирно…

Однако за прошедшие два года Медведев показал себя полным… эээ… невыдвиженцем. Одна история с тремя или четырьмя часовыми поясами от Калининграда до Владивостока

чего стоила! В этой ситуации выдвигать его против Путина просто бессмысленно. А Путину отказываться от участия в выборах — ломать весь имидж «тирана». Так не годится. Но кто вместо Медведева-то? Выдвинуть Навального против Путина в присутствии Зюганова, Жириновского, да даже и Миронова?.. Это сдавать йельского фюрера задаром. Так дела не делаются.

И вот тут я соглашусь с Кургиняном, который предложил логичный следующий шаг. Потребность в «демократической легитимации» из-за политического провала Медведева означает необходимость и неизбежность повторения чисто «оранжевого» сценария в той или иной форме. В какой?

Я соглашусь с Сергеем Ервандовичем, что будет устроена дискредитация выборов 4 марта. Собственно, это крайне несложно: утверждается, что «Путей» почему-то жаждет победить в первом туре, ибо если во втором, то его «легитимность будет неполноценной». Это разумеется, полный бред. Но! Сама постановка вопроса указывает на направление развития сценария. Путин побеждает в ПЕРВОМ ТУРЕ, как якобы «мечтает путинская власть»…

Все. Истерика, мировые СМИ, пиво холодное… Прав Сергей Ервандович, Медведев своей властью «отменяет выборы» и назначает новые где-нибудь поближе к американским. Типа 4 октября. Ага.

Законно ли, незаконно ли… Но Путин «дискредитирован» и в любом случае принимать участие в новых выборах не сможет. Ага. А заодно не будут участвовать ни Зюганов, ни Жириновский, ни заведомо непроходной Прохоров-Куршавельский (расскажите еще, что его во Франции на малолетних (…) не завербовали… Если нет, то хотелось бы посмотреть на тех идиотов из спецслужб, кто такую возможность упустил). И что ТОГДА?

А вот что: в новых выборах участвуют, как вы думаете, кто? «ПРЕЕМНИКА ПУТИНА» КАК ЗОВУТ? Правильно, Медведев. Вот Медведев и будет «олицетворять кремлевскую путиноидную власть»…

Кто еще? Да одна только фигура: НАВАЛЬНЫЙ! И вот теперь скажите мне, кто из этой сладкой парочки становится президентом?

Вам все ясно?

И вот вам Явлинский, если не Ходорковский премьер-министром, а Прохоров — первым вице. Не нарадуетесь.

PS. Кто читал последнюю статью Путина (речь идет о статье Путина «О наших экономических задачах». — ***Прим, авт.),*** тот знает— это либерализм чистейшей воды. Кристальный

либерализм. О чем я говорю все время вообще: Путин — ЛИ-БЕ-РАЛ. И не надо тут иллюзий».

Иллюзий насчет либерализма нет. Насчет всего остального — как видим, уважаемый профессор во многом ошибся. Что ж, его можно простить, он живет далеко и атмосферу «в родных осинах» полностью чувствовать не может. Впрочем, даже если он и ошибся (хотя многое все же сбылось), вопроса: «Что будет дальше?» это не отменяет.

Скорее всего, изменений будет немного. Будет, видимо, стабильность, пусть и не самая радостная. (Правда, прочна ли она и надолго ли, никто не скажет.) И будет всё та же политика — патриотическая вовне, либеральная внутри.

Да, это лучше, чем оранжевый шабаш. Лучше, чем Ливия и Египет.

Но это не то, о чем мы мечтали когда-то, представляя XXI век — век светлого будущего, в котором на большей части Земли, как мы думали, наступит царство справедливости. В котором люди будут сильными, добрыми и красивыми. В котором человечество распрощается со страшными болезнями. В котором космические корабли станут бороздить просторы Вселенной, а на Марсе будут цвести яблони.

Дожив до него, до XXI века, мы вдруг с ужасом увидели, что светлого будущего нет. Что никакого будущего нет. Даже образа этого будущего нет. Несмотря на все предвыборные статьи Владимира Владимировича.

Поэтому жить надо сегодняшним днем.

Так и живем. Прагматично. Без мечты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Блоцкий О. М. Владимир Путин. История жизни. Книга первая. М.: Международные отношения, 2002.

Он же. Владимир Путин. М.: Осмос-пресс, 2003.

Геворкян Н., Колесников А, *Тимоково Н.* От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000.

Гуревич В.Д. Воспоминания о будущем президенте. М.: Международные отношения, 2001.

Она же. Владимир Путин. Родители. Друзья. Учителя. СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2004.

Дугин А. Человек в Кремле. Однако, 2011.

Квицинский Ю.А. Время и случай: Заметки профессионала. М.: Олма-пресс, 1999.

Колесников А. Я Путина видел! М.: Эксмо, 2005.

Он же. Меня Путин видел! М.: Эксмо, 2005.

Мазо Б. Вариант «Преемник». М.: Алгоритм, 2005

Мухин А. Олигархи: последняя перекличка. М.: Алгоритм, 2006.

Овчинникова О.Г., Халин К.Е. Путин, Блэр, Буш: биографии и аналогии. М.: ТК Велби, 2004.

Питч Ирен. Пикантная дружба. М.: Захаров, 2002.

Пушков А. Путинские качели. М.: Алгоритм, 2010.

Рар А. Владимир Путин. Немец в Кремле. М.: Олма-пресс, 2004.

Соловьев В. Путин. Путеводитель для неравнодушных. М.: Эксмо, 2008.

Телень Л. Поколение Путина. М.: Вагриус, 2004.

Усольцев В. Сослуживец. М.: Эксмо. 2004.

Политический журнал, 2006, № 22.

Российская газета, 1.06.2005.

Комсомольская правда, 02.06.2006.

Собеседник, 07.08.2002

Московский комсомолец, 16.09.2005.

Профиль. 1999. № 12.

Литературная газета.

Сайты: Инопресса. ру; ИноСМИ, ру; РБК. ру, News.ru.com; Сомпромат. ру; Ru.redtram.com.